

Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев

**НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ УСКОРЕНИЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
«ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев

**НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ УСКОРЕНИЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
«ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2025

УДК 330.34(09)

ББК У03(2)632

А86

*Рекомендовано к печати ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
и Научным советом РАН по экономической истории*

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН *И. В. Побережников*;
доктор экономических наук *В. В. Маслаков*

Рецензенты:
член-корреспондент РАН *Л. И. Бородкин*;
доктор исторических наук *Г. Е. Корнилов*

Артемов, Е. Т.

А86 Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия» : [монография] / Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев ; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Научный совет РАН по экономической истории. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. — 288 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-7996-4024-8. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-4024-8

В монографии дается системная характеристика экономической стратегии «хрущевского десятилетия». В центре исследования — выявление роли идеологических, институциональных, структурно-производственных, военно-стратегических и личностных факторов при выборе путей, способов и механизмов достижения ее целей. Оценивается адекватность принимавшихся мер назревшим задачам. Обосновывается вывод, что на практике они в основном свелись к перманентной перестройке структуры управления производством, разбалансировавшей экономику. В результате вместо заявленного ускорения обозначилось затухание темпов ее роста.

Для специалистов в области советской экономической истории.

УДК 330.34(09)

ББК У03(2)632

ISBN 978-5-7996-4024-8

© Артемов Е. Т., Водичев Е. Г., 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Неотложные меры.....	19
1.1. Сталинское экономическое наследие.....	20
1.2. Новые ориентиры.....	53
1.3. Проблемы научно-технического прогресса.....	73
Глава 2. «Коммунистическая перспектива».....	107
2.1. По сталинским лекалам.....	108
2.2. Идеология стратегического планирования.....	124
2.3. «Все во имя человека, для блага человека!».....	150
Глава 3. Разочаровывающие итоги.....	173
3.1. Конфликты стратегии и экономической практики.....	174
3.2. Управление промышленностью: зигзаги реформ.....	203
3.3. За фасадом «золотой эпохи» советской науки.....	232
3.4. От декларированного благоденствия к социальному протесту.....	258
Заключение.....	276
Сокращения.....	285

ВВЕДЕНИЕ

«Хрущевское десятилетие» — один из самых противоречивых периодов советской экономической истории. Высокими темпами, если говорить о периоде в целом, развивалась промышленность, наблюдались позитивные сдвиги в ее структуре, в эффективности использования материальных и человеческих ресурсов. По ряду ведущих направлений научно-технического прогресса Советский Союз вышел на лидирующие позиции в мире. Зримым тому подтверждением являлись выдающиеся успехи в овладении атомной энергией, в развитии ракетно-космической техники, реактивной авиации, военной радиоэлектроники. Даже для сельского хозяйства, являвшегося «ахиллесовой пятой» советской экономики, 1950-е гг. стали временем роста производительности. Это позволило заметно повысить душевое потребление продовольственных товаров.

Одновременно улучшились другие параметры материальной жизни. Появилось больше возможностей для приобретения промышленных товаров повседневного спроса, современной бытовой техники. Миллионы людей получили отдельное жилье, расширилась сеть учреждений здравоохранения, культуры, образования и т. д. По уровню социально-экономического развития Советский Союз существенно сократил отставание от ведущих западных стран. Согласно авторитетным оценкам, подушевое производство валового внутреннего продукта к середине 1960-х гг. составляло уже 46–47 % от аналогичного показателя США, что было в 1,8 раза больше, чем накануне Второй мировой войны¹.

---

¹ Оценка по: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М., 2003. С. 516.

Многим тогда казалось, что остающийся разрыв будет преодолен в недалеком будущем, что Советский Союз вскоре опередит экономику Соединенных Штатов и по масштабам, и по эффективности. Причем подобные взгляды разделяли не только советские руководители, строившие амбициозные планы создания «материально-технической базы коммунизма», но и «широкие народные массы», ожидавшие скорого наступления «светлого завтра» с его изобилием материальных и духовных благ.

Аналогичные представления разделяли многие зарубежные аналитики и политики. Даже такой информированный человек, как руководитель ЦРУ США Аллен Даллес, в 1958 г. утверждал, что советская экономика уже растет и будет дальше расти «вдвое быстрее», чем экономика США². О том, чем это обернется в недалекой перспективе, рассуждали независимые наблюдатели, не связанные официальными рамками. «Когда я в унынии, то думаю, что через пять лет Советы обгонят нас во всем, — говорил в 1957 г. профессор Джером Виснер из Массачусетского технологического института. — Но когда я настроен оптимистично, то чувствую, что им понадобится лет десять»³. Ему вторил известный экономический обозреватель из *Saturday Review* Норман Казинз. В 1961 г. он обнаружил «несметные богатства» за «железным занавесом». Наряду со спутником и другими выдающимися достижениями науки и техники он увидел там новые жилые дома и хромированные ручки автомобилей, телевизоры и наручные часы, кинокамеры, сберегательные кассы, курорты и современные университеты⁴.

На XXII съезде партии Н. С. Хрущев с нескрываемым удовольствием приводил многочисленные примеры подобных высказываний. Но дело было не только в прогнозах отдельных авторитетных деятелей. Представление о неизбежном выходе СССР на лидирующие позиции в мировой экономике отражало общее настроение западной интеллектуальной элиты. Оно вошло даже в университетские курсы того времени. Так, в издании 1961 г. самого распространенно-

---

² См. об этом: Бетел Т. Собственность и процветание. М., 2008. С. 206.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же.

го на Западе учебника по экономике лауреата Нобелевской премии Пола Самуэльсона говорилось, что национальный доход Советского Союза скорей всего превысит национальный доход США уже в 1984 г.⁵ Тем самым как бы подтверждалась реальность принятых тогда советских планов коммунистического строительства.

В действительности, однако, все сложилось по-другому. Вместо стремительного наращивания объемов производства на рубеже 1950–1960-х гг. обозначилось затухание темпов экономического роста. Столь же несостоятельными оказались планы устойчивого увеличения доходов населения. В материалах, подготовленных соратниками Н. С. Хрущева к октябрьскому (1964 г.) пленуму ЦК КПСС, «единодушно констатировалось», что «экономика по ряду важнейших направлений резко ухудшила свои показатели» и за восемь предшествующих лет произошло «небывалое в истории ее развития снижение темпов прироста» (в два раза по данным Института экономики АН СССР). Ответственность за это возложили на Н. С. Хрущева. Ему инкриминировали «крупные ошибки» в осуществлении «генеральной линии партии» и отстранили его от руководства⁶. Но смена лидера не дала ожидаемого результата. Правда, после смещения Хрущева во второй половине 1960-х гг. удалось несколько стабилизировать ситуацию. Но в начале следующего десятилетия негативные тенденции вновь возобладали. Закономерно возникает вопрос: в чем причина случившегося, почему удачно начавшееся «хрущевское десятилетие» завершилось таким провалом, какие факторы положили начало устойчивому снижению экономической динамики?

В современной историографии на этот вопрос даются разные ответы. Чаще всего высказывается мнение, уходящее корнями в советскую историографическую традицию. В таком случае в качестве главной причины называют «волюнтаризм» Хрущева, «низкий уровень... компетентности правящей элиты». К этому добавляют

---

⁵ См.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016. С. 176, 177.

⁶ Никита Хрущев. 1984 : стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 185–186, 217–231, 239–252; 255–267.

ее приверженность идеологическим стереотипам, что не позволило критически оценить сильные и слабые стороны «исчерпавшей» себя «модели экономического развития» и провести назревшие преобразования⁷. Однако в последнее время предпринимаются попытки реабилитации классического варианта «командной экономики». Утверждается, что главной причиной затухания темпов экономического роста стала «ликвидация» в годы «хрущевского десятилетия» «ключевых факторов» присущей ей «модели опережения»⁸.

Есть и другая точка зрения. В ней акцентируется внимание на «врожденной» неэффективности и безответственности (*fundamental inefficiency and irresponsibility*)⁹ «социалистической системы хозяйствования»: «вопрос стоял лишь в том, когда и как она рухнет»¹⁰. По крайней мере, ее изъяны предопределяли нарастание кризисных явлений в экономике по мере увеличения масштабов производства и усложнения его структуры¹¹. И это в полной мере сработало в поздnehрущевский период, что обернулось резким снижением темпов развития.

В подтверждение названных интерпретаций исторического процесса приводятся многочисленные факты. Однако зачастую они целенаправленно подбираются для подтверждения готовых теоретических конструкций, и в сделанных на их основе обобщениях и выводах игнорируются большие массивы конкретно-исторического материала. Так же можно оценить попытки свести причины

---

⁷ См.: Шестаков В. А. Социально-экономическое развитие СССР в период хрущевской оттепели // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. Вып. 4. М., 2010. С. 245–251 и др.

⁸ См.: Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2014; Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М., 2020; Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021; и др.

⁹ Ericson R. Command Economy and Its Legacy // The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford : N. Y., 2013. P. 52, 57.

¹⁰ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. С. 19.

¹¹ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 36–41; Olson M. Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship. N. Y., 2000. P. 111–156.

замедления экономической динамики в первой половине 1960-х гг. к ухудшению «качества хозяйственного» руководства¹². Но еще в советское время была названа более прозаическая причина: резкое замедление темпов прироста производственных капиталовложений¹³. Скорей всего, их падение было даже больше, чем улавливала официальная статистика, в том числе в силу специфики учета затрат на оборонные нужды. Однако анализу глубинных причин снижения инвестиционной активности не уделялось должного внимания. В общем можно констатировать, что задача объяснения несостоявшегося ускорения во второй половине «хрущевского десятилетия» сохраняет свою актуальность.

Сказанное сыграло решающую роль в определении замысла книги. Свою главную задачу авторы видят в системной характеристике основных направлений и этапов экономической стратегии хрущевской эпохи. В центре исследования — выявление роли политико-идеологических, институциональных, структурно-производственных и личностных факторов при выборе путей, способов и механизмов достижения ее целей, объяснение причин расхождения декларируемых и достигнутых результатов. Особое внимание уделяется оценке релевантности формальных и неформальных экономических институтов и практик вызовам времени, связанным с необходимостью перехода к постиндустриальной модели развития.

Здесь нужно сделать одно важное уточнение по поводу обобщения конкретно-исторического материала. Очевидно, что экономическая политика была производна от избранной модели развития и особенностей устройства советского общества. Поэтому эволюция ее содержания рассматривается в широком историческом контексте, с учетом общей логики внутривнутриполитических процессов и императивов научно-технического развития, внешнеполитических и военно-стратегических факторов эпохи. Авторы прекрасно отдадут

---

¹² См.: Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 293; *Его же*. Экономическая история России в Новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 172–174.

¹³ Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформы // Ю. В. Яременко. Избр. тр. : в 3 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 378.

себе отчет о невозможности объять необъятное. Отсюда главными приоритетами исследования являются анализ стратегических установок экономической политики и их реализация.

Авторы надеются, что их исследование внесет определенный вклад в поиски ответа на ключевые вопросы российской экономической истории. Почему, несмотря на все усилия, предпринимавшиеся на протяжении последних трех столетий, стране не удается преодолеть свое отставание от лидеров экономического роста по душевому ВВП? Чем объяснить циклический характер ее развития, когда за периодами стремительного подъема неизбежно следовала стагнация и даже откат от достигнутых позиций? Были ли альтернативные варианты российского исторического процесса, и если да, то почему их не удалось реализовать на практике? Думается, что анализ экономических процессов, протекавших в хрущевскую эпоху, может дать богатый материал для соответствующих размышлений.

Работа построена по хронологическому принципу с учетом сложившегося в историографии представления о разделении хрущевской эпохи на два подпериода: это время так называемого коллективного руководства и годы безусловного лидерства Н. С. Хрущева. В первой главе «Неотложные меры» характеризуются действия наследников Сталина по смягчению накопившихся в экономике страны диспропорций. Отмечается, что они способствовали существенному оздоровлению обстановки и носили ситуативный характер. Но для обеспечения устойчивого сбалансированного развития требовалась продуманная стратегия на перспективу. В развернутом виде она была сформирована после достижения Хрущевым никем не оспариваемого первенства во властной иерархии. Как это происходило на практике и в чем заключалась ее суть, рассматривается во второй главе «Коммунистическая перспектива». Третья глава «Разочаровывающие итоги» посвящена анализу реализации принятой стратегии, объяснению причин срыва амбициозных планов. Внимание акцентируется на оценке результативности реформирования системы управления производством и научно-техническим прогрессом. В заключении подводятся итоги исследования. Отмечается, что политика хрущевского руководства, помимо неспособности

обеспечить ускорение социально-экономического развития, имела одно важное непредвиденное последствие: она способствовала трансформации сталинской командной экономики в «экономику согласований» со свойственной ей невосприимчивостью новаций и затухающей динамикой.

В своих изысканиях авторы опирались на имеющийся историографический задел, а это огромный массив исследований. Трудно даже просто перечислить работы, в которых затрагиваются те или иные аспекты экономической политики «хрущевского десятилетия»¹⁴. В их числе исследования, выполненные еще в советский период. Часть из них до сих пор не утратила научной ценности. Однако советская историография по большому счету была нацелена не столько на объективную реконструкцию процессов, сколько на доказательство обоснованности и правильности экономического курса «партии и правительства». Многие зарубежные исследования также страдали излишней политизацией, что приводило к неадекватности методологических подходов, использовавшихся в историко-экономических реконструкциях. Речь идет о некритическом применении теории тоталитаризма и концептов о «врожденном» экспансионизме российской государственности, о структурной милитаризации советской экономики, об упрощенных представлениях о механизмах ее управления как выстроенной строго по вертикали одномерной системы и т. д.

Впрочем, эти искажающие реальную картину подходы не изжиты до сих пор. Более того, они были некритически восприняты рядом российских историков. Тем не менее, в постсоветское время был сделан очевидный шаг в разработке темы, в том числе благодаря «архивной революции». Это заметно облегчает решение поставленных в монографии задач. Вместе с тем современная историография не содержит ясного ответа на ряд ключевых вопросов: какую роль в выработке экономической стратегии играли военно-политический и идеологический факторы: почему произошли снижение инвестиционной активности, ухудшение качественных параметров развития

¹⁴ См.: Artemov E., Vodichev E. The economic politics of the Khrushchev decade: historiography // *Quaestico Rossica*. 2020. Vol. 8, № 5. P. 1822–1839.

производства, срыв планов ускорения научно-технического прогресса; какие меры для смягчения обозначившихся трудностей предпринимались в организации производства, в бюджетно-финансовой сфере, в политике регулирования цен и доходов населения и чем объяснить их низкую результативность? Нуждаются в дополнительном изучении содержание и инструменты военно-промышленной политики, задачи которой во многом определяли все другие действия. Поэтому данным сюжетам в монографии уделяется повышенное внимание.

Исследование опирается на широкую источниковую базу. В настоящее время историкам доступны многие документы, отражающие динамику социально-экономической стратегии. В их числе законодательные и нормативные акты высших органов власти и государственного управления, установочные выступления партийно-государственных лидеров, разнообразные информационные, аналитические и отчетные материалы, статистические данные и т. д. Часть из них была опубликована еще в советское время (стенограммы съездов партии, ряда пленумов ЦК, заседаний Верховного Совета СССР, отдельные постановления партии и правительства, речи и статьи руководителей государства и т. д.). В последние годы к ним добавились документы, ранее считавшиеся секретными¹⁵.

Одновременно был облегчен доступ к архивным фондам ключевых игроков на поле экономической политики: Совета народного хозяйства СССР, Госплана СССР, Гостехники и хозяйственных

---

¹⁵ Молотов, Маленков, Каганович. 1957 : стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1998; Лаврентий Берия. 1953 : стенограмма июльского пленума ЦК и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1999; Георгий Жуков : стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2001; Вестник Архива Президента Российской Федерации // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66); Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. / гл. ред. А. А. Фурсенко. 2 изд., испр. и доп. М., 2004; Никита Хрущев. 1964 : стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2007; Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменщиков, В. Ю. Васильев и др. М., 2009; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1952–1958 / отв. сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. М., 2010; и др.

министерств, отраслевых и функциональных госкомитетов, профильных отделов ЦК и т. д. Это открывает широкие возможности для конкретно-исторического анализа экономической стратегии и практики реализации ее решений. Архивные материалы дополняют воспоминания партийно-государственных деятелей, в основном появившиеся в постсоветские годы. Особенности мемуарной литературы хорошо известны. С одной стороны, она незаменима, когда речь идет о реконструкции событий, которые плохо прослеживаются по другим источникам. С другой — в силу своей субъективности такая литература нередко искажает реальную картину прошлого. Иногда авторы воспоминаний вообще занимаются мифотворчеством (часто бессознательно, а порой и сознательно). Но эти недостатки мемуаров можно свести к минимуму при комплексном использовании источников, критическом сопоставлении содержащейся в них информации.

Для оценки результативности экономической политики используются такие статистические показатели, как темпы роста национального дохода и валового внутреннего продукта (в альтернативных расчетах), выпуска отдельных видов продукции, объемы потребления населением промышленных и продовольственных товаров, расчеты динамики капитальных вложений, незавершенного строительства и др. Здесь, однако, возникает проблема достоверности официальной экономической информации. Сегодня практически все исследователи, специально занимающиеся анализом темпов и пропорций развития советской экономики, согласны, что государственная статистика существенно искажала реальную картину¹⁶. Это затрудняет реконструкцию производственных процессов в их увязке с реализацией стратегических замыслов. Вместе с тем с учетом выполненных альтернативных расчетов проблема количественной оценки результативности экономической политики хрущевского руководства все же решаема. По крайней мере, вместе

---

¹⁶ О причинах и масштабах завышения советской статистикой темпов экономического роста, обзор официальных данных и альтернативных расчетов см.: Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991; Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997.

с данными государственной статистики они позволяют охарактеризовать основные тенденции и выделить качественные различия отдельных этапов экономического развития.

Сложней обстоит дело с источниковой базой военно-экономической политики. Ее разработкой и реализацией занимались Совет обороны СССР и его Научно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию, Военно-промышленная комиссия при президиуме Совета министров СССР, военно-промышленные ведомства, специализированные управления Минобороны, профильные отделы Госплана и Минфина, отдел оборонной промышленности ЦК КПСС. Однако их архивные фонды недоступны исследователям, так что приходится ориентироваться на опубликованные документы и материалы. Издания советского времени содержали очень дозированную информацию. По сути, все ограничивалось материалами преимущественно пропагандистского характера. Определенное исключение, пожалуй, составляют документы о строительстве вооруженных сил, обзоры советской военной стратегии¹⁷. Это важный источник, поскольку военная доктрина во многом предопределяет направления строительства вооруженных сил и их оснащение боевой техникой.

В постсоветские годы данный пробел удалось заметно восполнить. Были изданы сборники ранее совершенно секретных документов¹⁸. К ним примыкают труды энциклопедического и обзорного

---

¹⁷ Военная стратегия / под ред. маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. М., 1960; Ядерный век и война. Военные обозрения / под ред. маршала Советского Союза А. А. Гречко. М., 1964; КПСС о Вооруженных силах Советского Союза : Документы. 1917–1968 / сост. К. У. Черненко, Н. И. Савинкин. М., 1968.

¹⁸ Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. М.; Саров, 1999–2010. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1–7; Т. 2. Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 1–2; История создания, развития и деятельность ВНИИТФ // Грани истории в документах и фотографиях : [электрон. ресурс] / Рос. фед. ядер. Центр — ВНИИ тех. физики им. акад. Е. И. Забабахина. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM; Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.) : сб. док. / сост. В. И. Ивкин, Г. А. Сухина. М., 2010; Становление ракетной мощи страны : Из истории создания ракетно-ядерного орудия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.) / сост. В. И. Ивкин, Г. А. Сухина, М. Уль : сб. док. : в 3 кн. М., 2019 и др.

характера о развитии оборонной науки, техники, производства, выполненные руководителями и ведущими специалистами военно-промышленного комплекса. Конечно, их прежде всего нужно отнести к историографии проблемы. Но они также являются важным источником, позволяющим ознакомиться с содержанием правительственных решений, не публиковавшихся в открытой печати. То же можно сказать об аналогичных работах, освещающих отдельные аспекты строительства Советской армии и ее оснащения боевой техникой и вооружением¹⁹.

Конечно, содержащиеся в подобных изданиях сведения носят фрагментарный характер, однако при должной интерпретации они дают более или менее целостную картину основных направлений и этапов военно-экономической политики. Правда, оценка оборонной нагрузки на экономику будет носить преимущественно качественный характер. Кроме отсутствия доступных систематических данных, это объясняется особенностью учета советских оборонных расходов. Дело в том, что официальный бюджет Министерства обороны не отражал всех затрат. Значительная часть расходов, связанных с наращиванием военной мощи — разработкой и организацией производства вооружений, закупкой «новой техники специального назначения» (ядерного оружия), вложениями в научно-производственную базу военно-промышленного комплекса, созданием мобилизационных резервов — проходили по другим статьям госбюджета. Помимо прочего, это заметно уменьшало цену военных поставок, оплачивавшихся из бюджета Министерства обороны. Поэтому

---

¹⁹ Оружие и технологии России : энциклопедия. XXI век. М., 2000–2007. Т. 1. Стратегические ядерные силы. Т. 4. Военная авиация. Т. 5. Космические средства вооружения. Т. 6. Корабли военно-морского флота. Т. 9. Противовоздушная и ракетная оборона. Т. 14. Ядерный оружейный комплекс; Советская космическая инициатива в государственных документах. М., 2008; Атомные города Урала. Город Снежинск : энциклопедия. Екатеринбург, 2009; Вооружение России : в 2 т. М., 2010–2011. Т. 1. Советская военная мощь. Т. 2. Вооружение России на рубеже веков; Атомное оружие России : биогр. энцикл. М., 2012; Оружие наследников Победы. М., 2015; Атомный век : хроника и фотографии. М., 2015; Военно-промышленная комиссия. 60 лет на страже Родины. М., 2017; Атомная эра российской авиации. М., 2019 и др.

определить уровень милитаризации советской экономики можно лишь весьма приблизительно. Ну а сложности с оценкой затрат на оборонные нужды являются одной из причин фантастических данных об их масштабах, встречающихся в литературе.

Определенные возможности здесь открывают ставшие недавно доступными расчеты (в сопоставимых ценах) укрупненных межотраслевых балансов народного хозяйства СССР за 1950–1970 гг.²⁰ Они позволяют понять динамику закупок традиционных видов вооружения и боевой техники во взаимосвязи с зигзагами геополитической стратегии и оборонной политики. Так что источниковая база вместе с историографическим заделом вполне достаточна для проведения масштабных реконструкций экономической политики времен хрущевского руководства.

Для обобщения анализа конкретного материала используются традиционные для исторического исследования подходы к сбору и структурированию исторической информации, к систематизации и анализу полученных сведений. Для решения отдельных задач применяются методы общенаучного порядка (элементы структурно-функционального и системного анализа), а также категориальный аппарат, наработанный в смежных дисциплинах (экономике, социологии, политологии). Это обеспечивает учет максимально возможного количества факторов, влиявших на изучаемые процессы. Авторы рассчитывают таким образом повысить обоснованность своих суждений об императивах и векторе экономического развития в период «хрущевского десятилетия».

Ключевыми понятиями, позволяющими вписать исследование конкретного материала в широкий исторический контекст, являются «стратегия», «рост», «развитие», «трансформация». Под стратегией в данном случае понимается определение вектора, целей и задач экономического развития страны на долгосрочную перспективу,

---

²⁰ См.: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформы. Кн. 3. Прил. 1. С. 253–261. Во второй квадрант межотраслевых балансов включен столбец «Прочее конечное потребление». Считается, что в нем отражены поставки обычных видов боевой техники и вооружения (без «новой техники специального назначения» и детализации).

а также система решений и мер, принимаемых высшими органами государственной власти и управления и задающих направления практической политики. Рост характеризует количественное увеличение параметров экономической деятельности. Развитие — тот же рост, когда он является результатом совершенствования действующих институтов и базовых отношений, ответственных за ее регулирование. Трансформация — пересмотр самой модели развития. Такая интерпретация названных понятий позволяет рассматривать «хрущевское десятилетие» как самостоятельный период в истории российской экономики, как время ее перехода к позднесоветской стадии.

Особое значение для исследования имеет использование ряда положений теории модернизации. Ее ранние версии справедливо подвергались критике за телеологизм, евроцентричный уклон, игнорирование множества путей «движения к модерну» и т. д. Сегодня подобные упрощения в основном преодолены, так что в современном виде теория модернизации обладает несомненным эвристическим потенциалом при реконструкции исторических процессов²¹. Это открывает широкие возможности для выявления специфики долгосрочных тенденций в развитии России. Отличительной чертой российской модернизации являлся ее «догоняющий характер»²². Она направлялась «сверху», а в советское время осуществлялась преимущественно посредством мобилизационной политики²³. В экономической сфере

---

²¹ *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 68–114; *Гиденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии. М., 2021. С. 24–28; *Травин Д. Я.* Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М., 2022. С. 107–113.

²² См.: *Бородкин Л. И.* Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Урал. ист. вестн. 2017. № 4 (57). С. 6–15; *Побережников И. В.* Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Там же. С. 35–46; *Мау В., Дробышевская Т.* Модернизация и российская экономика: три столетия догоняющего развития // Экономика России. Оксфордский сборник. Кн. 1. М., 2015. С. 69–100.

²³ См. об этом: *Седов В. В.* Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2018.

именно власть задавала стратегические цели развития, для достижения которых использовались все доступные ресурсы.

Однако по мере роста масштабов и усложнения структуры экономики результативность мобилизационных механизмов снижалась, и это в полной мере проявилось уже в хрущевскую эпоху. Но правящая элита не смогла правильно оценить вытекающие отсюда последствия и не нашла действенных способов повышения эффективности производства. Почему так произошло, хорошо объясняет концепт административно-бюрократического рынка. Он обладает большими эвристическими возможностями при анализе фундаментальных установок практической политики, реконструкции реальных механизмов ее разработки и реализации²⁴. И эта исследовательская парадигма широко используется в работе при обосновании причин трансформации «командной экономики» в «экономику согласования» со свойственным ей отторжением новаций и затухающими темпами экономического роста.

Особое внимание уделяется роли военных приготовлений. Сегодня многие исследователи считают, что отвлечение сил и средств на создание (совершенствование) средств вооруженной борьбы сужает поле научно-технического поиска, замедляет инновационную активность и в конечном счете негативно сказывается на экономическом развитии²⁵. Однако не все так очевидно. Создание того же ядерного оружия привело к появлению исследовательских направлений и технологий, далеко выходящих за пределы оборонных нужд²⁶. И такие примеры можно продолжить. Но, с другой

---

²⁴ См. об этом: *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину : Анатомия застоя. М., 1991. С. 31–62; *Авен П. О., Широнин В. М.* Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР Экономика и прикладная социология. 1987. № 13, вып. 3. С. 33–37; *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006; и др.

²⁵ *Мокир Дж.* Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М., 2014. С. 289–295.

²⁶ Академия наук и атомная отрасль : Научные сессии Общих собраний отделений РАН. Декабрь 2020 г. / под ред. акад. РАН В. Г. Бондура, акад. Г. Н. Рыкованова и чл.- корр. РАН А. А. Макоско. М., 2021.

стороны, не вызывает сомнений, что наращивание военной мощи ограничивает решение широкого круга актуальных социально-экономических задач. И здесь важно найти оптимум между требованием поддержания на должном уровне национальной безопасности и возможностями экономики. Опыт Советского Союза времен «хрущевского десятилетия» это наглядно подтверждает.

Авторы глубоко благодарны своим научным редакторам чл.-корр. РАН И. В. Побережникову и д.э.н. В. В. Маслакову, рецензентам чл.-корр. РАН Л. И. Бородкину и д.и.н. Г. Е. Корнилову за ценные советы и комментарии, позволившие уточнить ряд рассматриваемых сюжетов, обобщений и выводов, а также искренне признательны Е. М. Ивановой, взявшей на себя непростой труд по подготовке рукописи к изданию.

Глава 1

НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ

Общепризнано, что отход от сталинского экономического курса начался сразу после смерти вождя. Сначала приостановили реализацию ряда затратных инвестиционных проектов, обещавших отдачу в неопределенном будущем. Тогда же сократили поставку армии обычных видов вооружений. Одновременно вышло постановление Совета министров СССР «О расширении прав министров СССР». Оно наделяло руководителей хозяйственных ведомств дополнительными полномочиями в решении организационных, финансовых и производственных вопросов. Сталинские наследники рассчитывали, что такая мера упрочит их поддержку со стороны влиятельных представителей правящей элиты. Но в то же время это можно рассматривать как первый шаг на пути децентрализации управления промышленностью. Затем с учетом высвободившихся средств провели корректировку приоритетов экономической политики. Были предприняты реальные шаги по приданию ей большей социальной направленности. В результате повысилась сбалансированность экономики, что положительно сказалось на темпах ее роста. Другими словами, уже первые решения послесталинского «коллективного руководства» стали отправным пунктом экономического реформирования времен «хрущевского десятилетия». И объяснение его причин и особенностей целесообразно начать с оценки экономических итогов сталинского правления.

1.1. Сталинское экономическое наследие

В советской историографической традиции первые послевоенные годы называли периодом восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. И это, в общем, отражало реальную ситуацию. Победа в Великой Отечественной войне досталась Советскому Союзу дорогой ценой. Миллионы солдат погибли на фронте. Огромными были потери среди мирных жителей на временно оккупированных территориях. Многие населенные пункты Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и значительной части Европейской России лежали в руинах. Без крыши над головой осталось более 25 млн человек. Десятки тысяч промышленных и сельскохозяйственных предприятий оказались полностью или частично разрушенными. Согласно официальным данным, материальный ущерб Советского Союза составил 679 млрд руб. (в ценах 1941 г.), или треть национального богатства страны¹. Общие потери СССР, включая прямые военные расходы, издержки, связанные с эвакуацией промышленных предприятий и прекращением их деятельности в результате разрушения, со снижением доходов населения, некоторые исследователи оценивают в фантастическую сумму — 2 569 млрд руб. в довоенных ценах². Возможно, эти цифры завышены. Но ни у кого не вызывает сомнений огромные масштабы потерь Советского Союза, понесенных во Второй мировой войне.

Победа стала для советского руководства неоспоримым доказательством правильности довоенного политико-экономического курса. Огромные усилия, связанные с ускоренной индустриализацией и коллективизацией, выглядели в ее свете необходимыми и своевременными, а сопровождавшие их жертвы — вполне оправданными. Не вызвала сомнения и жизнеспособность общественно-политического строя, обеспечившего результативную мобилизацию человеческих и материальных ресурсов для защиты страны.

---

¹ История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1980. Т. 6. С. 10; Вопросы статистики. 1995. № 3. С. 51.

² См.: Кудров В. Н. Национальная экономика России : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 308.

Такие представления были свойственны не только представителям правящей элиты. По большому счету, их разделяло большинство населения, ощущавшего себя победителями в окончившейся войне. И это создавало широкую социальную базу для послевоенной политики, ориентированной на новый экономический рывок³. Вопрос заключался лишь в том, как совместить восстановительные задачи с перспективами дальнейшего развития.

Ответ на него, как и следовало ожидать, дал в своей известной речи перед избирателями И. В. Сталин в феврале 1946 г. По его убеждению, имелся лишь один приемлемый вариант: форсированное наращивание потенциала тяжелой индустрии. С одной стороны, это позволяло в кратчайшие сроки «восстановить районы, пострадавшие в ходе боевых действий», а с другой — давало Советскому Союзу гарантию «от всяких случайностей» военно-политического характера. А таковые, по мнению вождя, были весьма вероятны в связи с прогнозируемым им обострением кризиса «капиталистической системы мирового хозяйства». Другими словами, он не исключал развязывания нового глобального военного конфликта. Отсюда напрашивался очевидный вывод: страна должна обладать необходимыми и достаточными материальными предпосылками для отражения любой военной угрозы. И эту задачу можно решить, только располагая мощной базовой промышленностью. Ее ускоренное развитие также рассматривалось как необходимое условие «подъема» потребительского сектора, повышения жизненного уровня трудящихся. Но последняя установка скорей носила декларативный характер. По крайней мере, ее практическая реализация ставилась в зависимость от решения первоочередной задачи⁴.

В современной историографии справедливо утверждается, что основные положения речи Сталина перед избирателями заложили основы экономической стратегии первых послевоенных лет. Это отнюдь не означало, что пути и способы достижения очерченных в ней целей оставались неизменными. Они менялись во времени под действием различных факторов как внутреннего, так и внешнего

³ См.: *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. С. 33–36.

⁴ Речь И. В. Сталина перед избирателями // *Правда*. 1946. 10 февр.

порядка. Но главная особенность экономического курса — ориентация на наращивание военно-промышленной мощи — оставалась неизменной. Как и в довоенные годы, основным инструментом согласования стратегических целей и конкретных задач, учета «объективных потребностей» и возможностей становилось народно-хозяйственное планирование. Важная роль в нем принадлежала пятилетним планам. Они содержали так называемые контрольные цифры по производству и распределению материальных благ и услуг. Эти проекты утверждали высшие органы партийно-государственной власти и управления. В теории считалось, что они сбалансированы. На практике пятилетние задания были недостаточно детализированы и допускали различные интерпретации. Зачастую они устанавливались на основании нереальных допущений и не стыковались с годовыми заданиями. Последние постоянно корректировались и в сумме не обеспечивали выход на контрольные цифры пятилетки. В результате темпы и пропорции развития производства, объемы выпуска продукции и так далее существенно расходились с принятыми на старте показателями. Это позволяет говорить об условном характере планового управления экономикой⁵.

Впрочем, его не абсолютизировало и советское руководство. По определению главного конструктора «социалистической системы производства» И. В. Сталина, «всякий план есть лишь план, принятый в первом приближении»⁶. Уже в послевоенное время он утверждал, что нельзя «связывать себя пятилетним планом», «нужно обязательно учитывать меняющуюся обстановку»⁷. Это происходило следующим образом. Вне рамок рутинного народно-

---

⁵ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952*. Chapel Hill, 1980. P. 484; Khlevniuk O. План и рывок в советской экономике : Товарообменные операции в 1930-е — 1950-е годы // *Cahiers du Monde russe*. 2023. № 64/1. Janvier — Mars. P. 109, 110; Артемов Е. Т. Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология*. 2024. Т. 23, № 8. История. С. 81–93.

⁶ Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезда ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Соч. : [в 13 т.]. Т. 12. Апрель 1929 — июнь 1930. М., 1949. С. 347.

⁷ Цит. по: Малышев В. А. Дневник Наркома // *Источник*. 1997. № 5. С. 134.

хозяйственного планирования в рабочем порядке принимались постановления «партии и правительства» по, казалось бы, частным вопросам. Но именно они определяли направления практической социально-экономической политики. Под них подстраивались при составлении (корректировке) текущих (годовых, квартальных) общегосударственных и отраслевых планов. Такая технология планирования, с одной стороны, придавала управлению необходимую гибкость, а с другой — означала его осуществление в ручном режиме. Пятилетки же задавали лишь самые общие ориентиры, которые определялись политико-идеологическими устремлениями правящей элиты, ее пониманием логики экономического развития⁸. Если говорить о первом послевоенном периоде, то его приоритеты можно свести к ограниченному числу позиций: форсирование темпов экономического роста, опережающее развитие тяжелой промышленности, поддержание на достаточном уровне военной мощи. Всем другим нуждам внимание уделялось в соответствии с остаточным принципом. Помимо управленческой, пятилетки выполняли еще одну важную функцию. По образному определению Е. Залески, они служили «экономической мечтой» (“vision of growth”), призванной поддерживать энтузиазм населения, побуждать его к ударному труду ради «светлого будущего», которое уже не за горами⁹.

Предварительная работа по составлению плана первой послевоенной пятилетки (четвертой по счету) началась в последние месяцы войны. В ноябре 1945 г. Госплан вынес свои проектировки на рассмотрение Совнаркома СССР, а в марте следующего года Верховный Совет СССР по докладу председателя Госплана Н. А. Вознесенского принял закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.». Его главная цель фиксировалась в названии закона¹⁰. В соответствии с ней в плановый

---

⁸ Артемов Е. Т. Экономическая политика позднесоветской эпохи: проблема выбора приоритетов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 210–224.

⁹ Zaleski E. Stalinist planning for Economic Growth. P. 503–504.

¹⁰ Залкинд А. И., Мирошниценко Б. П. Очерки развития народно-хозяйственного планирования. М., 1980. С. 230–231.

период предусматривалось «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах». В результате выполнения плана пятилетки объем национального дохода и производство промышленной продукции, в том числе в районах, пострадавших от оккупации, должны были значительно превысить довоенный уровень. Планировалось, что объемы производства в аграрном секторе экономики также превзойдут те, что были достигнуты в предвоенные годы. Это рассматривалось как необходимое условие расширения рынка потребительских товаров. О перспективах военно-промышленного производства в докладе Вознесенского говорилось весьма скупое. Он лишь фиксировал, что продолжится «оснащение Вооруженных сил Советского Союза новейшей военной техникой». Но как это будет совмещено с послевоенной перестройкой промышленности, с частичным переводом ее мощностей на выпуск гражданской продукции — не разъяснялось¹¹.

Задания пятилетки точно соответствовали сталинской установке на приоритетное наращивание тяжелой индустрии как основы военно-политического могущества страны. По словам Вознесенского, отступить от этого курса — «значит потерять те материальные предпосылки, которые обеспечили нам в период Отечественной войны военную, экономическую и политическую победу»¹². Ключевая роль в выполнении заданий пятилетки отводилась «социалистическому накоплению», опустившемуся в годы войны до критически низкого значения — до 4 % национального дохода по сравнению с 19 % в 1940 г. Чтобы выправить ситуацию, планировался ежегодный прирост объема капитальных работ примерно на 12 %. За счет этого намечалось сначала восстановить, а затем и превзойти довоенный уровень основных фондов¹³. Необходимые для этого ресурсы в основном рассчитывали получить за счет снижения оборонной нагрузки на экономику. Осуществление такого маневра началось

---

¹¹ *Вознесенский Н.* Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. М., 1946.

¹² *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. М., 1974. С. 451.

¹³ *История социалистической экономики* : в 7 т. Т. 6. М., 1980. С. 13.

сразу по завершении боевых действий в Европе. Уже в июне 1945 г. был принят закон о демобилизации личного состава Вооруженных сил. К началу 1948 г. его численность сократилась с 11 млн 365 тыс. до 2 млн 874 тыс. чел.¹⁴ В результате народное хозяйство получило миллионы работников, способных и готовых к производительному труду. Пропорционально уменьшались расходы на содержание и боевую подготовку частей и соединений. Одновременно были ограничены поставки Советской армии вооружений и техники. Если судить по объему их производства, то с 1945 по 1947 г. они снизились в 2,3 раза. Это обернулось стремительным уменьшением бюджета военных ведомств — в два раза за тот же период. Еще более высокими темпами сокращались расходы на разработку традиционной боевой техники, вложения в материально-техническую базу военного производства, проходившие по статье «развитие народного хозяйства»¹⁵.

Динамичному наращиванию возможностей советской экономики способствовала стабилизация расстроеной за годы войны финансовой системы. Хотя встречающееся в современной историографии мнение о ее полной деформации является явным преувеличением: состояние денежного обращения после войны не было критичным, гиперинфляция стране не угрожала¹⁶. Тем не менее, имевшая место в годы войны эмиссия заметно увеличила количество денег в обращении. Это была вынужденная мера, которая использовалась для покрытия военных расходов. В результате объем денежной массы в обращении превысил довоенный уровень почти в три раза и составил на 1 октября 1947 г. 63,4 млрд руб.¹⁷ Но при существующих ценах в государственной и кооперативной торговле она

---

¹⁴ Бабаков А. А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.): История строительства. М., 1986. С. 29–30.

¹⁵ Оценка по данным: Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 117, 118.

¹⁶ Чудинов И. А. Денежная реформа 1947 года. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 48.

¹⁷ Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана» // Отеч. ист. 2001. № 3. С. 79; Чудинов И. А. Указ. соч. С. 209.

не была обеспечена товарами. Их, конечно, можно было повысить в централизованном порядке. Однако такая мера при неравномерном распределении накоплений привела бы к катастрофическому снижению уровня жизни большинства населения. Так что в реальности имелось два варианта решения проблемы: сохранение административного регулирования товарного обращения посредством карточной системы либо принудительное изъятие «избыточной» денежной массы. Первый вариант посчитали неприемлемым, поскольку он не создавал мотивации для производительного труда, поэтому пошли на денежную реформу конфискационного характера, так что ее издержки легли на плечи населения, прежде всего на тех, кто имел крупные денежные накопления. Реформа 1947 г. позволила в четыре раза сократить количество денег в обращении. Это создало условия для отмены карточной системы при сохранении в конечном итоге дореформенного уровня государственных розничных цен и даже при их снижении на колхозном рынке (10–12 % от оборота государственной и кооперативной торговли)¹⁸. Возврат же к свободной торговле, в свою очередь, повысил заинтересованность работников в хорошо оплачиваемом производительном труде, поскольку она расширяла возможности для реализации получаемых доходов.

Другим важным шагом по оздоровлению товарно-денежного обращения, бюджетно-финансовой системы стала реформа оптовых цен. Принципиальное решение о ее проведении приняли в 1947 г., но ее практическое осуществление началось двумя годами позже. Она предусматривала централизованное повышение действующих цен на сырьевые товары, топливо, электроэнергию, отдельные виды машиностроительной продукции и тарифы на железнодорожные перевозки. Дело в том, что они были установлены еще в предвоенные годы и не отражали существенно выросших в силу разных причин производственных затрат. Это вело к глубокой убыточности предприятий базовых отраслей промышленности и железнодорожного транспорта. Их поддерживали на плаву за счет дотаций из государственного бюджета, объем которых стремительно увеличивался. В 1946–1948 гг. они выросли в три раза и достигли огромной

---

¹⁸ Чудинов И. А. Денежная реформа 1947 года. С. 251–252.

суммы — 42 млрд руб., что составляло четверть расходов бюджета на народное хозяйство. Повышение оптовых цен и железнодорожных тарифов примерно в 1,6 раза позволило отказаться от практики дотирования и направить сэкономленные средства на цели развития. А чтобы побудить предприятия к рациональному использованию ресурсов, в черной и цветной металлургии, в химической, угольной, цементной и лесной промышленности, в электроэнергетике и машиностроении установили жесткие нормативы снижения себестоимости производимой продукции. За счет их неукоснительного исполнения в дальнейшем рассчитывали проводить поэтапное снижение оптовых цен и тарифов. И в общем это получилось: в 1952 г. их довели до уровня 1948 г. Но структура оптовых цен была уже иной по сравнению с дореформенным временем. Она более объективно отражала соотношение затрат на производство различных видов продукции, повышала заинтересованность предприятий во внедрении ресурсосберегающих технологий, в более рациональной организации труда¹⁹.

Конечно, послевоенная перестройка экономики проходила весьма непросто. Возникли серьезные трудности с конверсией военного производства. Поначалу расширение выпуска мирной продукции не компенсировало сокращение оборонного заказа. Ситуацию усугублял катастрофический неурожай 1946 г., подорвавший сырьевую базу пищевой и легкой промышленности. В результате в 1945 и 1946 гг. произошло резкое падение промышленного производства. Но особенно негативное влияние неурожай оказал на восстановительные процессы в сельском хозяйстве, на обеспечение населения продовольственными товарами. В ряде районов он спровоцировал даже голод. И только к концу 1947 г. благодаря хорошему урожаю положение стало выправляться. Это позволило накопить товарные запасы продовольствия, необходимые для запуска денежной реформы. К этому времени в основном удалось преодолеть конверсионные трудности. Так, были созданы предпосылки для роста промышлен-

---

¹⁹ См.: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 247–258; Дерябин А. А. Некоторые эпизоды из истории советского ценообразования // Экономическая история СССР : очерки. М., 2007. С. 333–348.

ного производства. В 1948 г. его объем уже превысил довоенный уровень. Положительная динамика сохранялась и в оставшиеся годы четвертой пятилетки. Согласно официальным данным, ее задания были выполнены и даже перевыполнены. Производство национального дохода в 1950 г. составило 168 % к 1940 г. вместо 138 % по плану, валовой продукции промышленности — 173 % вместо 148, грузооборота железных дорог — 145 % вместо 126. Производительность труда выросла в промышленности на 37 % вместо запланированных 36 %, объем капитальных вложений увеличился в три раза вместо предусмотренных контрольными цифрами роста в 2,5 раза.

Правда, по ряду важных позиций наблюдалось существенное недовыполнение заданий. Так, валовая продукция сельского хозяйства по итогам пятилетки должна была превысить довоенный уровень на 27 %. Согласно же отчетным данным, он даже не был достигнут. Заметно меньшим оказался рост товарооборота государственной и кооперативной торговли. Он составил всего 11 % вместо намеченных 28 % по плану²⁰. Нужно также иметь в виду, что отчетные данные приукрашивали реальную картину. Советская статистика, как уже говорилось, систематически завышала темпы экономического роста. Это объяснялось как несовершенством использовавшейся методологии расчетов, так и сознательным искажением экономической информации в угоду начальству или по его прямому указанию. Тем не менее, быстрое послевоенное восстановление экономики трудно отрицать. Его темпы были сопоставимы с тем, что наблюдалось в Западной Германии и Японии, развитие которых в те годы квалифицируется как экономическое чудо²¹.

Преодоление трудностей первых послевоенных лет позволило вернуться к разработке Генерального хозяйственного плана как отправного звена народно-хозяйственного планирования. Эта идея

---

²⁰ Вознесенский Н. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. С. 12–51; Сообщение Госплана СССР и ЦСУ СССР «Об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана на 1946–1950 гг.». М., 1951. С. 3–20.

²¹ Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 82–84.

была обоснована еще во второй половине 1920-х гг. Она предусматривала органичное сочетание годовых, пятилетних и перспективных планов. Один из ее авторов Г. М. Кржижановский утверждал: «Годовой план — это больше всего план эксплуатационный... Генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного, и часть плана строительства»²².

Несмотря на то, что в теории отправным звеном планирования считалась разработка Генерального хозяйственного плана, события пошли по другому сценарию. Основные усилия в предвоенное десятилетие были сосредоточены на подготовке пятилетних планов. С одной стороны, сталинский «великий перелом» нуждался в подкреплении конкретными расчетами и политическое руководство не хотело ждать, когда будет соблюдена вся «цепочка Кржижановского». С другой — разработка Генерального плана на «строгой научной основе» столкнулась с трудноразрешимой проблемой: закладываемые в него показатели никак не удавалось согласовать с зигзагами «генеральной линии» и постоянно меняющимися годовыми и пятилетними заданиями. Первый реальный шаг в этом направлении был сделан только накануне войны. В апреле 1941 г. Госплан представил Совету народных комиссаров «Тезисы доклада о Генеральном хозяйственном плане». Они содержали концептуальные подходы к развитию народного хозяйства СССР на предстоящий пятнадцатилетний период. В случае одобрения их предполагалось развернуть в полноценный плановый документ уже к концу того же года. Однако начало войны, как говорится, спутало все карты. Работу над Генеральным хозяйственным планом приостановили. Но сама его идея продолжала жить²³.

К ней вернулись по инициативе председателя Госплана Н. А. Вознесенского. В августе 1947 г. он направил на имя И. В. Сталина письмо с обоснованием необходимости разработки Генплана. Назывались две главные причины, по которым это

²² Кржижановский Г. М. Сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1934. Т. 2. С. 364–365.

²³ Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО : всерос. экон. журн. 2013. № 1. С. 152–154.

нужно было сделать. Во-первых, как утверждал Вознесенский, Генеральный хозяйственный план должен был конкретизировать установки новой программы ВКП(б), к составлению которой тогда приступили. Во-вторых, назывались сугубо прагматические соображения. По заключению Вознесенского, планы «размещения производительных сил и строительства новых крупных сооружений (железных дорог, гидроэлектростанций, металлургических заводов и так далее) не укладываются в рамки пятилетки» и для «своего правильного решения требуют» составления проектировок «на более длительный период». И. В. Сталин согласился с предложением Вознесенского, и буквально через несколько дней политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о подготовке Генерального хозяйственного плана СССР²⁴.

Эту работу возглавил Госплан СССР. К ней привлекли хозяйственные министерства, научные организации и так далее. Их совместными усилиями к декабрю 1948 г. был подготовлен «предварительный проект» Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1951–1970 гг.²⁵ Декларировалось, что его выполнение обеспечит «постепенный переход» советского общества к коммунизму. Предполагалось, что он синхронизирует темпы экономического развития с программой преобразования общественных отношений, а его осуществление создаст материальную основу для перехода «от общества социалистического к обществу коммунистическому», «полностью гарантирует Советскую страну от всяких случайностей, связанных с наличием капиталистического окружения». Целевые установки Генплана в основном и главным повторяли положения, содержавшиеся в речи Сталина перед избирателями от февраля 1946 г. А критерием создания экономической базы коммунизма считалось решение «основной экономической задачи» — превышения уровня производства на душу населения в «главных капиталистических странах»²⁶.

---

²⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, И. Горщицкий, Л. П. Кошелева и др. М., 2002. С. 241, 243.

²⁵ Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народно-хозяйственного планирования. М., 1980. С. 244–245.

²⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 18.

По представлениям разработчиков Генплана, для этого нужно было за 20 лет увеличить национальный доход в 3,3 раза (в ценах 1926/1927 гг.), объемы валовой продукции промышленности — в 3,6 раза, сельского хозяйства — в 2,6 раза²⁷. Все другие показатели носили производный характер. Они устанавливали задания по выпуску отдельных видов продукции в целом, в отраслевом и территориальном разрезе, по росту производительности труда, определяли необходимый объем капиталовложений, фиксировали позиции строительной программы, увеличение основных фондов в народном хозяйстве. Затем намечались пути совершенствования бюджетно-финансовой системы, оптимизации цен и доходов населения, повышения уровня потребления продовольственных и промышленных товаров, степени обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и т. д.

Предусмотренные проектом Генплана чрезвычайно высокие темпы экономического роста намечалось достичь за счет реализации масштабной программы капиталовложений, в первую очередь в базовые отрасли промышленности. Наращивание их производственных мощностей предполагалось осуществлять «на самой передовой» технической базе. Рассчитывали, что это позволит значительно повысить эффективность экономики. При росте национального дохода за 20 лет в 3,3 раза основные фонды в народном хозяйстве планировалось увеличить в 3 раза, а численность рабочих и служащих — всего в 1,4 раза.

Важная роль в достижении такого соотношения факторов производства отводилась оптимизации его отраслевой и территориальной структуры, «совершенствованию» организации и структуры управления, повышению качества подготовки специалистов, всей рабочей силы, способов мотивации труда. Но все же главным условием выполнения амбициозных планов назывался технический прогресс. Декларировалась необходимость его ускорения «во всех отраслях народного хозяйства». Однако приоритет отдавался техническому перевооружению тяжелой промышленности, в первую очередь

---

²⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 112.

добыче полезных ископаемых, металлургии, электроэнергетике, машиностроению, химической промышленности как «основе дальнейшего развития народного хозяйства СССР»²⁸. Это определялось избранной моделью народно-хозяйственного планирования, логика которого предусматривала опережающее развитие базовых отраслей промышленности²⁹.

Проект Генплана разрабатывался по схеме, отработанной при подготовке контрольных цифр пятилеток со всеми их допущениями, «балансовыми прикидками» и «балансовыми увязками». А поскольку расчеты делались на более длительный период, то практически невозможно было учесть все «неожиданности», в результате чего резко возростала вероятность расхождения планируемых и реальных тенденций экономического развития. Это снижало значение проектировок Госплана как инструмента практической политики. Не случайно многие руководители производства весьма сдержанно относились к его подготовке. Вызывала сомнение и сама технология планирования. От министерств требовалось разработать показатели для подведомственных отраслей, которые, по сути, путем подгонки цифр свидетельствовали бы о реальности решения «поставленной товарищем Сталиным задачи» в течение 20 лет «перегнать главные капиталистические страны» в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии и т. д.

Несмотря на проделанную огромную работу, Генплан не приняли в качестве директивного документа. Возникает вопрос: почему? В советской историографии на него давался ничего не проясняющий ответ: «По ряду причин работа над Генеральным планом не была завершена». Но какие конкретные причины тому помешали — не уточнялось³⁰. Аналогичная ситуация наблюдается и в постсоветской историографии. Она лишь фиксирует сам факт приостановки рабо-

---

²⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 112–113.

²⁹ См.: *Симонов М. А.* Развитие тяжелой промышленности в СССР по Генеральному хозяйственному плану на 1951–1970 гг. // *Экономическая история : ежегодник.* 2020. М., 2021. С. 363–379.

³⁰ *Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П.* Очерки развития народно-хозяйственного планирования. С. 245 и др.

ты. В лучшем случае говорится, что причиной послужило смещение со всех постов Н. А. Вознесенского, которое перечеркнуло связанные с его именем инициативы³¹. Так что проблема нуждается в специальном исследовании. В первом же приближении можно назвать несколько факторов, не позволивших довести подготовку Генплана до логического завершения.

Во-первых, нужно отметить, что он создавался для конкретизации стратегии коммунистического строительства, которую предполагалось изложить в новой программе партии. Но трудности теоретического и политико-идеологического порядка, с которыми столкнулись ее разработчики, не позволили сформировать системное представление, каким должно быть новое общество, к чему нужно стремиться, каковы пути достижения заветной цели. Не помогло и проведение ряда обсуждений на самом высоком партийном уровне³². В результате работа над программой была фактически заморожена. В такой ситуации задача доведения Генплана до стадии полной готовности потеряла политическую актуальность.

Во-вторых, значительно снизилась и ее практическая ценность. Втягивание страны в холодную войну потребовало сосредоточить усилия на наращивании оборонных возможностей. В такой ситуации разработка долгосрочных планов создания «материально-технической базы коммунизма», «совершенствования» отраслевой и территориальной структуры производства, «комплексного развития» регионов и т. д. выглядела напрасной тратой сил и времени. Так, руководство атомным проектом, несмотря на решение политбюро ЦК ВКП(б), сразу же отказалось участвовать в подготовке Генплана. Свою позицию оно аргументировало «неприемлемым отрывом академика Курчатова и других нужных людей в ущерб

---

³¹ Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век : в 5 кн. Кн. 4. С. 303; Симонов М. А. Развитие тяжелой промышленности в СССР по Генеральному хозяйственному плану на 1951–1970 гг. С. 378; и др.

³² См.: Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. Складывание экономической модели позднего сталинизма (1947–1953 гг.) // Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2017.

задачам, которые предстоит решить в ближайшие месяцы». Судя по всему, большинство руководителей промышленности разделяли эти взгляды. А в отсутствие поддержки с их стороны завершение работы над Генпланом не имело перспектив³³.

Разумеется, свою роль в прекращении работы над Генпланом сыграл и арест Вознесенского как «врага народа». Правда, еще какое-то время она по инерции продолжалась. В частности, уточнялись территориальные проектировки развития народного хозяйства. Ключевая роль здесь отводилась организации конференций по изучению производительных сил крупных экономических районов. В 1949 г. Госплан наметил рассмотреть перспективы развития областей Центрально-Черноземной полосы Российской Федерации, Северо-Запада, Восточной Сибири, Казахстана. На 1950 г. была запланирована конференция по Дальнему Востоку, на 1951 г. — по Уралу. Но состоялась лишь конференция по изучению производительных сил Казахской ССР³⁴.

Когда Госплан доложил в ЦК ВКП(б) о завершении подготовки аналогичного мероприятия по Уралу, он не получил разрешения на его проведение. По заключению отдела науки ЦК, такая конференция в лучшем случае могла свестись «к принятию рекомендаций, за обоснованность которых трудно будет поручиться». В то же время «привлечение на такого рода конференцию большого числа ведущих работников пятнадцати министерств, восьми обкомов партии, Академии наук лишь оторвет людей от практической работы ради чисто парадного мероприятия»³⁵. По всей видимости, резкость ответа на предложение Госплана была связана не только и даже не столько с неприятием идей, у истоков которых стоял Вознесенский. Думается, что в ее основе лежал наметившийся неафишируемый пересмотр приоритетов экономической политики. В условиях холодной войны неоспоримым императивом станови-

---

³³ Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 134.

³⁴ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006. С. 129–131.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 169. Л. 51–52.

лось наращивание военно-промышленной мощи, а не разработка долгосрочных планов экономического развития.

Вместе с тем ряд идей, положенных в основу проекта Генерального хозяйственного плана, был востребован при составлении заданий пятой пятилетки. Согласно ее директивам, намечалось сохранение высоких темпов экономического развития. Правда, плановыми заданиями предусматривалось их некоторое снижение. По такому обобщающему показателю, как национальный доход, темпы воспроизводства определялись в 9,9 % в среднем за год против 10,4 % в четвертой пятилетке, а в промышленности — 12 % против 13,6 %. Но это было вполне закономерно в связи с окончанием восстановительного периода. Достижение намечавшихся темпов роста планировалось обеспечить за счет опережающего наращивания государственных капитальных вложений в материальное производство. При росте национального дохода в 1,6 раза в промышленности они должны были вырасти в 2,1 раза, а в сельском хозяйстве — даже в 2,2 раза. За счет этого рассчитывали ликвидировать узкие места в их развитии, «выявившиеся в ходе выполнения первого послевоенного плана».

Благодаря крупным вложениям в сельскохозяйственное производство намечалось серьезно укрепить его материально-техническую базу. Это рассматривалось как непереносимое условие внедрения передовых технологий, призванных обеспечить «неуклонное повышение» урожайности полей и продуктивности животноводства. В результате объемы сбора зерна к 1955 г. рассчитывали увеличить на 38 %, производства мяса — на 95 %, молока — на 57 %, хлопко-сырца — на 60 % и т. д. Достижение такого уровня производства сельхозпродукции должно было обеспечить увеличение уровня народного потребления не менее, чем в 1,4 раза в расчете на душу населения.

Но, конечно, как и прежде, основной объем капиталовложений намеревались направить на расширение и техническое перевооружение производственных мощностей в металлургии и электроэнергетике, угольной, нефтяной и химической промышленности, инвестиционном машиностроении. Рост их эффективности, как,

впрочем, и других отраслей народного хозяйства, связывали с повышением уровня квалификации руководителей и специалистов, совершенствованием организации производства и методов хозяйствования. Традиционно это дополнялось требованием укрепления плановой дисциплины, соблюдения «государственного подхода» к порученному делу, развитием критики и самокритики недостатков в работе и т. д. В общем, пятая пятилетка планировалась как «мощный» шаг в выполнении «сталинской» программы «дальнейшего подъема народного хозяйства». По убеждению разработчиков, это гарантировало устойчиво быстрое развитие страны и обеспечивало дальнейшее повышение военно-экономической мощи СССР³⁶.

Конечно, план пятой пятилетки был недостаточно сбалансирован, строился на ряде нереальных допущений, в том числе по причине недостоверности собственной статистики. Тем не менее, по авторитетному свидетельству, он хотя и страдал «традиционной для советского планирования переоценкой возможностей советской экономики», все же отличался большей обоснованностью, чем все предыдущие пятилетние планы³⁷. Однако установка пятой пятилетки на одновременное ускоренное наращивание производственных возможностей и повышение уровня жизни населения в условиях резкого обострения международной обстановки оказалась нереальной. Императивы холодной войны диктовали иную политику.

Причинам ее развязывания посвящена необъятная литература³⁸. Понятно, что одним из самых обсуждаемых является вопрос, «кто

---

³⁶ См.: *Сабуров М. З.* Пятый (второй послевоенный) пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1951–1953 гг. (тезисы доклада). 29 мая 1952 г. // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020. С. 47–74.

³⁷ См.: *Ханин Г. И.* Экономическая история России в Новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 94–100.

³⁸ *Зубок В. М., Печатнов В. О.* Отечественная историография холодной войны: некоторые итоги десятилетия // *Отеч. ист.* 2003. № 5. С. 140–148; *Быстрова И. В.* Современная отечественная историография холодной войны // *Новый ист. вестн.* 2004. № 1(10). С. 295–306; *Егорова Н. И.* Новая история холодной войны в современных зарубежных исследованиях // *Новая и новейшая история.* 2009. № 4. С. 116–129; и мн. др.

виноват» в случившемся, и общепринятого ответа на него нет. Многие зарубежные и российские исследователи видят причины происшедшего в «экспансионистской политике» Советского Союза. Ее объясняют как внутренними факторами, так и имперской доминантой в отношениях с другими странами, традиционно свойственной России. На самом деле стратегические цели СССР, если говорить о первом послевоенном десятилетии, лежали в иной плоскости — в обеспечении устойчивости режима, закреплении зон влияния в Европе и на Дальнем Востоке, упрочении статуса великой державы³⁹. Другое дело, что действия Советского Союза на международной арене воспринимались бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции как экзистенциальная угроза западному миру. Отсюда политика сдерживания Советского Союза, провозглашенная США в конце 1940-х гг. Ее главной задачей выступали «фундаментальное» изменение в «природе советской системы», «трансформация советского общества» как необходимое условие срыва «агрессивных планов» СССР. Иначе говоря, под вопрос ставилась легитимность его существования. И это определяло внешнеполитический курс Соединенных Штатов на протяжении следующих 40 лет⁴⁰.

Политика сдерживания сразу же обернулась нарастанием конфронтации между двумя сверхдержавами. С учетом данного обстоятельства формировались основные положения советской военной доктрины. Исследователям недоступны документы, позволяющие реконструировать ее содержание во всех деталях. Но очевидно, что советские военные планы не сводились, как иногда утверждают, к сугубо оборонительным задачам⁴¹. Придерживаться такой стратегии означало обречь себя на поражение хотя бы в силу подавляющего военно-экономического превосходства вероятного противника. Поэтому Вооруженные силы СССР в случае развязывания глобальной войны ориентировались на окружение и унич-

---

³⁹ Рибер А. Дж. Послевоенные цели Сталина // Рос. ист. 2017. № 4. С. 134–150.

⁴⁰ См.: Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В. Верченко. М., 2019. С. 430–438.

⁴¹ См.: Спицын Е. Ю. Осень патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М., 2020. С. 306; и др.

тожение в ходе скоротечных наступательных операций основных группировок войск соперников на евроазиатских театрах военных действий⁴². Понятно, что для этого нужно было располагать вооруженными силами, превосходящими по своей мощи на начальном этапе вооруженной борьбы армии вероятного противника. Только при таком условии Советский Союз мог рассчитывать на приемлемое завершение возможного военного конфликта с Соединенными Штатами и их союзниками.

Императивы холодной войны побудили советское руководство внести серьезные коррективы в послевоенные планы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Ограничение затрат на поддержание военной мощи сменилось политикой опережающего наращивания оборонного потенциала. С 1947 по 1953 г. вдвое, почти до 5,4 млн чел., увеличилась численность армии⁴³, «ударными темпами» реализовывались программы ее оснащения обычными видами вооружений. Только за 1950–1953 гг. объем их поставок в сопоставимых ценах увеличился более чем в два раза⁴⁴. Соответствующую динамику отразил официальный бюджет военных ведомств. К 1953 г. он вышел на уровень последнего года Второй мировой войны. Еще более стремительно увеличивались ассигнования на разработку боевой техники и развитие производственной базы военно-промышленных министерств, проходившие по статье бюджета «развитие народного хозяйства»⁴⁵.

Главной ударной силой советских Вооруженных сил считались сухопутные войска. Поэтому их перевооружению уделялось особое внимание. Были запущены масштабные программы создания и производства тяжелых, средних и легких танков, проведена мо-

---

⁴² Золотарев В. А., Путилин Б. Г. Месть за победу: Советский Союз и холодная война. М., 2014. С. 91–94.

⁴³ См.: Бабаков А. А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.) : История строительства. М., 1987. С. 29.

⁴⁴ Оценка по: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ : избр. тр. : в 3 кн. М., 1999. Кн. 3. Прил. 2. С. 261–353.

⁴⁵ Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. М., 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 118–119.

дернизация артиллерийских систем, завершена моторизация частей и соединений и т. д. Одновременно качественно преобразалась военная авиация, ставшая реактивной. В соответствии с ее основным предназначением — поддержкой сухопутных сил и защитой воздушных рубежей страны — разрабатывались и крупными сериями выпускались фронтовые истребители и бомбардировщики, было развернуто производство реактивных истребителей-перехватчиков. На военно-морской флот возлагалась задача поддержки сухопутных войск на приморских направлениях. Но также прорабатывались амбициозные планы создания мощного океанского флота⁴⁶. Иначе говоря, ответом на растущее противостояние с блоком западных государств стали разработка, производство и массированные поставки Советской армии обычных систем вооружения и военной техники.

Однако традиционные виды вооружения уже не могли обеспечить желаемой обороноспособности страны. Военно-техническая революция вела к заметному снижению их роли в вооруженной борьбе. Первыми ее результатами воспользовались Соединенные Штаты Америки, создав ударные ядерные силы. Монополия на этот вид оружия давала им важное преимущество в противостоянии с Советским Союзом. Хорошо понимая вытекающие отсюда угрозы, советское руководство сделало однозначный вывод: только обладание таким же оружием может гарантировать национальную безопасность. Так у страны появилась «задача номер один». Такое определение программы создания ядерного оружия, называемого сегодня атомным проектом, употребляли даже в официальных документах. На него не жалели ни сил, ни средств⁴⁷. Для руководства этой работой создали чрезвычайный директивный орган — Специальный комитет при Совете министров СССР. Его наделили беспрецедентными полномочиями. Он имел право на мобилизацию

---

⁴⁶ См.: Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 гг.). М., 2006. С. 238–242; Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. С. 254–260.

⁴⁷ Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО : Всерос. экон. журн. 2019. Т. 19, № 7. С. 157–159.

любых материальных и человеческих ресурсов для решения задач атомного проекта. И нужно сказать, что использовались они весьма результативно. В 1949 г. Советский Союз испытал опытный ядерный заряд, а в год смерти Сталина в его арсенале насчитывалось уже 120 «изделий»⁴⁸. Одновременно осуществлялись еще две программы создания качественно новых систем вооружения: ракетной техники и военной радиоэлектроники. Сначала их курировали так называемые Комитеты № 1 и № 2. Но в связи с невысокой результативностью работы их упразднили. В конечном счете ракетную и радиоэлектронную тематику в начале 1950-х гг. передали в ведение «атомного» Спецкомитета⁴⁹. Это сразу дало ощутимый результат. На базе немецкой «Фау-2» были разработаны первые образцы баллистических ракет дальнего действия, налажено их серийное производство и поставки вооруженным силам. В марте 1953 г. начались испытания баллистической ракеты Р-5. А к маю того же года был завершен первый этап испытания зенитно-ракетной системы ПВО Москвы, призванной обезопасить столицу от возможного нападения самолетов США с атомными бомбами на борту и началась работа по ее постановке на боевое дежурство.

Появление принципиально новых видов вооружения, тем не менее, никак не сказалось на военной доктрине и строительстве Вооруженных сил. На протяжении 1945–1953 гг. основой их «могущества» по-прежнему считались «обычные виды вооружения»⁵⁰. Для этого были веские основания. Ограниченное число имевшихся в наличии ядерных боезарядов и их относительно небольшая мощность не позволяли рассчитывать на нанесение сколь-нибудь значимого ущерба военно-экономическому потенциалу «вероятного противника». Отсутствовали и подходящие средства их доставки.

---

⁴⁸ Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь. С. 199.

⁴⁹ Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 104, 105.

⁵⁰ Гречко А. Маршал Советского Союза. Торжество ленинских идей в строительстве советских Вооруженных сил // Ядерный век и война : Военные обозрения. М., 1964. С. 5.

Состоявшие на вооружении бомбардировщики не обладали необходимыми тактико-техническими характеристиками для нанесения удара по стратегическим объектам. А ракеты дальнего действия с ядерными боезарядами только начали разрабатываться. Вызывала сомнение эффективность применения ядерного оружия непосредственно на поле боя. Более оправданным выглядело использование «изделий» для изоляции района боевых действий: нанесение ударов по резервам, тыловым складам и базам снабжения, узлам коммуникаций и центрам управления войсками противника⁵¹. Но это еще не могло обеспечить Советской армии стратегического превосходства над ними.

Однако в любом случае появление ядерного оружия означало революцию в военном деле. Стремительное увеличение числа и мощности ядерных боезарядов, появление новых и улучшение тактико-технических характеристик стоящих на вооружении его носителей обещало уже в недалеком будущем заметно расширить возможности решения как стратегических, так и оперативно-тактических задач. Открывались перспективы уменьшения численности армии и оптимизации программ производства традиционных видов вооружения. Однако практических шагов в этом направлении так и не было сделано. Причина заключалась в отсутствии должной координации отдельных частей военно-промышленного комплекса и согласования их развития с перспективными потребностями. В годы войны этим занималось Оперативное бюро Государственного комитета обороны. Оно осуществляло «контроль и наблюдение за текущей работой наркоматов оборонной промышленности», за выполнением заданий атомного проекта. После окончания войны его упразднили. Руководство ядерной тематикой перешло в ведение организованного тогда же Спецкомитета при Совете министров СССР. Но каких-либо органов для координации деятельности военно-промышленных министерств создано не было. Так что непосредственно на них легла вся ответственность за оснащение Вооруженных сил отдельными видами обычных вооружений. Это расширило возможности

⁵¹ См.: *Верхотуров Д. Н.* Ядерная война. Все сценарии конца света. М., 2016. С. 90–98, 103–109, 123–126.

для продвижения узковедомственных интересов, выражавшихся в стремлении максимизировать объемы выпускаемой «своей» продукции, не считаясь с затратами и реальными нуждами.

В правительстве в общем понимали ущербность сложившейся системы управления военно-промышленным комплексом. В мае 1948 г. заместитель председателя Совета министров М. З. Сабуров и министр вооружения СССР Д. В. Устинов предложили создать специальный орган, который бы «координировал и решал вопросы, связанные с обороной страны и работой военной промышленности». И после многоходовых согласований в феврале 1951 г. было образовано Бюро по военно-промышленным и военным вопросам во главе с первым заместителем председателя Совмина СССР Н. А. Булганиным. На него возложили «руководство работой» министерств вооружения, авиационной и судостроительной промышленности, военного и военно-морского ведомств⁵². Но атомный проект, создание ПВО Москвы и ракет дальнего действия остались в исключительном ведении Специального комитета, возглавляемого Л. П. Берия. И никакого практического взаимодействия между этими структурами не наблюдалось. Даже руководство Вооруженных сил по заключению, сделанному после смерти Сталина, «было устранено» от разработки каких-либо «вопросов применения атомного оружия»⁵³.

Такой порядок сохранялся вплоть до XIX съезда партии, состоявшегося в октябре 1952 г. Последовавшая за ним реорганизация высших эшелонов власти заметно изменила ее конфигурацию. Для «наблюдения» за деятельностью оборонно-промышленного комплекса, военного и военно-морского ведомства при Президиуме ЦК КПСС создали постоянную Комиссию по вопросам обороны под председательством Н. А. Булганина. Оперативное же руководство «специальными работами» (атомным проектом, созданием ПВО Москвы, ракет дальнего действия) поручили «тройке» в со-

---

⁵² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР: 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. М., 2002. С. 85, 86, 158, 159, 263, 264.

⁵³ Письмо Н. А. Булганина и В. А. Малышева Г. М. Маленкову. 25 сентября 1953 г. // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. Т. 2, кн. 7. М. ; Саров, 2007. С. 589.

ставе Л. П. Берии (председатель), Г. М. Маленкова, Н. А. Булганина. «Тройка» должна была стать исполнительным органом «по особым делам» Комиссии по вопросам обороны⁵⁴. Принимая такое решение, Сталин, по-видимому, рассчитывал ограничить полномочия Берии, монополизировавшего руководство важнейшей составной частью военно-промышленного комплекса. Но этот замысел не был реализован. Возможно, у Сталина просто не хватило времени, чтобы провести его в жизнь.

В день смерти вождя 5 марта 1953 г. состоялось совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Оно санкционировало упразднение Комиссии Президиума ЦК по вопросам обороны. Так прежний порядок управления военно-промышленным комплексом был восстановлен в полном объеме⁵⁵. Его отличительной особенностью являлось наличие нескольких центров принятия стратегических решений. По идее, их согласование входило в компетенцию Президиума Совета министров. На практике же вопросы развития оборонных производств, подведомственных восстановленному Спецкомитету, он не рассматривал. Их Берия обсуждал только со Сталиным, а после его смерти решал самостоятельно, руководствуясь своими представлениями и личными интересами. По свидетельству Н. С. Хрущева, другие члены послесталинского руководства вплоть до смещения Берии со всех постов и ареста практически ничего не знали о ходе разработки и производства ракетно-ядерного оружия. Даже Председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков имел смутное представление о создании термоядерной бомбы, а министр обороны Н. А. Булганин — ракетной техники⁵⁶. В результате наращивание военной мощи осуществлялось по двум плохо скоординированным направлениям: насыщения боевой техникой традиционных родов

---

⁵⁴ См.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. С. 90, 101, 126–128; Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 2, кн. 5. С. 125–133; Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 202–205.

⁵⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР: 1945–1953. С. 103.

⁵⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 461.

войск и создания ядерного оружия. Это ложилось на экономику страны дополнительной нагрузкой.

Определить уровень советских военных расходов весьма затруднительно. Исследователям недоступны материалы, позволяющие провести обстоятельные расчеты. Ситуацию усугубляет неотработанность методики военно-экономического анализа применительно к позднесоветской эпохе. Поэтому возможны лишь приблизительные оценки оборонных затрат. Согласно данным «осведомленных авторов», в послевоенные годы военные расходы (включая капитальные вложения военно-промышленных министерств, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы оборонного профиля и поддержание мобилизационных резервов) составляли около 10 % валового национального продукта⁵⁷. Однако неясно, как в приведенной оценке учитывались финансирование ядерно-оружейного комплекса, создание ракет «дальнего действия» и зенитно-ракетной системы ПВО Москвы, осуществлявшихся по трудно восстанавливаемой статье «специальные расходы». Возможно, сложности с определением их объема наряду с различием в методике расчетов объясняют более высокие оценки удельного веса оборонных расходов в советском ВВП (от 12–13 до 15–17 %), делавшиеся зарубежными аналитическими центрами. Называется и фантастическая цифра — почти 24 %. В послании Федеральному собранию 2024 г. Президент РФ В. В. Путин оценил удельный вес военных расходов в ВВП в последние годы существования Советского Союза в 13 %⁵⁸. По всей видимости, для первых послевоенных лет этот показатель был не меньше и достигал 15–17 %. Но в любом случае оборонная нагрузка на экономику Советского Союза была в 2,5–3 раза выше, чем в западных странах⁵⁹.

⁵⁷ Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. М., 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 138–139.

⁵⁸ Послание Президента Федеральному собранию от 29.02.2024 : аудиозапись // Президент.РФ : [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585/audios> (дата обращения: 17.09.2024).

⁵⁹ Gaddis J. S. The Cold War: a new history. N. Y., 2005. P. 213–214; Kontorowitch V. Reluctant Cold Warriors. Economist and National Security. Oxford, 2019. P. 30.

Если же говорить о динамике военных расходов в первые послевоенные годы, то здесь можно выделить два периода. В 1945–1947 гг. их интегральный объем заметно уменьшился. Однако втягивание страны в холодную войну принципиально изменило ситуацию. Ее логика закономерно обернулась стремительным наращиванием военной мощи. И, по всей видимости, удельный вес военных расходов в ВВП достиг максимума за весь послевоенный период. Наращивание военной мощи осуществлялось за счет урезания расходов на все другие нужды. Конечно, в первые послевоенные годы наблюдались несомненные успехи в развитии отраслей, прямо не связанных с производством вооружений. Были в основном восстановлены промышленные предприятия, разрушенные в ходе боевых действий. Возродились угольная промышленность Донбасса и Подмосковья, металлургия Юга и Центра, нефтедобыча Северного Кавказа, электроэнергетика, машиностроение и химия Украины. Одновременно осуществлялись реконструкция действующих и возведение новых предприятий. Это позволило значительно увеличить мощность электроэнергетики, топливной и химической промышленности, машиностроения и металлообработки, черной и цветной металлургии. Всего же производственные фонды в народном хозяйстве к 1955 г. по некоторым расчетам увеличились в два раза по сравнению с предвоенным периодом⁶⁰. Но все же их рост был недостаточен для запуска, по выражению Г. И. Ханина, «второй индустриализации», намечавшегося в пятой пятилетке перевода экономики на «интенсивный путь развития»⁶¹.

В советской историографии справедливо говорилось, что причина заключалась в «ограниченности капиталовложений». Отсюда диспропорции в развитии отдельных отраслей промышленности, хроническое недофинансирование сельского хозяйства, срыв амбициозных планов «подъема» «материального благосостояния,

---

⁶⁰ История социалистической экономики СССР : в 7 т. / отв. ред. И. А. Гладков. М., 1980. Т. 6. С. 228.

⁶¹ См.: Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время : в 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 103–107.

здравоохранения и культурного уровня населения»⁶². Но не пояснялось, почему так происходило. Сегодня, однако, очевидно, что хозяйственные трудности были вызваны колоссальным ростом военных расходов с конца 1940-х гг. Это вело к перераспределению ресурсов, выделяемых на цели развития. Пришлось даже урезать средства, направляемые на наращивание производственного потенциала базовых отраслей промышленности.

Особенно дорого обходились реализация атомного проекта, а также создание материально-технической базы производства авиационных и ракетных средств доставки ядерных боезарядов до возможных целей, зенитно-ракетных комплексов ПВО Москвы. На это не жалели ни сил, ни средств. Так, согласно установленному порядку, распространенному затем на ракетную программу и развертывание систем ПВО Москвы, затраты на атомный проект не лимитировались и удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства». Строительство атомных объектов разрешалось начинать без утвержденных смет и вести «по единичным расценкам». Финансирование капитальных работ и текущих затрат осуществлялось по статье «Специальные расходы», объем которых устанавливался «по фактической потребности». Для непосредственных исполнителей заданий в Госбанке СССР была открыта кредитная линия, позволяющая им беспрепятственно пополнять оборотные средства. Затем выданные кредиты погашались за счет госбюджета⁶³. Генеральным подрядчиком при строительстве «специальных объектов» выступали структуры МВД (в основном Главпромстрой), располагавшие неограниченными возможностями для привлечения подневольной рабочей силы. Кадровая проблема основного производства решалась путем массовых мобилизаций «лучших работников», отбираемых во всей стране⁶⁴. Такие правила обеспечили

---

⁶² См.: Планирование, размещение производительных сил СССР : в 2 ч. / отв. ред. В. В. Кистанов. М., 1985. Ч. 1. С. 263, 264.

⁶³ Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО : всерос. экон. журнал. 2019. № 7. С. 158.

⁶⁴ Мельникова Н. В. Советский атомный проект : Опыт кадрового обеспечения. М., 2022.

стремительный рост расходов на атомный проект и другие «специальные дела». По имеющимся данным, только капиталовложения в атомную промышленность составили в 1945–1952 гг. 26,6 млрд руб. в текущих ценах⁶⁵, или около 3 % их общего объема по народному хозяйству. Но это были еще не все затраты, так как их значительная часть проходила по сметам министерств-смежников.

Уже в начале 1950-х гг. на вновь созданных и переданных Первому и Второму главным управлениям при Совмине СССР (исполнительным органам атомного проекта) предприятиях работало 145 тыс. чел. Еще 190 тыс. было занято на урановых рудниках и обогачительных фабриках в ГДР, Чехословакии, Болгарии, Польши. Доступные данные не позволяют оценить ни численность персонала предприятий-смежников, ни вложения в их развитие. Однако очевидно одно: количество работавших на них исчислялось сотнями тысяч. Только в подразделениях Главпромстроя МВД насчитывалось 160 тыс. заключенных, военных строителей и «вольнонаемного контингента» (в основном бывших заключенных). А в начале 1954 г. только на предприятиях и в организациях Министерства среднего машиностроения, образованного в июне 1953 г. на базе Первого, Второго и Третьего главных управлений, а также Главпромстроя МВД, работало более 580 тыс. чел.⁶⁶

Концентрация сил и средств на «задаче номер один» перечеркивала многие другие планы. Это, естественно, вызывало возражения у руководителей, ответственных за их исполнение. Но в сталинской жестко централизованной системе власти подобные протесты легко блокировались. Все органы госуправления были вынуждены принимать решения Спецкомитета к «безусловному исполнению». Правда, в отдельных случаях руководители хозяйственных ведомств, а иногда даже Госплан, Госснаб и т. д. пытались возражать, ссылаясь на то, что иницилируемые исполнительными органами атомного про-

---

⁶⁵ Полунин В. В. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945–1953 гг.) // Новый ист. вестн. 2007. № 2 (16). С. 217.

⁶⁶ Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. М. ; Саров, 2007. Т. 2, кн. 7. С. 559; Мельникова Н. В. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. С. 42, 43.

екта дополнительные задания, а тем более перераспределение в его пользу ресурсов, приведут к срыву выполнения уже принятых производственных планов. Но их аргументация, как правило, в расчет не принималась. В сопроводительных записках к решениям Спецкомитета, подготовленных его «штабными» структурами, появлялись такие фразы: «По проекту постановления имеются возражения со стороны ряда министерств», однако «ввиду особой важности» и «безусловной необходимости» выполнения такого-то поручения «просим утвердить представленный проект постановления... независимо от имеющихся возражений»⁶⁷. Этим все и заканчивалось.

В качестве иллюстрации к сказанному можно привести пример возведения очередного завода по производству металлического урана. Первое главное управление предложило разместить его на площадке строящегося автомобильного завода в Новосибирске. Таким образом оно рассчитывало существенно сократить сроки ввода в строй производственных мощностей предприятия. В сентябре 1948 г. вопрос вынесли на заседание Спецкомитета. К тому времени Министерство автомобильной и тракторной промышленности уже затратило на возведение завода значительные средства, но его руководство даже не уведомили о готовящемся «изъятии» стройки. Спецкомитет согласился с предложением Первого главного управления, и спустя несколько дней вышло соответствующее постановление Совмина СССР. Его первый пункт гласил: «Министерству автомобильной и тракторной промышленности (т. Акопову)... передать в месячный срок Первому главному управлению при Совете министров СССР площадку строительства автозавода в г. Новосибирске со всеми зданиями и вспомогательными сооружениями». С учетом дефицита электроэнергии в Западной Сибири и большой электроемкости производства металлического урана постановление содержало еще одно важное предписание: «Обязать Госнаб СССР (т. Кагановича) и Министерство электростанций (т. Жимерина) обеспечить завод № 250 (ныне — АО «Новосибирский завод химконцентратов». — Е. А., Е. В.) Первого главного управле-

⁶⁷ См.: Атомный проект СССР : документы и материалы. Т. 2, кн. 3. С. 683, 684; и др. документы.

ния при Совете министров СССР (строительство и эксплуатация) электроэнергией в потребном количестве по согласованию с Первым главным управлением (т.т. Ванниковым, Завенягиным)». И это было исполнено точно в срок и в полном объеме. Дело в том, что для работников любого ранга «срыв» решений Спецкомитета мог обернуться самыми негативными последствиями. Даже высшие хозяйственные руководители не были застрахованы от репрессий в случае невыполнения его поручений.

Аналогичным образом решались вопросы создания материально-технической базы ракетной отрасли. Ее первой научно-исследовательской, конструкторской и производственной организацией стал НИИ-88, образованный на мощностях подмосковного артиллерийского завода (впоследствии — ЦНИИ машиностроения Минобщемаша). А в 1952 г. для серийного производства разработанных им ракет дальнего действия перепрофилировали возводившийся Днепропетровский автомобильный завод. К тому времени он уже приступил к выпуску первых образцов автокранов, амфибий, грузовых автомобилей, в которых так нуждалось народное хозяйство страны. Но ничего этого не приняли во внимание⁶⁸.

Еще один пример пересмотра утвержденной ранее строительной программы связан с возведением плутониевого комбината № 815 вблизи г. Красноярска (ныне — ФГУП Горно-химический комбинат). Соответствующее постановление Спецкомитет принял в феврале 1950 г. Для «надежного укрытия от нападения с воздуха и обеспечения бесперебойной работы» комбинат решили «построить под землей в скальных породах с заглублением не менее 200–230 метров над потолком сооружений»⁶⁹. Выполнить такую работу был способен лишь Метрострой. Однако для этого потребовалось уменьшить его задания по развитию Московского метрополитена. А он, помимо

---

⁶⁸ Уткин В. Ф., Мозжерин Ю. А. Ракетное и космическое вооружение // Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь. С. 207.

⁶⁹ Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 1. С. 311. Кн. 4. С. 162, 164; Жидков В. ФГУП Горно-химический комбинат // Оружие и технологии России : энциклопедия. XXI век. М., 2007. Т. 14. Ядерный оружейный комплекс. С. 324, 325.

транспортной, должен был выполнять еще одну важную функцию. Станции и туннели московского метро намеревались использовать в качестве убежища для жителей столицы в случае угрозы ядерной атаки «вероятного противника».

Но особенно негативно стремительное наращивание военно-промышленной мощи сказывалось на повседневной жизни населения. С «высоких трибун» продолжали звучать заявления о грядущем изобилии, принимались амбициозные планы существенного «роста материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня народа». Но, несмотря на определенные подвижки в этом направлении по сравнению с военным временем, они, в общем, так и «остались на бумаге». Большинство рабочих и служащих получало нищенскую зарплату, не имело нормального жилья, испытывало постоянную нехватку товаров первой необходимости. Еще трудней приходилось сельскому населению. Оно, со сути, бесплатно работало в колхозах и выживало лишь за счет личных подсобных хозяйств, которые облагались непосильными налогами⁷⁰. Но такова была цена избранного экономического курса. Осуществляться он мог лишь за счет жесткого ограничения потребностей населения. Сталинское руководство в общем осознавало, что такая стратегия имеет свои минусы. Но в условиях растущего противостояния с «миром капитализма» ее негативные последствия воспринимались как естественные издержки. Правда, советское руководство рассматривало возможность снижения градуса противостояния с западными странами.

Наиболее заметным шагом в этом направлении стала так называемая «мартовская нота» 1952 г., направленная правительствам США, Англии и Франции. В ней предлагалось ускорить заключение мирного договора с Германией и ее восстановление как единого

---

⁷⁰ См.: Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000; Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, М., 2003; Клинова М. А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019; Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020.

суверенного нейтрального государства, власти которого избираются в ходе общенациональных свободных выборов. По сути, советский проект урегулирования германского вопроса являлся шагом навстречу западной позиции. Но для Советского Союза он также был весьма выгоден. Его реализация обещала существенно уменьшить накал международной напряженности. И в таком случае появлялась реальная возможность облегчить тяготы гонки вооружений. Однако инициатива не имела практических последствий, поскольку целями западных стран были не достижение взаимоприемлемого компромисса, а победа в холодной войне и трансформация советской системы⁷¹. Так что необходимость наращивания военно-промышленной мощи никем в советском руководстве не оспаривалась, и соответствующий курс активно проводился в жизнь.

Вместе с тем в историографии существует мнение, что в высшем советском руководстве имелись серьезные разногласия по многим внутри- и внешнеполитическим вопросам. Будто бы в его составе даже имелись устойчивые «фракции», пытавшиеся проводить более «умеренную» политику. Чаще всего главным сторонником такого «взвешенного подхода» называют Н. А. Вознесенского. Утверждается, что, в отличие от И. В. Сталина, ориентировавшегося на наращивание физических объемов военно-промышленного производства, он «смотрел в будущее». Для него «центральная» стратегическая задача на перспективу заключалась в ускорении темпов научно-технического прогресса, роста производительности труда, улучшения качества жизни населения. Подразумевается, что развиваемые им идеи во многом предопределяли направленность послесталинских преобразований. Иногда к оппонентам проводившегося внутри- и внешнеполитического курса относят Л. П. Берию. Будто бы он считал, что «вторая индустриализация» несовместима с чрезмерными военными расходами, выступал за снижение противостояния с западными странами, общую «ли-

---

⁷¹ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2019. С. 478–489; Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 364–371.

берализацию режима» и т. д.⁷² Однако исследователи, специально занимавшиеся анализом политических позиций позднесталинского руководства, настаивают, что предположения об имевшем место его «расколе» носят умозрительный характер и не подтверждаются документально. И сам Сталин, и его соратники солидарно выступали в поддержку форсированных темпов военно-промышленного роста и проведения соответствующей инвестиционной и структурной политики. А наблюдавшиеся расхождения следует скорее отнести на счет соперничества за место во властной вертикали, ведомственных предпочтений, желания добиться результата именно в том направлении работы, за которое тот или иной член руководства персонально отвечал⁷³.

Это, конечно, не означает, что сподвижники вождя не имели мнения о «неотложных мерах» решения «назревших вопросов». Также нельзя объяснить их инициативы только личными интересами. Таковыми, в частности, были предложения Н. А. Вознесенского о расширении производства товаров народного потребления и развитии торговли, «оздоровлении» ее связей с промышленностью, идеи Н. С. Хрущева о создании агрогородов как «столбовом пути» развития сельского хозяйства, обоснования А. И. Микояном и В. М. Молотовым необходимости повышения закупочных цен на сельхозпродукцию и т. д. Но большинство подобных «либеральных» мер либо не имело значимых практических последствий, либо они пресекалось на корню как противоречащие принципам «социалистического хозяйствования». Хотя главная причина сдержанного или негативного отношения к таким предложениям заключалась в недостатке средств. Их можно было изыскать только за счет сокращения инвестиционных программ и военных расходов, но это бы означало отступление от избранного стратегического курса, что

---

⁷² См.: Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век : в 5 кн. М., 2003. Кн. 4. Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войны. С. 330, 331; Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. С. 105, 106, 117, 118.

⁷³ Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953. Тамбов, 2000. С. 129; Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 14–16.

Сталин при сохранявшемся уровне международной напряженности не желал даже обсуждать. Поэтому инициативы, хоть в какой-то мере допускавшие его корректировку, не имели перспектив. Однако ключевые фигуры советского руководства, занимавшиеся практическими вопросами управления, видели прогрессирувавшее нарастание проблем в социально-экономическом развитии страны. И практика показывала, что прежние подходы и методы их решения теряли свою результативность. Отсюда осознание неизбежности перемен, и это понимание в общем разделяли все соратники Сталина⁷⁴. Такое согласие в высшем эшелоне власти позволило пришедшему ему на смену «коллективному руководству» сразу же запустить процесс реформирования отдельных сфер экономической жизни.

1.2. Новые ориентиры

В современной историографии отмечается, что пересмотр сталинского экономического курса начался сразу после смерти вождя. Как правило, это объясняется наличием в социально-экономическом развитии страны серьезных диспропорций, острота которых была очевидна всем членам нового «коллективного» руководства. Стремление увидеть истоки перемен в предшествующем времени вполне объяснимо. Постфактум при «крутом повороте» в историческом процессе всегда можно найти структурные предпосылки, указав, что они вызревают достаточно долго, но в какой-то момент, соединяясь воедино, оборачиваются качественными сдвигами. Такая схема хорошо объясняет логику долгосрочных изменений. Но устойчивая «связь времен» еще не означает жесткой предопределенности тех или иных событий. В переходные периоды случайные факторы и ситуативный выбор, частные интересы и личностные предпочтения бывают не менее значимы, чем историческая необходимость при выборе траектории перемен. И совсем не обязательно они

---

⁷⁴ Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. С. 150, 151.

должны основываться на заранее сформулированных подходах⁷⁵. Еще сложнее предвидеть долгосрочные последствия принимающих решений. Не случайно широко распространен афоризм В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». По мнению некоторых авторов, дело заключается в принципиальной невозможности спрогнозировать аномальные события, появлению которых в прошлом вроде бы ничего не предвещало. Это уже позже им стали находить рациональные объяснения⁷⁶. Экономическая политика времен «хрущевского десятилетия» является хорошим подтверждением сказанному.

Сначала это были сугубо ситуативные решения. Для проведения глубоких экономических реформ сталинские наследники не имели ни должного авторитета в обществе, ни обоснованных идей, их предстояло еще наработать. А пока потенциальных претендентов на лидирующие позиции во власти больше волновала проблема, как приумножить свой политический капитал. Проще всего это было сделать за счет заведомо популярных мер по улучшению материального положения «широких трудящихся масс». Но здесь сразу возникал вопрос, где взять ресурсы. С учетом сложившейся ситуации они могли появиться лишь в случае пересмотра инвестиционных программ и урезания оборонных расходов. Другими словами, нужно было решиться на меры, которые с порога отменялись И. В. Сталиным. И все же его наследники пошли на такой маневр.

Уже в марте 1953 г. Совет министров СССР по предложению Л. П. Берии принял решение «Об изменении строительной программы 1953 г.». Оно предусматривало «прекращение или ликвидацию ряда крупных объектов строительства», определенных «ранее принятыми постановлениями правительства», но не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства». В их числе назывались гидротехнические сооружения (Главный Туркменский канал, самотечный канал Волга — Урал, Волго-Балтийский водный путь и др.), железнодорож-

---

⁷⁵ См.: *Бородкин Л. И.* Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 127–136.

⁷⁶ См.: *Талб Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2022. С. 13–31.

ные и автомобильные магистрали преимущественно военно-стратегического назначения (железные дороги Чум — Салехард — Игарка, Комсомольск — Победино, тоннельный переход на Сахалин под Татарским проливом и т. д.), отдельные промышленные предприятия. Общая сметная стоимость названных объектов составляла почти 50 млрд руб. Только в 1953 г. это позволяло уменьшить капитальные вложения на 3,46 млрд руб.⁷⁷ (чуть ли не 3 % от их объема по всем министерствам и ведомствам). В следующем месяце приняли еще одно знаковое решение: сократили ассигнования на закупку обычных видов вооружения на 4,6 млрд руб.⁷⁸ (более 4 % официального оборонного бюджета 1953 г.).

Эти решения были «единодушно» приняты «коллективным руководством». Теперь оставалось объявить, как будут использованы высвободившиеся средства. Публично первым это сделал Г. М. Маленков, назначенный председателем Совета министров. Выступая на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г., он заявил: «Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трех лет повысить обеспеченность населения продовольственными товарами». Кроме того, «правительство и Центральный комитет партии» считают необходимым «значительно увеличить» производство «предметов народного потребления». Такой маневр рассматривался как необходимое условие насыщения потребительского рынка «мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода». Для «резкого расширения» масштабов их предложения намечалось направить дополнительные капиталовложения в развитие легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства и внести соответствующие изменения в плановые задания пятой пятилетки⁷⁹.

---

⁷⁷ Новый курс Л. П. Берии. 1953 г. // Ист. архив. 1996. № 4. С. 140–143.

⁷⁸ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 годы). М., 2006. С. 25–27.

⁷⁹ Цит. по: Правда. 1953. 9 авг.

Правда, позже эту речь использовали против самого Маленкова в борьбе за власть. На январском (1955 г.) пленуме ЦК ее квалифицировали как «парламентскую декларацию», рассчитанную «на снижение дешевой популярности» за счет выдвижения «экономически малообоснованных обещаний». Столь серьезное обвинение стало одним из аргументов в ряду других инкриминированных Маленкову «прегрешений», послуживших основанием для его смещения с поста председателя Совмина СССР⁸⁰. Конечно, озвученные им предложения, доложенные, кстати, от имени «коллективного руководства», во многом носили популистский характер. За «два-три года» невозможно было решить проблемы радикального улучшения материального положения «трудящихся», накопившиеся в сталинскую эпоху. Но все же предложения Маленкова задавали новые ориентиры в экономической политике, с которыми тогда солидаризировалось все высшее руководство страны.

Свидетельством тому стал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС. На нем с докладом «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» выступил Н. С. Хрущев. В основном и главном, несмотря на непринципиальные отличия в деталях, он повторил и развил положения речи Маленкова на августовской сессии Верховного Совета СССР. В резолюции пленума, принятой по его докладу, были названы те же сроки проведения «назревших преобразований». Ставилась задача в течение двух-трех лет осуществить «крутой подъем всех отраслей сельского хозяйства» и «резко повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами»⁸¹. Так что встречающиеся в историографии суждения о принципиальном отличии позиции Маленкова от других лидеров или даже его приверженности идеям «рыночного социализма» являются преувеличением. На самом деле смещение Маленкова объяснялось гораздо проще: он оказался на пути уверенно наби-

---

⁸⁰ Постановление Пленума ЦК КПСС «О тов. Маленкове Г. М.», 31 янв. 1953 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. М., 2006. Т. 2. С. 46.

⁸¹ Аксютин Ю. В. «Хрущевская оттепель» и общественные настроения в СССР. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 81–82.

равшего политический вес Хрущева, за что и поплатился, утратив ключевой пост в борьбе за власть⁸².

Принятые коллективным руководством «неотложные меры» имели далеко идущие последствия. С одной стороны, они создали важный прецедент. Оказалось, что отход от стереотипов сталинского экономического курса вполне возможен, и это не ведет к каким-то драматическим «неожиданностям». С другой стороны, появились ресурсы, позволяющие сделать важный шаг в дополнении военно-промышленной направленности советской экономики потребительски ориентированной составляющей. Из историографии хорошо известно, как осуществлялись эти меры на практике⁸³. Сначала были повышены закупочные и заготовительные цены на сельхозпродукцию, снижены налоги на личные подсобные хозяйства, уменьшены им и колхозам нормы обязательных поставок продуктов животноводства, картофеля и овощей, расширена агрономическая и техническая помощь колхозам. Все это осуществлялось за счет госбюджета. Только в 1954 г. в результате снижения обязательных для сельхозпроизводителей поставок продукции, увеличения расходов на закупку зерна и уменьшения сельхозналога он должен был потерять свыше 10 млрд руб. В сталинскую эпоху такое трудно было себе даже представить. Одновременно нарастили капиталовложения в производство товаров повседневного спроса и культурно-бытового назначения долговременного пользования, приступили к освоению целинных и залежных земель, рассчитывая уже в ближайшем будущем «окончательно» решить зерновую проблему. Затем увеличили оплату труда низкооплачиваемым категориям работников промышленности (при сокращении в 1956 г.

---

⁸² См.: Шестаков В. А. Социально-политическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. С. 166–170; Сорокин А. К. «Практический работник» Георгий Маленков. М., 2023. С. 576–591.

⁸³ См.: Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Пыжиков А. В. Хрущевская оттепель. М., 2002; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006; Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010; Грациози А. История СССР. М., 2015; и др.

на один час продолжительности рабочего дня перед выходными и праздниками). Согласно официальной статистике выплаченной заработной платы, в 1953–1955 гг. у рабочих и служащих она увеличилась на 19 %, а доходы колхозников выросли на 35 %. С 1956 г. все рабочие и служащие стали получать пенсии по старости, причем возрастной порог (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) оказался одним из самых низких в мире.

Дополнительные средства население активно тратило на удовлетворение отложенного спроса. Это сразу отразилось на объеме розничной торговли: в 1953–1955 гг. продажи продовольственных товаров выросли в 1,4, а промышленных — в 1,6 раза. Помимо мяса, молочных продуктов, одежды, обуви, стало заметно больше приобретаться относительно дорогих культурно-бытовых товаров долговременного пользования. За три года объемы продаж радиоприемников увеличились в 2,8 раза, фотоаппаратов — в 2,3, мебели — вдвое, часов — в 1,8, велосипедов — в 1,7 раза. Это был реальный рост, поскольку цены в государственной и кооперативной торговле оставались практически неизменными, а на колхозном рынке (не более 10 % фиксируемого товарооборота) демонстрировали сравнительно небольшое повышение⁸⁴. Особое внимание стало уделяться уменьшению неравенства в доходах и бедности. Важную роль здесь сыграли принятые в середине 1950-х гг. решения об опережающем повышении оплаты труда низко- и среднеоплачиваемым категориям работников, об увеличении размера минимальной заработной платы⁸⁵.

Также не на словах, а на деле советское руководство «озаботилось» преодолением острой нехватки жилья. Согласно данным Центрального статистического управления СССР на 1 января 1953 г., на одного городского жителя приходилось (без учета частного сектора) всего 5,6 м² жилой площади. За исключением немногочисленных привилегированных групп, подавляющее большинство населения проживало в коммунальных квартирах, причем более половины

⁸⁴ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 163, 174–175, 178–179.

⁸⁵ Котов А. И. Проблемы труда и заработной платы в период перехода к коммунизму. М., 1963. С. 287–294.

из них не было оборудовано водопроводом и канализацией, не говоря уже о центральном отоплении. Почти 4 млн людей вообще ютились в бараках, мало приспособленных для жизни. Такая картина наблюдалась даже в городах, непосредственно не пострадавших в ходе войны от боевых действий. К примеру, в Москве, Горьком, Свердловске, Челябинске, Куйбышеве от 10 % жилого фонда и выше приходилось на барачные помещения⁸⁶. И чтобы хоть как-то изменить положение к лучшему, требовались огромные вложения и соответствующая строительная база. Поэтому к решению жилищной проблемы подошли поэтапно.

В 1954–1955 гг. правительство приняло ряд постановлений, призванных удешевить и ускорить строительство жилья за счет его перевода на «индустриальные рельсы». Они предусматривали переход к типовому проектированию жилых объектов экономкласса, но со всеми удобствами, расширение производства и использование современных конструкционных материалов, внедрение новых строительных технологий. Одновременно была оказана поддержка индивидуальному жилищному строительству (были выделены дополнительные фонды для продажи населению стройматериалов и т. д.). Принятые меры дали впечатляющие результаты. Если в 1950 г. получили жилую площадь или построили себе дома и квартиры 5,3 млн чел., то в 1955 г. их число увеличилось до 7,1 млн⁸⁷.

В общем можно сказать, что обещания в ближайшие годы «резко повысить» материальный достаток советских людей, данные после сталинским руководством, выполнялись вполне удовлетворительно. И дело не только в статистических показателях. Изменения к лучшему в повседневной жизни подтверждают самые разнообразные источники, в том числе документы личного происхождения, мемуарная литература. Конечно, до западных стандартов уровня жизни было еще далеко. Но очевидные успехи в повышении благосостояния внушали надежду, что советский аналог общества потребления не за горами. Абсолютное большинство населения воспринимало

---

⁸⁶ Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М., 2003. С. 174–182.

⁸⁷ История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1980. Т. 6. С. 557.

улучшение своего материального положения как свидетельство жизнеспособности и перспективности «социалистической системы производства». Уверенности в ее возможностях добавляли либерализация режима, ограничение принуждения и насилия в практике социального управления. Все это порождало устойчивые ожидания дальнейших перемен к лучшему.

Средства на поддержку сельхозпроизводителей, дополнительные вложения в развитие пищевой и легкой промышленности, повышение доходов населения в основном были получены за счет ограничения расходов на наращивание военной мощи. Фактически был заморожен бюджет Министерства обороны. Если за период с 1948 по 1952 г. он увеличился почти в 1,7 раза, то в следующие пять лет никакого роста не наблюдалось⁸⁸. С 1953 г. началось неафишируемое уменьшение численности вооруженных сил, хотя официально о такой перспективе объявили в 1955 г.⁸⁹ Одновременно сократили часть программ производства обычных вооружений: боевой техники для сухопутных войск, фронтовой авиации, надводного флота, в 1953–1957 гг. их закупки увеличились всего на 3 %⁹⁰. Правда, подобные ограничения не коснулись ни атомного проекта, ни программ разработки и производства ракетно-космической техники и радиоэлектронного вооружения. В настоящее время не представляется возможным оценить связанные с этим расходы в количественном измерении, но доступные данные позволяют утверждать, что они шли по нарастающей.

В атомном проекте, с одной стороны, были приняты меры по расширению серийного производства ядерных боеприпасов, а с другой — по разработке новых видов «изделий», предназначенных для баллистических и крылатых ракет, морских торпед,

---

⁸⁸ Оценка по данным: Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 118.

⁸⁹ Абрамова Ю. А. Незавершенная реформа Н. С. Хрущева: преобразование Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестн. Моск. обл. ун-та. 2011. № 4. С. 21.

⁹⁰ Оценка по: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ // Яременко Ю. В. Избр. тр. : в 3 кн. М., 1999. Кн. 3. Прил. 2. С. 261–353.

ствольной артиллерии. Одновременно ударными темпами велась работа по созданию термоядерного оружия. Его первый опытный двухстадийный образец испытали в ноябре 1955 г. В результате открылась возможность для конструирования боеприпасов неограниченной мощности для различных видов носителей ядерного оружия⁹¹. В 1957 г. в советском арсенале насчитывалось уже 660 ядерных боезарядов, то есть в пять раз больше, чем в 1953 г.⁹² Чтобы выйти на такой уровень, потребовалось масштабное расширение научно-производственной базы ядерно-оружейного комплекса.

Аналогичная картина наблюдалась с созданием средств доставки ядерного оружия. Военно-воздушным силам в массовом порядке поставлялись реактивные стратегические бомбардировщики — носители атомных бомб ТУ-16А. К 1957 г. завершились конструирование, летные испытания и началось серийное производство турбовинтового стратегического бомбардировщика ТУ-95А. В заключительной стадии разработки находился новый реактивный стратегический носитель ядерного оружия ЗМ⁹³. В марте 1956 г. была принята на вооружение доработанная в качестве носителя ядерного заряда ракета Р-5, а в следующем году завершены летные испытания межконтинентальной баллистической ракеты Р-7.

Тогда же развернулись работы по созданию первого поколения стратегических ракетных комплексов наземного базирования, одновременно шло активное расширение материально-технической базы их серийного производства⁹⁴. Эти меры открыли новый этап в строительстве вооруженных сил. Согласно уже упоминавшейся оценке А. А. Гречко, его характерной чертой стало массовое оснащение Советской армии ракетно-ядерным оружием, и оно с запасом компенсировало частичное сокращение традиционных видов

⁹¹ Артемов Е. Т. Слагаемые успеха советского атомного проекта // Вестн. Рос. акад. наук. 2020. Т. 90. № 90. С. 872.

⁹² Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. С. 199.

⁹³ Жихарев А. Д., Саперов В. И. Создание и освоение авиационных комплексов атомного оружия // Атомная эра российской авиации. М., 2019. С. 16, 17, 30, 40, 41.

⁹⁴ Уткин В. Ф., Мозжорин Ю. А. Ракетное и космическое вооружение // Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь. С. 246–248, 252, 253, 257.

и родов войск. Тем не менее, налицо было снижение оборонной нагрузки на экономику. Доля военных расходов в ВВП по некоторым зарубежным оценкам уменьшилась на четверть⁹⁵. Возможно, в реальности сокращение было меньшим, но это не отменяло явно выраженную тенденцию к ограничению затрат на поддержание военной мощи.

Чтобы создать благоприятные условия для выполнения намеченных планов, послесталинское руководство пошло на снижение уровня противостояния с США и их союзниками. Уже в июле 1953 г. было заключено перемирие в корейской войне, переговоры о котором безрезультатно шли на протяжении двух предшествующих лет. Тогда же Советский Союз отказался от сталинской идеи создания единой нейтральной Германии, фактически согласившись на интеграцию западной части страны (федеративной республики) в западный военно-политический и экономический блок. В апреле следующего года Советский Союз принял участие в Женевской конференции по Индокитаю, позволившей Франции уменьшить издержки, связанные с выходом из вьетнамской войны. В мае 1955 г. бывшие союзники по антигитлеровской коалиции подписали договор об окончании оккупации Австрии и ее нейтральном статусе, что раньше увязывалось СССР с решением «германского вопроса». Еще одной уступкой западным оппонентам стала ликвидация военных баз в Порккала-Удд (Финляндия) и в Порт-Артуре (Китай). Одновременно были предприняты шаги по расширению торговли с западными странами. Такие меры мотивировались необходимостью «полнее» использовать «преимущества и выгоды», вытекающие из международного разделения труда, что на практике означало увеличение притока передовых технологий в экономику страны. Расширение экономических связей с западными странами рассматривалось в качестве средства снижения международной напряженности⁹⁶.

---

⁹⁵ Быстрова И. В. Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отеч. ист. 2004. № 2. С. 138.

⁹⁶ Санчес-Сибони О. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева. СПб., 2022. С. 149, 150.

Однако, пожалуй, самым многообещающим шагом в этом направлении, пиком «оттепели» в отношениях западного и советского блоков можно назвать состоявшуюся в Швейцарии в июле 1955 г. встречу руководителей СССР, США, Великобритании и Франции. Многие наблюдатели тогда даже заговорили о некоем «духе Женевы», обещавшем радикально разрядить международную обстановку. Но этого не случилось, поскольку договориться ни по одному ключевому вопросу не удалось⁹⁷. Да этого и трудно было ожидать. Соединенные Штаты не собирались отказываться от политики сдерживания, а Советский Союз — пересматривать основополагающие принципы своей внутренней и внешней политики. Поэтому задача поддержания на должном уровне военной мощи сохраняла актуальность, а предпосылкой ее успешного решения являлся выход на устойчиво высокие темпы экономического роста. Тогда появлялись дополнительные ресурсы для решения другой важной задачи: дополнения военно-промышленной направленности советской экономики потребительски ориентированной составляющей, дальнейшего улучшения материальных условий жизни населения.

Такие надежды, казалось, подтверждали макроэкономические показатели. Их впечатляющий рост фиксировала официальная статистика, ее данные как бы свидетельствовали о правильности и своевременности мер по корректировке экономического курса. Положительные сдвиги в экономическом развитии, имевшие место после смерти Сталина, подтверждают и альтернативные расчеты. Пожалуй, наиболее близки к реальности оценки ЦРУ США, выполненные на закате советской эпохи. Согласно им, ежегодный прирост валового национального продукта СССР в 1954–1956 гг. составил 4,6 %, что заметно превышало аналогичный показатель за три предыдущих года — 3,7 %⁹⁸. Похожие данные приводятся и в других

---

⁹⁷ Фурсенко А. А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018. С. 32–59.

⁹⁸ Подсчитано по: Кудров В. М. Советский экономический рост. Официальные данные и альтернативные оценки // Вопр. экономики. 1996. № 10. С. 106.

оценках⁹⁹. Важно также отметить, что рост носил более сбалансированный характер. Произошло редкое для советской эпохи сближение темпов выпуска потребительских товаров и производства средств производства, а также вооружений. Дополнительные капиталовложения, направлявшиеся на наращивание мощностей пищевой и легкой промышленности, производство культурно-бытовых товаров долговременного пользования быстро окупались благодаря относительно небольшим срокам освоения. Это, помимо прочего, позволило заметно снизить процент незавершенного строительства, способствовало оздоровлению денежного обращения и уменьшению напряженности в исполнении государственного бюджета.

Правда, не все решения о перераспределении ресурсов были до конца продуманы. В качестве примера можно назвать программу освоения целинных и залежных земель, утвержденную февральским (1954 г.) пленумом ЦК КПСС. Ее реализация требовала крупных капиталовложений, и изыскать их можно было, лишь ограничив инвестиции в укрепление материальной базы сельхозпроизводства в традиционных аграрных районах. Другими словами, речь шла о пересмотре решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК. Но, с другой стороны, целина позволяла сразу же смягчить зерновую проблему. Поэтому Хрущев и его ближайшее окружение рассматривали освоение целинных земель не только как экономическую задачу, но и как важный политический проект, работающий на повышение авторитета и популярности партийного лидера, не случайно подготовку целинного проекта возглавил партийный аппарат¹⁰⁰.

Было, конечно, понятно, что простое перераспределение ресурсов может дать лишь кратковременный эффект, да и сдерживание военных расходов, за счет чего в значительной мере осуществлялся

---

⁹⁹ Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. OECD Development Centre Studies, 1995. P. 154, 155.

¹⁰⁰ См.: Андреенков С. Н., Ильиных В. А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: Выбор модели решения // *Экономическая история*. 2014. № 2 (25). С. 76–87; Пивоваров Н. Ю. Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 — феврале 1954 г. // *После Сталина: Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории*. М., 2016. С. 311–320.

такой маневр, имело свои пределы. Поэтому требовалось найти действенные пути и способы повышения эффективности производства. Сначала решение проблемы связали с «совершенствованием» ведомственной системы управления промышленностью. Прежний опыт, казалось, свидетельствовал, что при надлежащем функционировании она способна обеспечить «расшивку» любых узких мест, накопившихся в экономическом развитии, стоит только устранить отдельные недочеты, проявившиеся в ее организации. И для таких расчетов были веские основания.

Ведомства (сначала наркоматы, а затем министерства) играли ключевую роль в советской модели модернизации: они являлись проводниками «спускаемых сверху» директивных команд и выступали регуляторами плано-распределительных отношений. В этом качестве промышленные министерства сосредоточили в своих руках мощный административный ресурс, который невозможно было игнорировать при определении как текущих, так и перспективных задач. Кроме того, послесталинское руководство было крайне заинтересовано в поддержке со стороны влиятельных управленческих структур. Так что усиление ведомственного начала сразу после смерти Сталина было, по всей видимости, предопределено. Уже в марте 1953 г. был принят закон «О преобразовании министерств СССР». Он предусматривал объединение ряда ведомств. Объяснялось это насущной необходимостью повышения качества руководства взаимосвязанными отраслевыми комплексами. А в следующем месяце, «учитывая важность обеспечения своевременного решения хозяйственных вопросов», пошли на расширение полномочий министров СССР. Они получили дополнительные права в определении планов производства и поставок продукции, утверждении структуры и штатов административно-управленческого персонала подведомственных предприятий, норм затрат материальных ресурсов на выпускаемую продукцию и на расходование финансовых средств¹⁰¹.

---

¹⁰¹ О расширении прав министров СССР : постановление Совета министров СССР. 11 апр. 1953 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 ч. М., 1958. С. 7–19. Ч. 4. 1953–1957 гг.

Однако принятые меры лишь осложнили процесс централизованного управления экономикой. С одной стороны, в результате объединения министерств были созданы огромные конгломераты производств. Это неизбежно обернулось утратой должного контроля за деятельностью предприятий и организаций, что являлось залогом успешного функционирования командной системы хозяйствования. С другой стороны, расширение прав министерств способствовало росту их относительной самостоятельности. А так как главным для ведомств являлось развитие «своих» отраслей, то все другие нужды они учитывали в соответствии с остаточным принципом. Отсюда в своей практической деятельности министерства руководствовались простыми принципами: во-первых, пытались снизить напряженность планов и, во-вторых, максимально нарастить собственный производственный потенциал. И только сильный административный нажим мог побудить их действовать иначе. Но и здесь возникали проблемы. Одновременно с укрупнением министерств были ликвидированы отраслевые бюро Совета министров СССР, которые за ними «наблюдали» и могли их «поправить» в случае отклонения от «генеральной линии». В результате произошло нарастание узковедомственных устремлений, что вело к снижению эффективности использования материальных и человеческих ресурсов.

Ослабление правительственного контроля за деятельностью министерств не могло компенсировать повышение роли партийного аппарата, начавшееся после июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Как известно, он санкционировал смещение Л. П. Берия со всех постов. Но пленум также зафиксировал ряд позиций, реализация которых оказала существенное влияние на конфигурацию властных отношений. Особое значение имела его установка на устранение «ненормальностей» в практике управления, когда «решения по важнейшим вопросам государственной работы и хозяйственного строительства» принимались в обход партийных органов¹⁰².

---

¹⁰² О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия : постановление пленума ЦК КПСС // Лаврентий Берия. 1953 : стенограмма июль-

В дальнейшем Н. С. Хрущев успешно использовал это требование в борьбе за власть. Но его осуществление также изменило прежний порядок работы высших органов государственного управления. Принципиальные вопросы развития экономики стали обсуждаться на заседаниях Президиума ЦК КПСС, и только затем принятые решения оформлялись в виде постановлений Совета министров. Одновременно развернулась жесткая критика «проявлений бюрократизма» и «недостатков в работе» государственных и советских органов. Подоплекой этой кампании была борьба за первенство в постсталинском руководстве. Возглавивший ее первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев использовал имевшие место в реальности факты для дискредитации своего главного конкурента — председателя Совмина СССР Г. М. Маленкова¹⁰³. Смещение последнего с занимаемого поста сыграло важную роль в упрочении позиций партийного аппарата в оперативном управлении народно-хозяйственным комплексом.

Однако уже первый опыт показал, что партаппарат может оперативно «поправить» отдельные решения министерств, но эффективно противостоять набиравшей силу ведомственности он был не в состоянии: невозможно было все проконтролировать со стороны. Поэтому его руководство пошло на ослабление министерств, запустив процесс их разукрупнения. Одновременно в 1954–1955 гг. из союзного подчинения в республиканское передали более 11 тыс. предприятий пищевой, мясной и молочной, легкой, текстильной и деревообрабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов, автомобильного транспорта и шоссейных дорог, речного флота. В этой связи ряд союзных министерств был преобразован в союзно-республиканские или вообще упразднен¹⁰⁴. Кроме того, был взят курс на упрощение их структуры за счет лик-

---

ского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. АН СССР Яковлева. М., 1999. С. 367.

¹⁰³ Сорокин А. К. Практический работник Георгий Маленков. М., 2021. С. 576, 577.

¹⁰⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. М., 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 208, 209, 303–305.

видации отдельных управленческих звеньев. Всего в 46 министерствах было упразднено 200 главков и отделов, 147 трестов, 93 местных управления и т. д.¹⁰⁵

На практике это расширило самостоятельность предприятий: у них появилось больше возможностей отстаивать свои предложения в вопросах планирования производства и капитального строительства, в также для осуществления маневра в оплате труда своих работников в пределах централизованно утверждаемых предприятиям штатов и фонда заработной платы. Такое расширение прав предприятий Н. С. Хрущев рассматривал как хоть какой-то шаг в децентрализации до предела зарегулированного хозяйственного руководства. По его мнению, принятые меры ни в коей мере «не нарушали» директивного управления экономикой, поскольку «командные высоты» оставались в руках центральных органов. Нужно было только «правильно» согласовать перспективные планы «партии и правительства» с решением текущих задач и наладить должный контроль за выполнением устанавливаемых заданий¹⁰⁶.

В советской системе хозяйствования эта роль отводилась Госплану СССР, и он первым подвергся радикальной реорганизации в серии административных «усовершенствований» руководства народным хозяйством в хрущевскую эпоху. Она стартовала в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 25 мая 1955 г. Разумеется, указ только оформил «в государственном порядке» решение Президиума ЦК КПСС, а работа над ним началась еще в феврале того же года. Столь значительный срок объяснялся необходимостью учета в конфигурации власти происходивших изменений, последовавших за смещением Г. М. Маленкова с поста председателя Совмина СССР, со сложностью «притирки» представлений и интересов субъектов госуправления и неформальных коалиций внутри правящей элиты. Инициатором реформы Госплана

---

¹⁰⁵ История социалистической экономики : в 7 т. М., 1980. Т. 6. С. 286.

¹⁰⁶ Выступление первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на заседании комиссии по разработке проекта постановления о расширении прав министров союзных республик. 11 авг. 1953 г. // Никита Сергеевич Хрущев : документы из личного фонда Н. С. Хрущева : в 2 т. / гл. ред. Н. Г. Томилина. М., 2009. Т. 2. С. 239–237.

являлся Н. С. Хрущев, связывавший ее с укреплением своих позиций во властной вертикали. Такие претензии, естественно, вызывали если и неявное, то скрытое сопротивление многих. Чтобы добиться ожидаемого результата, потребовались многоходовые усилия в поиске союзников в высших эшелонах власти¹⁰⁷.

Согласно нормативным документам, необходимость реорганизации объяснялась требованием коренного повышения проработки перспективных планов. Такого результата рассчитывали добиться путем разделения Госплана на Государственную плановую комиссию и Государственную экономическую комиссию. Первая структура должна была заниматься подготовкой пятилетних планов «развития народного хозяйства» в отраслевом и территориальном разрезе. Ей также предписывалось планировать «правильное соотношение» в развитии отдельных отраслей и размещение «производительных сил» «на более длительный период». Тем самым как бы реанимировалась идея «вооружения советских людей ясной перспективой движения вперед по пути к коммунизму». На Госэкономкомиссию возлагались задачи разработки годовых производственных планов и планов материально-технического снабжения, обеспечения «наиболее разумного» использования «всех материальных технических и трудовых резервов» при выполнении установленных заданий¹⁰⁸.

Преобразованный Госплан СССР сразу же включился в работу по подготовке шестого пятилетнего плана. Его проектировки легли в основу Директив XX съезда КПСС по развитию народного хозяйства в 1956–1960 гг. Сначала, как было принято, подводились итоги выполнения предшествующего пятого пятилетнего плана. Заявлялось, что он успешно выполнен и «теперь» Советский Союз располагает «мощным и всесторонне развитым социалистическим производством», позволяющим «еще дальше продвинуться по пути строительства коммунистического общества». В подтверждение

---

¹⁰⁷ См.: Некрасов В. Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 46–53.

¹⁰⁸ Реорганизация Госплана СССР и задачи улучшения планирования народного хозяйства. Передовая // Плановое хозяйство. 1955. № 3. С. 3–9.

приводились данные об увеличении за годы пятилетки национального дохода на 68 %, роста промышленной продукции на 85 %, повышения заработной платы рабочих и служащих на 39 %, доходов колхозников — на 50 % и т. д. Правда, упоминалось о «наличии существенных недостатков в отдельных областях хозяйственной деятельности»: о невыполнении заданий по производству сельскохозяйственной продукции, росту производительности труда, в «использовании новейших достижений современной науки и техники». Но заявлялось, что уже принятые меры позволяют устранить эти «недочеты».

Можно, конечно, усомниться в реальности данных официальной статистики, но то, что экономика развивалась высокими темпами, является очевидным, и на них ориентировались при составлении «контрольных цифр» на шестую пятилетку. Они предусматривали увеличение национального дохода на 60 %, промышленного производства на 65 %, в том числе товаров народного потребления — на 50–70 %. Одновременно планировалось радикально улучшить снабжение населения продовольственными товарами. Это связывалось с ростом валового сбора основных продовольственных культур в 1,5 и более раза, а поставки мясомолочной продукции должны были увеличиться даже в два раза. Грандиозные планы строились в отношении «дальнейшего подъема материального благосостояния и культурного уровня жизни советского народа». Планировалось увеличить реальную заработную плату рабочих и служащих не менее чем на 30 % (при сокращении рабочего дня), денежные и натуральные доходы колхозников — на 40 %. Намечалось за счет государственных средств построить в два раза больше жилья, чем в пятой пятилетке, и т. д.¹⁰⁹ Другими словами, предусматривались исключительно высокие темпы социально-экономического развития, превышающие даже те, что были достигнуты в предшествующие «удачные» годы. В итоге шестая пятилетка должна была стать

---

¹⁰⁹ Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. : стенограф. отчет : в 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 433–497.

важным шагом на пути формирования в СССР некоего аналога «общества потребления».

Важнейшим условием успешного выполнения заданий пятилетки называлась интенсификация производства. За счет «лучшего» использования производственных мощностей и «широкого» освоения «новейших достижений науки и техники» планировалось расширить масштабы комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, использования передовых технологий и на этой основе значительно поднять производительность труда. В промышленности и строительстве ее намечалось увеличить в 1,5 раза, а в совхозах — даже на 70 %. Одновременно предполагалось снизить себестоимость промышленной продукции на 17 %, а строительства — на 7 %. Особое внимание уделялось опережающему развитию таких отраслей, как радиотехническая промышленность, электроника, электроэнергетика и т. д., с которыми связывалось ускорение научно-технического прогресса. Предусматривалось усиление специализации производства. Но все же большую часть прироста промышленной продукции планировалось получить за счет интенсификации использования имеющихся, а не ввода в строй новых мощностей.

Однако в директивах не разъяснялось, что следует делать, какие меры нужно принять по улучшению условий хозяйствования, чтобы эти амбициозные планы стали реальностью. Все ограничивалось общими словами. Создается впечатление, что в основе планирования лежала экстраполяция благоприятной динамики экономических показателей предшествующих лет. Косвенным тому подтверждением является утверждение председателя Госплана Н. К. Байбакова. Выступая с комментарием заданий шестой пятилетки, он заявил, что, «в отличие от практики составления планов развития народного хозяйства предшествующих лет, подготовка проекта директив... опиралась на активную помощь производственных коллективов», которые, разумеется, не стремились брать на себя повышенные обязательства и завышали свои потребности в ресурсах. Госплану же предлагалось «строго следить», чтобы устанавливаемые задания

обеспечивали поступательное развитие производства¹¹⁰. Иначе говоря, речь шла о планировании от «достигнутого уровня» со всеми вытекающими отсюда изъятиями.

Имела место и несбалансированность заданий шестой пятилетки. В частности, предусматривалось увеличить государственные капитальные вложения на 67 %. Конечно, это был огромный рост. Но если учесть запланированное увеличение затрат на жилищное строительство, развитие социальной инфраструктуры, наращивание производственных мощностей ядерно-оружейного комплекса и ракетно-космической отрасли, станет очевидным, что капитальных вложений было явно недостаточно, чтобы выйти на намечаемые объемы выпуска продукции¹¹¹.

Такие надежды связывались с улучшением организации производства и ускорением научно-технического прогресса. Однако уже к концу первого года шестой пятилетки обозначилось явное невыполнение ее заданий. Ответ на вопросы, почему так происходит и что нужно делать, был призван дать декабрьский (1956 г.) пленум Центрального комитета партии. Принятые меры были предварительно утверждены на заседаниях Президиума ЦК. Он констатировал «провал планирования» и принял решение «Госплан перешерстить». Одновременно было признано необходимым провести «уточнение контрольных цифр» пятилетки. Это было подано как «завершение работы по составлению шестого пятилетнего плана»¹¹². Позже, вспоминая те события, Н. С. Хрущев утверждал: «На XX съезде мы приняли глупый план. Он был составлен безграмотно, в этой пятилетке были заложены диспропорции... Когда мы поработали год-два, мы увидели, что у нас не все в порядке. Я сказал тогда в президиуме, тогда были Молотов, Маленков, о том, что мы должны набраться мужества и сказать Центральному комитету

---

¹¹⁰ Байбаков Н. К. Шестой пятилетний план развития народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1956. № 2. С. 25, 26.

¹¹¹ См.: Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1. С. 126–131.

¹¹² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 211, 214, 215, 984, 985, 987; Т. 2. С. 488, 492, 511, 512, 976, 978.

партии, что нами неправильно принят пятилетний план, и исправить или же не говорить и выполнить, тогда мы запутаем хозяйство так, что за пять лет не распутаем его. Мы сказали про отставание и начали разрабатывать новую пятилетку, и тогда уже не пятилетку, потому что оставалось мало времени, а семилетку»¹¹³.

Однако такого решения пленум ЦК не принял, оно состоялось на полгода позже. В декабре 1956 г. все ограничилось «уточнением» контрольных цифр выполняемой пятилетки и одобрением уже принятых постановлений об «улучшении» планирования, «дальнейшем расширении» прав министров, Гостехники, Госстроя, Госкомитета по вопросам труда и заработной платы, о передаче дополнительных полномочий союзным республикам в вопросах «хозяйственного и культурного строительства». По существу, эти решения являлись продолжением курса XX съезда и последующих постановлений «партии и правительства». Утверждалось, что принятые меры активизируют научно-технический прогресс, благодаря чему удастся справиться с выполнением «напряженных» плановых заданий. Такая уверенность декларировалась и в выступлении на пленуме председателя Совета министров Н. А. Булганина и в его постановлениях¹¹⁴.

1.3. Проблемы научно-технического прогресса

Идея, что только ускорение технического прогресса способно обеспечить поступательное развитие экономики, была, конечно, не нова. Еще в довоенные годы «использование новейших достижений науки и техники» в производстве рассматривалось как не-

---

¹¹³ «Я являюсь продуктом сталинской эпохи» : речь Н. С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна). 16 мая 1962 г. // Источник : Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 134.

¹¹⁴ «О завершении работ по составлению 6-го пятилетнего плана и о направлении уточнений контрольных цифр на 1956–1960 гг. и народно-хозяйственного плана на 1957 год»; «Об улучшении руководства народным хозяйством СССР» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 4 ч. М., 1960. Ч. 4. С. 244–254.

обходимое условие выполнения амбициозных планов «социалистического строительства». Но для этого нужно было обладать соответствующим научным заделом, технологиями и компетенциями для приложения научных и технических знаний к решению практических задач производства. Таких условий тогда в Советском Союзе не было. Лучше всего дело обстояло в области фундаментальных исследований: в стране имелись научные школы мирового уровня в ряде областей естествознания. Однако с разработкой технологий, их внедрением в производственные процессы, созданием новой техники положение было гораздо хуже, и внутренние источники технического прогресса не могли обеспечить желаемый «индустриальный рывок».

Выход из сложившегося положения нашли в массированном импорте зарубежных технологий и технических решений. Так, директивами первого пятилетнего плана (декабрь 1927 г.) предусматривалось «самое широкое использование западноевропейского и американского опыта». Аналогичная формулировка присутствовала и во втором пятилетнем плане (февраль 1934 г.). Согласно его заданиям, необходимо было сосредоточиться на «освоении новейших достижений мировой науки и техники, перенесении этого опыта в народное хозяйство страны»¹¹⁵. Правда, в резолюции XVIII съезда ВКП(б) по третьей пятилетке (март 1939 г.) задача расширения использования зарубежных научно-технических достижений специально не выделялась. Видимо, в условиях приближающейся войны важно было акцентировать внимание на максимальном использовании собственного задела.

Установка на техническое перевооружение производства за счет импорта последовательно проводилась в жизнь. По имеющимся оценкам, в предвоенное десятилетие поставки из-за рубежа покрывали до половины потребностей советской промышленности в новом оборудовании. В годы первой пятилетки доля его импорта составляла даже 75–80 %. Одновременно с ведущими западными фирмами заключались контракты на передачу технологий и техниче-

¹¹⁵ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. С. 411; В. И. Ленин, КПСС о развитии науки. М., 1981. С. 263, 271.

ского опыта, проектирование предприятий и т. д. К их выполнению привлекались высококвалифицированные специалисты. Многие из них работали непосредственно в Советском Союзе. Существовал и «встречный поток»: сотни советских специалистов стажировались на предприятиях зарубежных партнеров, перенимая научно-технический, производственный и управленческий опыт¹¹⁶.

Но одного импорта оборудования, технологий, обучения работе с ними и даже привлечения зарубежных специалистов к проектированию предприятий и освоению вводимых в строй мощностей было все же недостаточно для вывода производства на передовые позиции. Во-первых, и технологии, и оборудование необходимо было адаптировать к конкретным условиям новой локализации. Во-вторых, нужно было прилагать существенные интеллектуальные и иные усилия для их поддержания в рабочем состоянии. В-третьих, важную роль в повышении производительности играли совершенствование используемых технологий и постоянная доработка конструкторских решений. С этими проблемами можно было справиться, лишь располагая собственной базой технико-технологического сопровождения производства. Не случайно ее создание стало одним из приоритетов политики «социалистической индустриализации».

В годы первых пятилеток во всех отраслях и даже подотраслях производства были созданы исследовательские, опытно-конструкторские и проектные организации. Их дополнял так называемый заводской сектор науки, включавший технологические лаборатории и конструкторские подразделения крупных промышленных предприятий. Бурно развивалась Академия наук СССР. Если в 1928 г. в ее составе было десять институтов, то к 1940 г. их количество увеличилось до 78¹¹⁷. Одновременно провели «технизацию» Академии наук, которая стала отвечать за общее состояние исследований в интересах развития промышленности страны. Для координации соответствующей работы в ней было создано отделение техниче-

---

¹¹⁶ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006. С. 30, 31.

¹¹⁷ Митрякова Н. М. Структура, научные учреждения и кадры АН СССР (1917–1940-е гг.) // Организация научной деятельности. М., 1968. С. 213.

ских наук. Появление разветвленной сети исследовательских, конструкторских и проектных организаций обеспечило решение двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, оно создало необходимые условия для освоения зарубежных научно-технических достижений, а с другой — заложило основы технико-экономической независимости страны. Можно, конечно, сказать, что технический прогресс в СССР в то время носил имитационный характер, но политика опоры на зарубежный опыт в модернизации производства вполне себя оправдала. В стране появилась мощная тяжелая промышленность, способная удовлетворять значительную часть инвестиционных потребностей экономики и запросов Вооруженных сил СССР в современных средствах вооруженной борьбы.

Массовые поставки зарубежной техники и технологий продолжались в годы Второй мировой войны. В основном они осуществлялись по программе ленд-лиза из Соединенных Штатов. В советское время утверждалось, что она не имела особого значения для достижения победы. В качестве главного аргумента приводились данные Госплана СССР, согласно которым поступившая по ленд-лизу продукция составила не более 4 % советского производства в годы войны. В современной отечественной историографии такая оценка подверглась ревизии. Отмечается, что ленд-лиз не только способствовал насыщению Красной армии боевой техникой, но и внес весомый вклад в обеспечение фронта и тыла продовольствием, транспортными средствами, медицинскими товарами и т. д. Особо подчеркивается его вклад в модернизацию ведущих отраслей экономики. Во многом благодаря американским поставкам крайне дефицитных материалов и критически важного оборудования удалось наладить бесперебойное функционирование и поступательное развитие производства, серьезно поднять его технический уровень¹¹⁸. Достаточно сказать, что в годы войны Советский Союз получил от Соединенных Штатов промышленного оборудования более чем на 1 млрд долл. (в ценах 1938 г., в текущих — около 20 млрд),

---

¹¹⁸ Шпотов Б. М. Военно-экономическое значение ленд-лиза // Экономика Победы : К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 188–189.

на которое пришлось около 10 % всех поставок по ленд-лизу. Сюда входили металлорежущее, кузнечно-прессовое, металлургическое, горнорудное, электросиловое и электрохимическое оборудование, аппаратура для химической и фармацевтической промышленности, контрольно-измерительные приборы и т. д.¹¹⁹

Поставки по ленд-лизу были прекращены осенью 1945 г. Но с окончанием войны масштабы поступления зарубежной техники даже увеличились благодаря репарациям из Германии, Японии и их союзников. Они начались сразу после завершения боевых действий и продолжались до декабря 1953 г. Но их основной объем пришелся на годы четвертой пятилетки. По имеющимся оценкам, репарации тогда обеспечили до 50 % поставок машин и механизмов для объектов капитального строительства в промышленности, чем внесли весомый вклад в выполнение планов «восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства»¹²⁰. А всего по официальным данным из стран — поверженных противников в СССР ввезли комплектное оборудование 5,5 тыс. предприятий. Только из одной Германии получили 96 демонтированных электростанций общей мощностью 4050 тыс. кВт, 339,4 тыс. станков, около 10 тыс. первичных двигателей (турбин и т. д.) совокупной мощностью 4376 тыс. кВт, свыше 200 тыс. электромоторов, 976 передвижных электростанций, 9340 силовых трансформаторов и т. д.¹²¹

За счет репарационных поставок удалось значительно нарастить мощности инвестиционного машиностроения, металлургической, химической, электротехнической, автомобильной и судостроительной промышленности. Это позволило значительно, порой в несколько раз по сравнению с довоенным временем увеличить объемы производства кузнечно-прессового оборудования, подъемно-транспортных машин и механизмов, оптических приборов, контрольно-измерительной аппаратуры, радиотехнических изделий,

---

¹¹⁹ Быстрова И. В. Ленд-лиз для СССР : Экономика, техника, люди (1941–1945 гг.). М., 2019. С. 197–199; 439–443.

¹²⁰ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 186.

¹²¹ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 150.

средств связи, искусственных волокон и пластмасс, синтетического каучука и т. д.¹²² Полученное по репарациям оборудование широко использовалось в производстве вооружений и военной техники. Так, им практически полностью оснастили заново восстановленный комплекс танкостроительных предприятий Сталинграда, Харькова, Мариуполя¹²³.

Немецкое оборудование сыграло важную роль в становлении атомной и ракетной промышленности, в развертывании производства реактивной авиации. Для его «выявления и изъятия» в Германию направлялись специальные технические комиссии, по их предложениям сразу же предпринимались практические действия. Уже в июне 1945 г. для нужд атомного проекта в СССР было отправлено семь эшелонов (380 вагонов) оборудования «физических институтов и химико-металлургических предприятий»¹²⁴. В дальнейшем подобные отправки осуществлялись в нарастающих масштабах. Для освоения и воспроизводства немецкой ракетной техники на базе подземного завода в Тюрингии сначала было организовано специальное научно-техническое учреждение — институт «Нордхаузен». Помимо немецких ракетчиков, в его работе участвовали будущие научно-технические руководители советской ракетно-космической программы С. П. Королев, В. П. Мишин, Б. Е. Черток и др. В конце 1946 г. материальную часть института, собранную документацию и даже ряд немецких специалистов перебазировали в СССР¹²⁵.

Для повышения общего уровня советской промышленности особую ценность представляла изъятая техническая документация.

---

¹²² См.: *Попов В. П.* Экономическая политика Советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000. С. 112–113; *Пыжиков А.* Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие СССР в 1945–1953 гг. // *Вопр. экономики.* 2001. № 5. С. 140 и др.

¹²³ *Баженов А. Ю.* Восстановление производства на европейском юге СССР в 1943–1945 гг. как этап индустриализации (примера новой промышленности) // *Индустриальное наследие : сб. материалов междунар. науч. конф.* Саранск, 2005. С. 154–161.

¹²⁴ *Атомный проект СССР : документы и материалы.* Т. 1, ч. 2. С. 323.

¹²⁵ См.: *Уткин В. Ф., Мозжорин Ю. А.* Ракетное и космическое вооружение // *Вооружение России.* Т. 1. С. 242, 243.

В Советский Союз было вывезено более 1 млн немецких патентов. Для их розыска, инвентаризации и отправки в СССР в советской зоне оккупации Германии были созданы представительства практически всех хозяйственных министерств¹²⁶. Конечно, для освоения технической документации, внедрения содержащейся в ней информации в производственные процессы требовалось приложить значительные усилия, но все же воспроизвести чужие наработки было гораздо легче, чем самим начинать все с нуля. К тому же за них ничего не нужно было платить. Координацией работы по освоению немецкой документации занимался действовавший в 1948–1951 гг. Государственный комитет Совета министров СССР по внедрению передовой техники — Гостехника СССР. Это, пожалуй, была его главная, хотя и неафишируемая задача. Так, только в 1949 г. Гостехника подготовила сборники, включавшие 225 тыс. патентов, «полученных в особом порядке»¹²⁷. В общем, можно констатировать, что техническое перевооружение производства осуществлялось даже на более высоком уровне, чем в предвоенные годы. Правда, оно в основном все же ограничивалось тяжелой и оборонной промышленностью.

Конечно, использование зарубежного опыта не снимало проблемы интенсификации собственной научно-технической деятельности. Отсюда планы, с одной стороны, «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР», а с другой — требование «всемерно содействовать ученым» в деле внедрения новейших технологий «во всех отраслях народного хозяйства». В директивах четвертой и пятой пятилеток с этим связывали обеспечение «технико-экономической независимости»¹²⁸.

Большое внимание развитию науки и технологий уделялось в проекте Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг.

---

¹²⁶ См.: *Захаров В. В.* Научно-технический трансфер из Германии в СССР в 1945–1949 гг. // Деятельность управления СВАГ по изучению науки и техники в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949 гг. : сб. док. М., 2007. С. 111–122.

¹²⁷ *Артемев Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. С. 60–61.

¹²⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1946–1952 годы. М., 1958. С. 670, 686–689.

Он предусматривал «всемерное развитие» прикладных исследований в области физико-математических, химических, геологических, биологических и технических наук, ориентированных на решение конкретных проблем. В их числе назывались интенсификация поиска и увеличение масштабов добычи полезных ископаемых, разработка более производительных технологий в электроэнергетике, металлургической и химической промышленности, создание новой, в том числе военной техники, комплексная механизация и автоматизация производственных процессов и т. д. Всего в проекте Генплана называлось 39 направлений исследований и разработок, считавшихся критически важными для перевода экономики на новый технологический уровень.

На их поддержку намечалось направить значительные материальные и финансовые ресурсы. Предполагалось, что это позволит «удвоить за ближайшие 15–20 лет научные и научно-вспомогательные кадры Союза ССР». Преимущественное развитие должен был получить отраслевой сектор науки, но и Академию наук не оставили без внимания. В плановый период намечалось «завершить строительство» ее «учреждений и институтов в Москве», оснастив их самыми современными приборами и аппаратурой. Отдельной строкой ставилась задача совершенствования территориальной структуры научного потенциала. Для этого предполагалось создать «не менее 10 новых мощных научно-исследовательских центров преимущественно в восточных районах СССР, не уступающих соответствующим институтам Москвы и Ленинграда по насыщенности квалифицированными кадрами, наличию экспериментальной базы, оборудовании лабораторий» и т. д.¹²⁹

Как уже отмечалось, Генеральный хозяйственный план не был утвержден в качестве директивного документа, его задания так и остались «декларациями о намерениях». Но если судить по макроэкономическим показателям, то предусмотренная им стратегия научно-технического развития осуществлялась вполне удовлетворительно. По имеющимся оценкам, удельный вес расходов на науку

¹²⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 112–113, 231–242а.

в валовом внутреннем продукте в 1955 г. превысил уровень 1940 г. в 2,5 раза и составил 1,4 %. Это было сопоставимо с аналогичным показателем наиболее развитых западных стран. Стремительно росло количество работающих в сфере «науки и научного обслуживания». За тот же период оно увеличилось в 2,7 раза, заметно превысив рост числа занятых в народном хозяйстве¹³⁰.

Ускоренное наращивание научного потенциала способствовало повышению эффективности производства. Во многом благодаря внедрению результатов исследований и разработок высокими темпами росла производительность труда. Так, в 1950–1953 гг. ее среднегодовой прирост по внушающим доверие расчетам составил 4,9 %¹³¹. Но более детальный анализ показывает, что приоритеты, зафиксированные в проекте Генерального хозяйственного плана, в связи с угрожающим обострением международной обстановки подверглись серьезной ревизии. Решение задач технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства, по существу, отодвинули в неопределенное будущее. Главные усилия были сосредоточены на повышении технического уровня военной промышленности, создании новых образцов вооружения. Поэтому явное преимущество отдавалось расширению исследований и разработок оборонного профиля, укреплению их материальной базы и кадрового состава.

Уровень милитаризации советской науки трудно оценить в количественном измерении, для проведения детальных расчетов отсутствуют необходимые статистические данные. Положение усугубляет неотработанность методики их анализа: неясно, как учитывались исследования так называемого «двойного назначения», реальная стоимость выполненных работ, затраты на решение «специальных задач»

---

¹³⁰ См.: *Варшавский А. Е., Сироткин О. С.* Научно-технический потенциал // Путь в XXI век : Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999. С. 350; *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. С. 102, 166; *Баканов С. А.* Государственный бюджет СССР в 1950–1980-е годы: динамика и структура расходов // Науч. диалог. 2021. № 5. С. 315, 316.

¹³¹ Оценка по данным: *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997. С. 161.

и т. д. Так что приходится использовать сведения, лишь косвенно отражающие расходы на разработки оборонной направленности, и делать выводы, опираясь на некие предположения и допущения. В литературе есть данные, что в конце первого послевоенного периода затраты на исследования военного характера поглощали 80 % ассигнований, выделяемых науке. Называются и более скромные цифры: 60–70 % для всей позднесоветской эпохи. Однако не разъясняется, как они были получены, на основании анализа каких материалов сделаны такие фантастические по своим масштабам оценки¹³². Отсюда естественное стремление к их перепроверке.

Самые общие представления об уровне милитаризации науки в первые послевоенные годы дают следующие данные. Согласно отчетным материалам Госплана СССР, в научно-исследовательских учреждениях оборонного профиля (не считая сотрудников конструкторских и технологических подразделений предприятий) в 1947 г. работало почти четверть занятых в сфере науки и научного обслуживания. Их удельный вес в общих расходах на науку был даже больше, поскольку финансирование (без капитальных вложений), приходившееся на одного работника, в 1,2–1,3 раза превышало средний показатель по всем научным учреждениям¹³³. И в дальнейшем расходы на оборонный сектор науки только росли. Косвенным тому подтверждением являлось увеличение поставок новых вооружений Советской армии в 1950–1953 гг. более чем в два раза¹³⁴.

К этому нужно добавить затраты, связанные с реализацией атомного проекта и ракетной программы, не учитывавшихся в приведенных расчетах. Выполнение их заданий потребовало огромных усилий. В сжатые сроки благодаря целевым вложениям и кадровым мобилизациям были созданы такие крупные научно-технические

---

¹³² Кудров В. М. Указ. соч. С. 195; Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1. С. 75; Макаров В., Варшавский А. Наука, высокотехнологичный отрасли и инновации // Экономика России. Оксфордский сборник : в 2 кн. М., 2015. Кн. 2. С. 815.

¹³³ Сводка научно-исследовательских учреждений на 1 января 1947 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1178. Л. 3, 4.

¹³⁴ Оценка по данным: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. Кн. 3. Прил. 2. С. 261–353.

центры, как Лаборатория № 2 АН СССР (ныне — Российский научный центр «Курчатовский институт»), КБ-11 (Российский федеральный ядерный центр — ВНИИ экспериментальной физики), НИИ-9 (Высокотехнологичный научно-исследовательский институт неорганических материалов им. А. А. Бочвара), КБ-1 (НПО «Алмаз» им. акад. А. А. Расплетина), НИИ-88 (ЦНИИ машиностроения). Нарастили, порой существенно, своей потенциал «привлеченные им в помощь» отдельные академические и отраслевые институты, конструкторские бюро министерств машиностроения и приборостроения, судостроительной промышленности, средств связи, авиационной промышленности, вооружения, черной и цветной металлургии, химической промышленности, геологии, транспортного и тяжелого машиностроения. Уже в 1946–1948 гг. на строительство и оснащение оборудованием задействованных в атомном проекте научных учреждений было выделено 900 млн руб. целевых капитальных вложений. В то же время аналогичные расходы, проходившие по смете Академии наук СССР, составляли тогда всего около 250 млн руб. в год¹³⁵.

После испытания первого опытного заряда в августе 1949 г. и утверждения в октябре того же года так называемой «атомной пятилетки»¹³⁶ рост затрат на специальные исследовательские и конструкторские работы вообще принял лавинообразный характер. О масштабах предпринимавшихся усилий можно судить по первому разделу «Плана специальных работ» 1953 г. Он предусматривал финансирование научных учреждений, находившихся в ведении Первого главного управления при Совете министров СССР (исполнительного органа атомного проекта), в размере 450 млн руб. Отдельно планировались затраты на капитальное строительство, которые были не меньше расходов на научную деятельность. С учетом финансирования НИОКР, проходившего по сметам промышленных министерств и Академии наук, это, по самым скромным оценкам, составляло не менее 10 % затрат на науку.

¹³⁵ Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 2. С. 826; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 30. Л. 47.

¹³⁶ Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 4. С. 342–354.

Активно наращивался объем исследований и разработок по «II разделу специальных работ», направленных на создание баллистических ракет и зенитно-ракетной системы ПВО Москвы. Для проработки теоретических основ их создания, конструирования и организации производства ракетной техники и радиоэлектронного вооружения было создано два мощных научно-технических центра: КБ-1 (НПО «Алмаз» имени академика Расплетина) и НИИ-88 (ЦНИИ машиностроения). Одновременно были выделены крупные средства на развитие материально-технической базы и укрепление кадрового потенциала научных и конструкторских организаций, «привлеченных им в помощь»¹³⁷.

Общие затраты на научное сопровождение этих программ к середине 1950-х гг., по всей видимости, приблизилось к аналогичным расходам в атомном проекте. По словам одного из ведущих создателей ядерного оружия академика А. Д. Сахарова, при посещении НИИ-88 он был поражен размахом и уровнем работ. «Мы считали, что у нас [в атомном проекте] большие масштабы. Но там увидели нечто большее. Поразила огромная, видимая невооруженным глазом техническая культура, согласованная работа сотен людей высокой квалификации и их почти будничное отношение к тем фантастическим вещам, с которыми они имели дело»¹³⁸. Можно предположить, что в целом оборонная составляющая в расходах на науку к середине 1950-х гг. превысила уровень 50 %, а с учетом работ «двойного назначения», по всей видимости, вплотную приблизилась к 60 %¹³⁹. Так что впечатляющее увеличение удельного веса затрат на науку в ВВП в первые послевоенные годы в значительной мере произошло за счет исследований оборонного назначения.

Такая политика оборачивалась существенными различиями в развитии отдельных секторов науки. Ее часть, непосредственно встро-

---

¹³⁷ См.: Уткин В. Ф., Мозжорин Ю. А. Ракетное и космическое вооружение // Вооружение России : в 2 т. Т. 1. С. 245–248; Реутов А. П. Радиоэлектронное вооружение // Там же. С. 531, 532.

¹³⁸ Сахаров А. Д. Воспоминания. 1921–1971 гг.: Так сложилась жизнь. М., 2016. С. 256.

¹³⁹ Артемов Е. Т. Оборонные приоритеты советской научно-технической политики в первое послевоенное время // Урал. ист. вестн. 2021. № 4 (73). С. 131.

енная в оборонные программы, демонстрировала ударные темпы роста. Здесь создавались новые институты и конструкторские бюро, предпринимались серьезные усилия по укреплению материально-технической базы и кадрового состава действовавших организаций. Это относилось как к отраслевой, так и к академической науке. В ее гражданском секторе положение было гораздо хуже. Даже исследовательские учреждения, работавшие в интересах базовых отраслей промышленности, испытывали хронический недостаток средств на цели развития и текущую деятельность. В целом же большинство организаций отраслевой науки гражданского профиля являлись малоэффективными структурами, от которых трудно было ожидать каких-либо значимых прорывов в создании новой техники и технологий. В документах того времени постоянно говорилось о «мелкотемье» выполняемых ими работ, о слабой информированности о передовых достижениях, об отсутствии результатов, интересных для промышленности, и т. д. В особенно тяжелом положении находилась отраслевая наука на востоке страны. По сути, она стагнировала, а для реализации декларируемых планов создания здесь новых мощных научно-технических центров так и ничего не было сделано¹⁴⁰.

Послесталинское руководство отдавало себе отчет в том, что для изменения сложившейся ситуации требуются значительные усилия и дополнительные средства. Не менее важно было определиться с содержанием и последовательностью проведения в жизнь необходимых мер. Никто, конечно, не собирался вообще отказываться от использования зарубежного научно-технического опыта, ему по-прежнему отводилась заметная роль. С учетом имевшихся ограничений со стороны западных стран на экспорт в СССР техники, передовых конструкторских и технологических решений допускалось их нелегальное заимствование. Это было традиционное отношение советской стороны к чужой интеллектуальной собственности. Оно прекрасно работало при запуске атомного проекта, программ производства радиоэлектронного вооружения, реактивной авиации, так что ничего нового в таком подходе не было.

¹⁴⁰ См.: *Водичев Е. Г.* В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 139–147.

В одном из первых публичных заявлений в качестве руководителя партийного аппарата Н. С. Хрущев заявил: «я считаю, да и не только я считаю, а специалисты работали наши над этим вопросом: надо брать немецкий комбайн и ставить его на производство. А что нам — был немецкий, стал советский. На нашем заводе сделаем и нашу марку дадим, потому что у нас воруют, мы у них немного подворуем... Ничего плохого здесь нет»¹⁴¹.

Но поступление нужных зарубежных новаций по «специальным каналам» зависело от многих случайностей. Это повышало значение внутренних источников технического прогресса. Как свидетельствовал зарубежный опыт, ключевую роль здесь мог сыграть трансфер технологий из военно-промышленного комплекса в гражданскую экономику. Его продуктивность подтверждала собственная практика. Даже в атомном проекте с его жесточайшим режимом секретности она имела место. Еще на старте атомного проекта в декабре 1946 г. Спецкомитет принял решение о создании Ученого совета при президенте АН СССР. На него возложили координацию ядерно-физических исследований в открытых областях науки, техники, производства. К работам по планам Ученого совета привлекли десятки академических и отраслевых институтов, высших учебных заведений. В министерствах высшего образования, химической, металлургической и авиационной промышленности, вооружений, в Комитете мер и измерительных приборов назначили ответственных за своевременное выполнение его заданий. Ряду непосредственных их исполнителей целевым назначением выделяли дополнительные средства¹⁴².

В мае 1950 г. Специальный комитет на своем заседании рассмотрел ход работ по использованию накопленного при создании ядерного оружия научно-технического задела в мирных целях.

---

¹⁴¹ Из выступлений Н. С. Хрущева на совещании секретарей ЦК компартий союзных республик, секретарей обкомов и крайкомов, председателей крайисполкомов и работников сельского хозяйства. 10 авг. 1953 г. // Никита Сергеевич Хрущев : Два цвета времени : документы из личного фонда Н. С. Хрущева : в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 39.

¹⁴² Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 1. С. 144–145. Т. 2, кн. 3. С. 93–95. Т. 2, кн. 4. С. 333–336.

По его итогам были приняты правительственные постановления, имевшие долгосрочные последствия. Первое предусматривало «широкое внедрение изотопных методов» в практику научных исследований, а также для дефектоскопии металлических изделий (отливок, сварных швов), лечения онкологических заболеваний и т. д. Второе содержало программу «научно-исследовательских, проектных и экспериментальных работ» по созданию ядерно-энергетических установок для электро- и теплогенерирующих станций, транспортных средств¹⁴³. Эта программа последовательно проводилась в жизнь. Атомную электростанцию начали возводить в 1952 г. Ее решили построить в пос. Обнинское Калужской обл. рядом с Лабораторией «В» (ныне — Государственный научный центр — Физико-энергетический институт), занимавшейся разработкой реакторов для подводных лодок. А в июне 1954 г. станция дала промышленный ток. На ней установили канальный реактор с водяным теплоносителем АМ-1 («атом мирный»), первоначально создававшийся для энергосиловых установок подводного флота.

Несмотря на его малую мощность (5 МВт), запуск Обнинской электростанции заложил основы бурного развития ядерной энергетики. В этом отношении Советский Союз опередил всех¹⁴⁴. В Англии первую атомную электростанцию сдали в эксплуатацию только в октябре 1956 г., а в Соединенных Штатах даже позже. Но первая атомная транспортная силовая установка была создана в США. Ее установили на подводной лодке «Наутилус», которая впервые вышла в море в январе 1955 г. В Советском Союзе работы, связанные с созданием атомных подводных лодок, начали в 1951 г., а через год Совет министров СССР принял решение о строительстве атомного ледокольного судна. Его ввели в эксплуатацию через семь лет в декабре 1959 г. Это было первое в мире надводное судно и на тот момент самый мощный ледокол¹⁴⁵.

---

¹⁴³ Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 5. С. 31, 215–217, 223–224.

¹⁴⁴ История взаимодействия ядерной энергии и общества в России / Н. В. Мельникова, Е. Т. Артемов, А. Э. Бедель и др. Екатеринбург, 2018. С. 32.

¹⁴⁵ Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 5. С. 476–479; *Скоренко Т.* Изобретено в СССР: История изобретательской мысли с 1917 по 1991 год. М., 2020. С. 79–81.

Плодотворным оказалось использование военно-технических достижений для развития гражданской авиации. Так, в июле 1955 г. совершил свой первый полет реактивный пассажирский самолет Ту-104, созданный на базе бомбардировщика Ту-16, а в следующем году начались его регулярные рейсы¹⁴⁶. В ракетной отрасли попытки использования создававшейся техники в мирных целях предпринимались с начала ее формирования: уже первые образцы боевых баллистических ракет, разработанных на базе немецкой ФАУ-2, были приспособлены для метеорологических исследований. Успехи в конструировании управляемой баллистической ракеты межконтинентальной дальности позволили принять решение о создании искусственного спутника Земли. Это мотивировалось как военными нуждами (разведка территории вероятного противника и т. д.), так и необходимостью дальнейшего развития науки (изучения ионосферы, космического излучения, получения данных для составления точных карт, увязанных в единой системе координат). Свою роль также сыграл политико-пропагандистский фактор — стремление обойти Соединенные Штаты в освоении космического пространства¹⁴⁷. И эта задача была успешно решена. 4 октября 1957 г. специально доработанная межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 вывела на околоземную орбиту первый в мире спутник. Так началась космическая эра в истории человечества.

Успехи в освоении ядерной энергии, создание ракетной и авиационной техники вызвали огромный резонанс как в стране, так и за рубежом. Многие уверились, что Советский Союз способен решать самые сложные задачи и уже в недалеком будущем он выйдет на лидирующие позиции в мире во всех областях науки, техники, производства. На самом деле картина была не такая уж радужная: отдельные выдающиеся прорывы в создании новой техники и овладении передовыми технологиями еще не гарантировали выхода советской экономики на лидирующие позиции в мире. Свидетельством

---

¹⁴⁶ Наука и техника СССР. 1917–1987 : хроника. М., 1988. С. 155.

¹⁴⁷ Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / под ред. Ю. М. Батурина. М., 2008. С. 64–66.

тому являлось сохранявшееся отставание от передовых западных стран в технико-технологическом уровне в ряде ключевых отраслей производства. Это хорошо понимало советское руководство. Было также очевидно, что одними заявлениями о необходимости изменения такого положения проблемы не решить. Требовалось от общих слов переходить к делу.

Обсуждение путей и способов ускорения научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства активизировалось с началом подготовки шестого пятилетнего плана. В духе времени ему постарались придать широкий характер. Внимание акцентировалось на «конструктивной» критике недостатков, препятствующих «в полной мере» реализовать преимущество «социалистической» организации производства. Ключевая роль здесь отводилась двум мероприятиям: Всесоюзному совещанию работников промышленности, прошедшему в мае 1955 г., и июльскому (1955 г.) пленуму ЦК КПСС, рассмотревшему вопрос «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства».

Тон состоявшемуся обсуждению задали выступления руководителей партии и правительства. Открывая совещание работников промышленности, председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин констатировал неудовлетворительное состояние дел в техническом перевооружении производства, что оборачивалось нарастанием трудностей в экономическом развитии. В подтверждение сказанного он ссылаясь на систематическое невыполнение принятых планов. По его утверждению, до трети промышленных предприятий не справлялись с заданиями по выпуску продукции. Ниже, чем намечалось, росла производительность труда, медленно осваивались прогрессивные технологии, выпускавшиеся машины и оборудование обладали более низкой производительностью в сравнении с зарубежными аналогами. «Рассмотрение», а тем более внедрение в производство изобретений «нередко растягивались на годы», в результате наша страна недополучала так необходимую ей продукцию. Назывались и причины неудовлетворительного состояния в деле организации научно-технической деятельности

и практическом использовании ее результатов. Главная виделась в «азнайнстве и самоуспокоенности многих руководящих работников», в «потере ими чувства ответственности за порученное дело», в утрате «перспективы и ориентировки в технической политике», без чего «невозможно развитие социалистического производства»¹⁴⁸. Аналогичные заявления прозвучали и в речи Н. А. Булганина на июльском пленуме ЦК.

Критика «невзирая на лица» действительно была острой. Но, как и следовало ожидать, основополагающие принципы «социалистической системы хозяйствования» не ставились под сомнение. Такой же линии придерживались все участники совещания работников промышленности и пленума ЦК, хотя ряд хозяйственников осторожно показывал, что нельзя все недостатки списывать на плохое руководство. Приводились факты, свидетельствовавшие о наличии проблем в планировании и финансировании технического прогресса, недостатков в организации и управлении этим процессом, но каких-либо выводов о необходимости перестройки действующего хозяйственного механизма не делалось, все сводилось к разговору о его «совершенствовании» путем устранения отдельных недочетов¹⁴⁹. Другими словами, публичное объяснение трудностей в техническом перевооружении производства строилось по схеме, отработанной в сталинскую эпоху: детальный анализ их причин подменялся обвинениями «ряда руководящих работников» в «головокружении от успехов», в отклонении от «генеральной линии партии» при проведении практической политики. Такая стилистика напоминала «разносные» кампании недавнего прошлого. Правда, в условиях наметившейся либерализации режима она уже не выглядела столь пугающе, как раньше.

Не отличались особой новизной и утвержденные июльским пленумом ЦК практические меры. Сначала декларировалось, что «всемерное повышение технического уровня производства» должно

---

¹⁴⁸ Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом министров СССР, 16–18 мая 1955 г. : стеногр. отчет / гриф «Не для печати». М., 1955. С. 4–7.

¹⁴⁹ Там же. С. 94–104.

стать «важнейшей задачей партийных, советских и хозяйственных организаций». Ей предписывалось уделять первоочередное внимание «наравне с выполнением народно-хозяйственного плана». Затем назывались отрасли производства, требующие особого внимания, они ожидаемо относились к базовой промышленности. В них в первоочередном порядке поручалось «в широких масштабах» развернуть «научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы», повысить их практическую отдачу, «разработать и осуществить мероприятия по технической реконструкции предприятий», оснащению их новейшим оборудованием и т. д. Эти установки дополнялись призывами «улучшить работу» управленческого аппарата, «повысить требовательность» в отношении руководителей всех рангов, возложить «ответственность» на министров, директоров предприятий, научных, конструкторских и проектных организаций за «выполнение планов внедрения передовой техники»¹⁵⁰.

Разумеется, принятые решения содержали указания и практического свойства. Более конкретно ставились первоочередные задачи. Признавалась необходимость централизации процесса разработки и реализации технической политики, руководства процессом технического перевооружения производства в общегосударственном масштабе. В то же время говорилось о целесообразности расширения прав министерств и ведомств, предприятий и организаций при определении перспективных направлений научных исследований, путей и способов практического использования их результатов. Подчеркивалось, что многие проблемы внедрения обусловлены несовершенством территориальной структуры научного потенциала. Отсюда следовало требование перевести научно-исследовательские учреждения и проектные институты «из Москвы и Ленинграда и столиц союзных республик в места сосредоточения соответствующих отраслей промышленности». Ярко и во многом неожиданно в свете недавней кампании по борьбе с космополитизмом звучали призывы к улучшению «дела изучения» зарубежного научно-технического опыта, «расширения связи с научно-исследовательскими

¹⁵⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 510–523.

учреждениями» зарубежных стран¹⁵¹. В общем, можно сказать, что наряду с повторением установок сталинского времени принятые решения содержали определенные новации.

Рекомендации совещания работников промышленности и решения июльского пленума ЦК были сразу же конкретизированы в ряде партийно-правительственных постановлений. В основном они касались планирования, организации и управления техническим прогрессом, прежде всего в использовании научных результатов в производстве. В неопубликованной части постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники» особо подчеркивалась необходимость трансфера технологий из военно-промышленного комплекса в гражданские отрасли экономики. В связи с реорганизацией порядка государственного планирования были пересмотрены функции Госплана СССР: за ним оставили перспективное планирование, проведение технико-экономической экспертизы выполненных разработок и научных исследований путей развития и размещения производительных сил. А для «лучшей организации дела» с внедрением научных достижений в производство воссоздали Государственный комитет Совета министров СССР по новой технике (Гостехнику СССР). На него возложили подготовку «предложений об основных направлениях в развитии науки и техники по отраслям народного хозяйства, составление годовых и пятилетних планов создания новых важнейших машин, механизмов, оборудования, приборов, материалов, технологических процессов и контроль за их внедрением». Гостехника также стала отвечать за «организацию сбора материалов и сведений о состоянии развития отечественной и зарубежной науки, техники и технологии производства» и за доведение этой информации до «заинтересованных» потребителей¹⁵².

---

¹⁵¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 510–523.

¹⁵² Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной техники : постановление

Правда, в реальности она работала лишь в интересах «гражданских» отраслей производства. Исключение, видимо, составляла организация легального импорта технологий в интересах оборонной промышленности. В военно-промышленном комплексе планированием и координацией научно-технической деятельности, контролем за практическим использованием полученных результатов занимались свои специальные структуры. Функции Гостехники во многом пересекались с функциями Госплана. Тому также предписывалось заниматься изучением «достижений отечественной и зарубежной науки», предусматривать их «широкое внедрение... во все отрасли производства» в пятилетних планах развития народного хозяйства. Отсутствовало и четкое разделение полномочий с Госэкономкомиссией, отвечавшей за составление и выполнение аналогичных заданий на год¹⁵³. Такое дублирование функций затрудняло планирование практической работы Гостехники.

Одновременно было решено пойти на расширение полномочий хозяйственных министерств по руководству техническим прогрессом на отраслевом уровне. Им было предоставлено право самостоятельно вносить изменения в планы финансирования научно-технических работ в пределах общей суммы утвержденных ассигнований и — по согласованию «в каждом отдельном случае» с министерством финансов — «создавать, реорганизовывать и ликвидировать» проектные организации и научно-исследовательские институты». В отношении «совершенствования» структуры научно-технической деятельности, по сути, все свелось к одному требованию: «переместить ряд научно-исследовательских институтов в районы расположения предприятия промышленности, с которой они связаны»¹⁵⁴. Оно исходило из представления, что это является необходимым

ЦК КПСС и Совета министров СССР // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 505–509.

¹⁵³ Реорганизация Госплана СССР и задачи улучшения планирования народного хозяйства. Передовая // Плановое хозяйство. 1955. № 3. С. 4, 5.

¹⁵⁴ Постановление Совета министров СССР «О некоторых дополнительных правах министров СССР». 4 мая 1955 г. // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. : в 7 т. М., 1958. Т. 4. С. 398.

и достаточным условием ускорения научно-технического прогресса, повышения эффективности производства. А чтобы снять с бюджета дополнительные расходы, ответственность за перемещение возложили на министерства и ведомства.

Рекомендации совещания работников промышленности и решения июльского (1955 г.) пленума ЦК партии широко освещались в печати. В этой пропагандистской кампании участвовали ведущие ученые и крупные производственники, что прибавляло ей убедительности. В своих выступлениях они, как правило, не выходили за пределы официально признанных формулировок, а лишь уточняли оценки и предложения, содержащиеся в партийно-правительственных документах. Но были и исключения, когда причины неудовлетворительного состояния дел со стимулированием научно-технического прогресса пытались связать с действующим хозяйственным механизмом. Так, по мнению директора Уралмашзавода Г. Глембовского, «чтобы двинуть вперед внедрение новой техники, недостаточно иметь решения и приказы», нужно было создать экономическую заинтересованность предприятий во внедрении новой техники. Подчеркивалось, что этого можно добиться лишь за счет установления обоснованных «цен, коэффициентов, регулирования плана»¹⁵⁵. Однако тема «совершенствования» экономических отношений не получила продолжения, власть была еще не готова обсуждать столь деликатную проблему, поэтому внимание акцентировалось на субъективном факторе, управленческих просчетах, препятствующих эффективному использованию научных наработок в производстве. Но если судить даже по осторожным суждениям Г. Глембовского, многие руководители промышленности в общем осознавали, что без перестройки действовавшей системы хозяйствования проблему ускорения научно-технического прогресса было не решить.

Партийно-правительственные установки середины 1955 г. были практически дословно воспроизведены в Директивах по шестому пятилетнему плану, принятых XX съездом партии. Его ключевой задачей назывался перевод «всех отраслей народного хозяйства

---

¹⁵⁵ Правда. 1955. 30 мая.

на новую, более высокую по своему техническому уровню ступень». На ее решение нацеливалась советская наука. От нее требовалось «сосредоточить усилия» на первоочередной разработке проблем, имеющих «важное народно-хозяйственное значение». Говорилось о необходимости максимального использования в работе передового зарубежного опыта¹⁵⁶. Но руководители научно-технической сферы хорошо понимали, что ориентироваться только на него нельзя ни в коем случае.

В частности, это нашло отражение в докладной записке о состоянии науки в 6-й пятилетке, адресованной в центральные партийные органы за подписью президента АН СССР академика А. Н. Несмеянова, председателя Государственного комитета по новой технике В. А. Малышева (до своего назначения на данный пост являвшегося руководителем Минсредмаша) и министра высшего образования СССР В. П. Елютина. В ней отмечалось, что «главные усилия ученых в предшествующий период были направлены на освоение советской промышленностью зарубежных достижений, то есть предпочтение отдавалось уже испытанному ранее варианту заимствования: апробированное внедрять быстрее, надежнее, чаще — и дешевле». Однако продолжение такой политики угрожает в перспективе обернуться тормозом технического прогресса¹⁵⁷. Похожие взгляды разделяли многие «руководящие работники» и ведущие ученые. В обосновании приводились данные, свидетельствующие, что глобальная тенденция увеличения наукоемкости машин и продукции машиностроения усугубила отставание стран, не производящих, а потребляющих технические знания путем трансляции их из государств, располагающих собственным научно-техническим потенциалом¹⁵⁸. Отсюда делался вывод о необходимости всемерного наращивания собственных усилий по производству научно-технических знаний.

---

¹⁵⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 163, 164, 180.

¹⁵⁷ Иванов В. К. Как создавался образ советской науки // Вестн. РАН. 2001. Т. 71. № 2. С. 99–113.

¹⁵⁸ Козлов Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России. С. 167.

Этого рассчитывали добиться посредством ряда взаимосвязанных мер: расширения масштабов использования научно-технических наработок, имевшихся в военно-промышленном комплексе, во всех отраслях народного хозяйства, улучшения оснащенности научно-исследовательских учреждений современным оборудованием, совершенствования организации научных исследований. Особое внимание уделялось территориальному «сближению науки и производства». Заявлялось о «ненормальности» концентрации научного потенциала в столичных центрах. В подтверждение приводились данные о его размещении на территории страны. Они свидетельствовали, что в Москве, Ленинграде и ближайших окрестностях были сосредоточены основные научные силы: здесь работало 60 % сотрудников отраслевых институтов и 85 % научных работников АН СССР, на периферии же располагались маломощные филиалы и отделения головных институтов либо опытные станции, стационары и тому подобные организации, реально мало занимавшиеся производством новых научно-технических знаний. Все это рассматривалось как главное препятствие в деле внедрения результатов научных исследований в производство. Для исправления такого положения министерствам и ведомствам, Академии наук поручалось незамедлительно принять меры по перебазированию научных учреждений в места сосредоточения производств, с которыми они были непосредственно связаны.

В директивах съезда присутствовала и одна значимая новация: в отличие от предшествующих решений, отдельной строкой выделялось требование «всемерно развивать науку», «расширяя теоретические исследования о всех областях знания»¹⁵⁹. Это, конечно, были общие слова. Но, с другой стороны, их появление в директивном документе свидетельствовало о росте престижа науки, об осознании роли фундаментальных исследований в ускорении технического прогресса. Хотя такое понимание давалось, по-видимому, непросто. Об этом можно судить по выступлению на съезде президента АН СССР А. Н. Несмеянова. Он даже отважился на критику органа

¹⁵⁹ Цит. по: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февр. 1956 года : стеногр. отчет. М., 1956. Т. 2. С. 34, 472, 480.

ЦК — газеты «Правда». По его мнению, она неправильно расставляла акценты при обосновании перспектив развития советской науки: не отмечала «глубокого значения теории». А это, подчеркивал Несмеянов, имеет принципиальное значение для ускорения технического прогресса. В подтверждение сказанного он ссылался на роль фундаментальной науки в овладении атомной энергией, создании электронно-вычислительной техники, получении материалов с заранее заданными свойствами, открытии новых месторождений полезных ископаемых и т. д. Отсюда следовал вывод: «без всемерного... расширения теоретических исследований мы не можем обеспечить необходимого постоянного технического прогресса». Поэтому в шестой пятилетке нужно предусмотреть опережающее развитие «науки — фундамента, в первую очередь» ее физико-математического, химического и биологического комплексов. Они «должны освещать дорогу в неизведанное будущее новой техники и производства в целом»¹⁶⁰.

Такое видение первоочередных задач разделяло большинство руководства академии. Его же придерживались при составлении программы Президиума АН СССР по выполнению решений XX съезда. Для придания ей большей легитимности предлагаемые меры вынесли на обсуждение так называемых активов научных сотрудников. Их проведение должно было свидетельствовать, что партийное требование о привлечении «широкой общественности» к выработке стратегических решений неукоснительно соблюдается. Разумеется, в программе Президиума АН СССР подчеркивалась необходимость совершенствования территориальной организации науки, но на практике это означало лишь выделение дополнительных, в общем-то небольших средств филиалам Академии наук. Одновременно бралось обязательство «рассмотреть вопрос» о переводе в восточные районы страны отдельных лабораторий институтов технического и геологического профиля¹⁶¹.

¹⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 374–381.

¹⁶¹ См.: Вестник АН СССР. 1956. № 6. С. 31, 32; № 8. С. 81, 82; НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 997а. Л. 72–77.

Итоги состоявшегося обсуждения подвело прошедшее в декабре 1956 г. Общее собрание АН СССР. Оно утвердило разработанную его президиумом программу. Как заявил при ее представлении А. Н. Несмеянов, перевод научных учреждений на периферию «многого не дает», главное не в этом, а «в подъеме уровня научной работы»¹⁶². Соответствующим образом определялись перспективы «академического строительства»: ее первоочередными задачами назывались повышение технической оснащенности и улучшение организации и планирования научных исследований, создание действенной системы доведения их результатов до стадии практического использования.

Этой установкой руководствовались при определении задач на шестую пятилетку. Основные силы предполагалось сосредоточить на строительстве комплекса из восьми институтов биологического профиля в Пушкино Московской обл. и в «укреплении» материально-технической базы и кадрового состава академической науки в столицах. В перемещении же крупных научных сил на периферию руководство академии не видело резона. Оно считало, что такой маневр нереализуем на практике, а попытка его осуществления приведет лишь к распылению средств, так необходимых для повышения уровня исследований в центральных институтах. Поэтому планы развития академической науки в регионах сводились к «точной» поддержке направлений, доказавших свою состоятельность. Ряд подразделений филиалов АН СССР планировалось преобразовать в институты. На эти цели, в том числе на расширение производственных площадей, намечалось выделить дополнительные средства. Другими словами, разработанная во исполнение решений XX съезда программа Президиума АН СССР, по сути, санкционировала продолжение прежней практики «академического строительства». Достаточно отметить, что с мая 1955 г. по май 1957 г., в самый разгар кампании по территориальному «сближению науки с производством», Академия наук, обладавшая

---

¹⁶² Несмеянов А. Н. Об основных направлениях в работе Академии наук СССР // Вестн. АН СССР. 1957. № 2. С. 39.

правами союзно-республиканского министерства, организовала 11 институтов: восемь — в Москве и три — в Ленинграде¹⁶³.

Аналогичным образом поступали другие ведомства. На словах они принимали «к безусловному исполнению» указания «партии и правительства» о необходимости территориального сближения науки с производством, однако к их выполнению подходили чисто формально. Во-первых, было неочевидно, что «перемещение» научных учреждений в «места сосредоточения предприятий отраслей промышленности, с которой они связаны», и создание здесь мощных научно-технических центров решат проблемы внедрения. Хозяйственные руководители хорошо понимали, что расширение масштабов продвижения результатов исследований в производство связано с множеством факторов, и они несводимы к преодолению территориальной разобщенности научных учреждений и промышленных предприятий. Во-вторых, для создания на периферии новых научно-технических центров требовалось приложить огромные усилия. Как правило, здесь отсутствовала необходимая инфраструктура и не было строительных организаций, способных возвести ее объекты в приемлемые сроки.

Серьезные трудности возникали с формированием дееспособных коллективов: на местах не имелось нужного количества квалифицированных кадров, а сотрудники центральных институтов не горели желанием менять столицу на провинцию. Чтобы побудить их принять такое решение, следовало создать здесь особо благоприятные условия для работы и жизни, заметно отличающиеся в лучшую сторону от принятых стандартов. И все эти проблемы министерства и ведомства должны были решить самостоятельно, изыскивая необходимые средства за счет внутренних резервов. Поэтому они не могли понять, зачем тратить такие усилия на дело, которое не обещает дать реальную отдачу в обозримой перспективе. При таком отношении перевозить на периферию удавалось лишь вывески научных учреждений. В качестве примера можно привести случай Центрального научно-исследовательского института

---

¹⁶³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35р. Д. 47. Л. 159.

механической обработки древесины. При его переводе из Москвы в Архангельск из 750 сотрудников только 17 согласились переехать на новое место работы, остальные предпочли уволиться¹⁶⁴. Другими словами, даже немногие попытки реально следовать партийной линии по факту заканчивались уничтожением дееспособных коллективов.

Правда, были и исключения. В середине 1950-х гг. на периферии был создан ряд мощных научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций оборонного профиля. Это было сделано в целях усиления работ по оснащению Советской армии ракетно-ядерным оружием. Конечно, можно было пойти по пути наращивания мощностей действующих центров, но в конечном счете возобладало мнение о необходимости организации самостоятельных научно-конструкторских структур. По образному выражению академика Е. Н. Аврорина, одного из ведущих физиков, внесших выдающийся вклад в создание и наращивание ядерного арсенала страны, они были нужны, чтобы «старый кот не дремал»¹⁶⁵. Таким образом, в процесс разработки критически важных образцов вооружений вносился элемент конкуренции, что позволяло добиваться наилучших результатов. В расчет также принималось наличие в действующих коллективах видных ученых и конструкторов, стремившихся к самостоятельной работе. Для них организация новых центров открывала заманчивые перспективы для реализации своих идей и замыслов. По соображениям безопасности их следовало размещать в глубине территории, вдали от границ. Это перевешивало выгоды от создания научно-технических учреждений в столицах, где имелась развитая инфраструктура и были сосредоточены основные кадры исследователей и инженеров. Конечно, при выборе конкретного места учитывалось, что рядом со вновь создаваемыми организациями находились предприятия-смежники.

---

¹⁶⁴ См.: *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М., С. 127.

¹⁶⁵ *Имамутдинов И.* Академик Аврорин рассказывает о том, как были созданы лучшие советские ядерные заряды и как военные разработки использовались в народном хозяйстве // Эксперт. 2013. № 14. 8–14 апр. С. 52.

В данном случае территориальная близость упрощала налаживание с ними устойчивого взаимодействия.

Пожалуй, наиболее масштабной мерой такого рода стало создание второго ядерно-оружейного центра — НИИ-1011. Его решили построить между Свердловском и Челябинском. Здесь имелись развитая транспортная инфраструктура и необходимые электроэнергетические мощности. В регионе располагались предприятия по наработке ядерной взрывчатки и серийному производству «изделий». Относительно низкая плотность населения и удаленность от границ упрощали решение вопросов безопасности и секретности. Все это позволяло повысить устойчивость процесса разработки критически важного средства вооруженной борьбы в случае прямого вооруженного столкновения с вероятным противником. В то же время НИИ-1011 создавался как некий обособленный анклав в составе регионального хозяйственного комплекса. Его кооперационные связи стремились ограничить «атомным» ведомством и разработчиками средств доставки ядерных боеприпасов до возможных целей. По отношению к другим отраслям промышленности НИИ-1011 выступал по преимуществу как потребитель отдельных видов их продукции, так что он мог лишь косвенно влиять на ускорение технического перевооружения промышленности региона.

НИИ-1011 формировался с учетом деятельности КБ-11 — первого инновационного центра ядерно-оружейного комплекса. Его основными задачами являлись разработка научных основ создания ядерного оружия, конструирование, изготовление и испытание опытных образцов ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, их запуск (совместно с серийными КБ) в производство на специализированных предприятиях отрасли. Это предполагало создание на базе института единого цикла «исследования — производство»: от выбора и обоснования физической схемы систем, теоретического и экспериментального доказательства их работоспособности до авторского и гарантийного надзора за эксплуатацией «изделий» в войсках, демонтажа и утилизации основных узлов ядерных боеприпасов¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский Федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт

Принципиальное решение об организации НИИ-1011, «аналогичного КБ-11, с лабораториями, испытательными полигонами, конструкторскими секторами и опытным производством», Совет министров принял в июле 1954 г., а 24 марта следующего года на заседании Президиума ЦК КПСС были утверждены его задачи, в тот же день принятое решение было оформлено постановлением Совмина СССР. Согласно этим документам, НИИ-1011 создавался «в целях усиления работ по разработке новых типов атомного и водородного оружия и создания условий для дальнейшего роста научно-исследовательских и конструкторских кадров в этой области»¹⁶⁷.

Ядро коллектива института предписывалось сформировать из числа сотрудников КБ-11. Его научным руководителем и главным конструктором назначили члена-корреспондента РАН К. И. Щелкина. Вместе с ним в новую организацию из КБ-11 перешли 350 чел. Это были опытные специалисты, уже доказавшие свою состоятельность при разработке первых образцов ядерного оружия. Еще 100 чел. перевели из других организаций Минсредмаша, и 50 научных работников — из академических институтов, выполнявших «задания КБ-11». Но своих кадров для формирования дееспособного коллектива Минсредмашу все же не хватало.

Проблему решили стандартным для атомного проекта способом: министерствам-смежникам поручили направить на постоянную работу 150 конструкторов, технологов и младшего технического персонала. Одновременно Челябинский и Свердловский обкомы партии обязали отобрать в своих областях по 500 квалифицированных рабочих и по 50 чел. инженерно-технического персонала. Мобилизация распространялась на все предприятия независимо от их ведомственной принадлежности. Кроме того, Минвузу СССР поручили по «согласованию» с Минсредмашем распределить туда 200 молодых специалистов из числа окончивших высшие учебные заведения в 1955–1956 гг. К концу 1955 г. в НИИ-1011 насчиты-

---

технической физики (РФЯЦ–ВНИИТФ) имени академика Е. И. Забабахина» // Атомные города Урала. Город Снежинск : энциклопедия / Г. Н. Рыкованов, Е. Н. Аврорин, Е. Т. Артемов и др. Екатеринбург, 2009. С. 7, 8.

¹⁶⁷ Атомный проект СССР. Т. 3, кн. 2. С. 193–195, 224, 225, 341–347.

валось уже 870 сотрудников, а в 1957 г. — более 3 тыс. В 1960 г., когда завершился период становления нового ядерно-оружейного центра, его коллектив состоял из 6,5 тыс. чел. К тому времени для НИИ-1011 были построены производственные объекты площадью 85 тыс. м². Они возводились в комплексе с жильем и социально-бытовой инфраструктурой. Так при институте возник новый город с населением 20 тыс. чел.¹⁶⁸

Удачный опыт создания на периферии мощных научно-исследовательских и опытно-конструкторских центров имелся и в ракетной отрасли. В 1954 г. на Южном машиностроительном заводе в Днепропетровске было создано Особое конструкторское бюро № 586 (ОКБ-586, КБ «Южное»). Вначале оно занималось сопровождением серийного производства ракет, разработанных под руководством С. П. Королева в НИИ-88 (ОКБ-1). Отсюда же в новую организацию перевели группу конструкторов во главе с будущим академиком М. К. Янгелем. Вскоре, однако, молодой коллектив стал претендовать на самостоятельную работу, рассчитывая реализовать собственные подходы к созданию баллистических ракет дальнего действия. Эти устремления поддерживало правительство. ОКБ-586 получило самостоятельность при определении тематики, и были предприняты меры по увеличению численности его сотрудников и расширению материально-технической базы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В конечном счете С. П. Королев и его ОКБ-1 сосредоточились на космической тематике, а ОКБ-586 вместе с подмосковным КБ-52 В. Н. Челомея стало обеспечивать разработку межконтинентальных ракет наземного базирования¹⁶⁹.

Другой случай успешного территориального сближения науки с производством в ракетной отрасли имел место на Южном Урале. В 1955 г. расположенному здесь рядом с серийным предприятием СКБ-385 поручили доводку первой отечественной ракеты морского базирования, разработанной коллективом С. П. Королева. Для

---

¹⁶⁸ Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 240.

¹⁶⁹ Уткин В. Ф., Мозжохин Ю. А. Ракетное и космическое вооружение // Вооружение России. Т. 1. С. 209–212; 219.

проведения этой работы из НИИ-88 на Урал перевели группу сотрудников во главе с В. П. Макеевым. Они в сжатые сроки решили возложенную на них задачу и накопили опыт по морской тематике. Это позволяло перейти к созданию оригинальных конструкций. С таким предложением молодой коллектив обратился в «инстанции». Инициативу СКБ-385 поддержал С. П. Королев, и правительство приняло соответствующее решение. Сразу же были предприняты меры по увеличению численности персонала и расширению производственных мощностей конструкторского бюро¹⁷⁰. Если в 1955 г. в нем работало 400 чел., то к концу десятилетия — почти на порядок больше. В основном увеличение численности происходило за счет целевого распределения молодых специалистов, но в процессе совместной работы с опытными коллегами они быстро приобретали нужную квалификацию. Так на Урале была образована головная организация страны по разработке ракетных комплексов стратегического назначения с баллистическими ракетами для подводных лодок (ныне — Государственный ракетный центр «КБ им. академика В. П. Макеева»)¹⁷¹.

Но подобные единичные случаи не меняли общей картины: для их масштабного тиражирования не хватало ни сил, ни средств. Не случайно соответствующие решения принимались на самом высоком политическом уровне. Он мотивировались необходимостью наращивания военной мощи и предусматривали выделение дополнительных ресурсов, так что связанные с этим расходы относились на госбюджет, в том числе на материальное стимулирование согласившихся на переезд специалистов. Им в порядке исключения устанавливались повышенные должностные оклады, предоставлялось благоустроенное жилье по нормам, значительно превышающим принятые стандарты, выделялись «подъемные» на переезд. Свою роль играл и административный нажим. Правда, уклонявшимся

---

¹⁷⁰ СКБ-385. КБ машиностроения ГРЦ «КБ им. академика В. П. Макеева». М., 2007. С. 23–25.

¹⁷¹ См.: Канин Р. И., Клейман В. Л., Тамбулов Н. Ф. Становление отечественной школы морского ракетостроения // Баллистические ракеты подводных лодок России. 2-е изд. Миасс, 1997. С. 93–98.

от мобилизации «дальние лагеря», как в недалеком прошлом, уже не грозили, но без потерь в дальнейшем карьерном и профессиональном росте было не обойтись. Кроме того, наличие «административного ресурса» у руководителей, отвечавших за организацию научных учреждений, заметно облегчало их обустройство на новом месте. Он позволял сравнительно легко преодолевать ведомственные барьеры и другие бюрократические препоны, возникавшие на этом пути. Но такое было возможно лишь в рамках реализации приоритетных оборонных программ, ничем подобным большинство министерств и ведомств не располагало, так что кампания по массовому переводу научных организаций в места сосредоточения профильных отраслей промышленности «выдохлась», не успев начаться.

Не оправдались надежды и на повышение инновационной активности за счет усиления централизованного начала в управлении процессом внедрения научно-технических разработок в производство. Образованная для решения этой задачи Гостехника, как и ее предшественница образца 1947 г., являлась аморфной структурой. Она не имела подведомственных исследовательских учреждений и не обладала реальными распорядительными полномочиями в отношении других управленческих структур. А поскольку хозяйственные министерства, Академия наук, Минвуз СССР весьма прохладно относились к любому вмешательству в их дела, то за Гостехникой оставалось лишь механическое сведение отраслевых научно-технических планов в некое единое целое. В лучшем случае она более или менее успешно занималась сбором и пропагандой информации о достижениях отечественной и зарубежной науки, содействием в организации импорта востребованных технологий.

Для многих руководителей неспособность Гостехники оказывать реальное влияние на руководство техническим прогрессом была очевидна. В рабочем порядке отмечались ее финансовая беспомощность и сомнительный правовой статус¹⁷². Критическое отношение к Гостехнике отражалось даже в печати¹⁷³. Было и понимание, что главная причина низкой эффективности работы подобных над-

¹⁷² РГАЭ. Ф 9480. Оп. 2. Д. 600. Л. 11–15; Ф. 262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 93.

¹⁷³ См.: Правда. 1955. 30 мая; 1957. 6 апр.

ведомственных органов заключается в «секторной» организации науки. Но мощные отраслевые ведомства рассматривали Гостехнику, призванную ограничить действенность ведомственных барьеров, как ненужную помеху, ущемлявшую их права¹⁷⁴, так что справиться с задачей концентрации сил и средств на решающих направлениях научно-технического прогресса она была не в состоянии. Это делало еще более призрачными расчеты декабрьского (1956 г.) пленума ЦК на обеспечение высоких темпов развития экономики за счет его ускорения. И росло понимание того, что решение проблемы непосредственно связано с общей перестройкой организации и управления производством и наукой.

---

¹⁷⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 3. Д. 6. Л. 217; Д. 19. Л. 198–199; Д. 171. Л. 32.

Глава 2

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА»

Стремление добиться ускорения в экономическом развитии в долгосрочном плане побудило Хрущева и его окружение к ревизии отдельных положений сложившейся модели организации производства. Правда, он хорошо понимал: чтобы закрепиться на вершине пирамиды власти, следует избегать заведомо непопулярных мер. В итоге Хрущев сделал это простым, но радикальным и рискованным способом, пойдя по пути откровенного популизма: выдвинул идею построения коммунизма на протяжении жизни одного поколения. И эта установка стала сердцевиной главного доктринального документа СССР послевоенной эпохи — третьей программы КПСС. Сформулированная в ней задача создания материально-технической базы коммунизма позволяла приемлемым способом «упаковать» требования опережающего наращивания производственных капиталовложений и скачкообразного повышения на этой основе технического уровня во всех отраслях народного хозяйства.

Важную роль в обосновании жизненной необходимости такого перевооружения играла концепция науки как непосредственной производительной силы, в дальнейшем развернутая в теорию научно-технической революции. Все это в конечном счете должно было обеспечить экономическое первенство СССР в глобальном мире. Рядовым же гражданам адресовались обещания уже в обозримом будущем добиться изобилия материальных благ. Помимо прочего, такие обещания должны были оживить систему мотивации к труду. Естественно, в программе нашлось место и для утверждения приоритета советского оборонного комплекса. Но все же парадигма развития, ранее рассчитанная почти исключительно на наращивание военно-экономического потенциала, теперь существенно

дополнялась потребительской составляющей. Так что при всей преемственности со сталинской стратегией избранный Хрущевым курс содержал существенный элемент новизны.

2.1. По сталинским лекалам

Решения декабрьского (1956 г.) пленума ЦК КПСС, казалось, подвели черту под обсуждением планов перестройки экономики. Утверждалось, что их воплощение в жизнь позволит успешно выполнить скорректированные задания шестой пятилетки. Однако практически на следующий день после пленума в конце января 1957 г. Н. С. Хрущев выступил с инициативой проведения радикальной реформы. В разосланной им членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС записке «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством» решения пленума оценивались как половинчатые, не позволяющие добиться желаемого результата. Для исправления положения он предложил ликвидировать хозяйственные министерства и перейти к территориальному принципу управления производством. И этот замысел был реализован.

В мае 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», положившим начало практическому осуществлению совнархозовской реформы. В такой ситуации логичным выглядел отказ от выполнения шестого пятилетнего плана. В октябре того же года Президиум ЦК констатировал, что «имеющиеся в народном хозяйстве диспропорции» неразрешимы в рамках шестой пятилетки. Отсюда следовало радикальное решение: не дожидаясь ее окончания, разработать семилетний план развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. и уже в нем предусмотреть ликвидацию узких мест в экономике¹. Подразумевалось, что это будет увязано с подготовкой третьей программы партии —

---

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : в 3 т. М., 2006. Т. 1. С. 211, 214, 215, 216; Т. 2. С. 522–534, 689–696.

программы построения коммунистического общества. Три года спустя такая работа была завершена. Выступая с заключительным словом на XXII съезде КПСС, Н. С. Хрущев заявил: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!»²

Эти его слова приобрели широкую известность и вошли в тезаурус советской идеологической риторики, надолго пережив своего автора. Первая часть этого лозунга в том или ином варианте неоднократно воспроизводилась вплоть до окончания советской эпохи. Однако про вторую часть фразы после смещения Хрущева постарались забыть. В ней отразилась основополагающая идеология хрущевского времени: представление о коммунистической перспективе как о реальной осязаемой задаче совсем недалекого будущего, которая отстоит от текущего времени всего лишь на 20 лет. Это рассматривалось как завершающий этап построения в нашей стране нового справедливого общества с его изобилием материальных благ «для всех и каждого», а предстоящее двадцатилетие — как логическое завершение «борьбы» коммунистической партии за «светлое будущее».

В январе 1959 г. на внеочередном XXI съезде КПСС Хрущев заявил о «полной и окончательной» победе социализма в СССР и переходе к строительству коммунизма. Двумя годами позже на XXII съезде он провозгласил: «Торжество коммунизма всегда составляло заветную конечную цель ленинской партии. Теперь эта мечта — коммунизм — становится явью. Не только наши потомки, а мы с вами, наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»³

Разумеется, такое обещание очень многими воспринималось «на ура». По яркости оно могло поспорить лишь с заявлением, что «нет таких твердынь, нет таких крепостей, которые не мог бы взять советский народ, сбросивший с себя иго капитализма и под руководством нашей ленинской партии уверенно идущий впе-

---

² XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. : стеногр. отчет : в 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 203.

³ Там же. С. 257.

ред к своей великой цели — коммунизму»⁴. Но стоит вспомнить и другую фразу: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики»⁵. Она была произнесена И. В. Сталиным еще в 1928 г. и затем неоднократно повторялась. Правда, Хрущев добавил в нее слова о «великой цели». Но такое уточнение ничего принципиально не меняло. Как и «вождь народов», он считал, что ключ к решению любых проблем — это «воля к победе». Даже в риторике Хрущев оставался верным последователем своего предшественника. Однако при нем продвижению коммунистического концепта в массы уделялось гораздо больше внимания. В результате в начале 1960-х гг. в СССР вряд ли имелся хоть один человек, который бы не слышал о приближении эры коммунизма, и в массовом сознании эта перспектива прочно связывалась с именем Хрущева.

В лозунгах о коммунистической перспективе отражался политический стиль Хрущева. Он стал первым советским лидером-популистом, окружившим себя кругом советников и консультантов, но регулярно отходившим от предлагавшихся ему политтехнологических сценариев⁶. Вероятно, правы те специалисты, кто полагают, что «многое в понимании Хрущевым в середине 50-х годов социально-экономической стратегии государства можно объяснить его утопическим сознанием, которому в принципе была чужда мысль о существовании объективно нерешаемых задач, данных природой и историей... И эта фанатичная иррациональная вера в то, что социализм — это общество социальной справедливости, бывшая основой социального консенсуса власти и общества

---

⁴ Повышать уровень руководства сельским хозяйством : речь Н. С. Хрущева на совещании передовиков сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в городе Москве. 23 февр. 1961 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 7 т. М., 1963. Т. 5. С. 96.

⁵ Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК : докл. на собрании актива Московской организации ВКП(б). 13 апреля 1928 г. // Сталин И. В. Соч. : в [12 т.]. М., 1949. Т. 11. С. 27–64.

⁶ См.: Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990.

в советской системе, важнейшее условие возвышения Хрущева, его права на власть»⁷.

Но как бы там ни было, до определенного времени имя Хрущева оставалось символом скорого достижения коммунистического идеала, против чего лидер страны совершенно не возражал. Он всячески подчеркивал преимущество своей эпохи с ключевой для СССР ленинской традицией, но избегал каких-либо ассоциаций с годами сталинизма. В то же время историческая справедливость требует отметить, что именно там и следует искать принципиальные основы концепта «броска в коммунизм». Это отражает сопоставление ключевых программных документов, принимавшихся КПСС. И если учитывать этот аспект, то Сталин и Хрущев, зачастую позиционируемые как принципиальные антитипы, уже не выглядят таковыми.

Дело в том, что идея создания третьей программы партии, программы построения коммунистического общества, появилась задолго до XXII съезда КПСС. Эта работа началась по инициативе Сталина еще в октябре 1938 г., и энтузиазм по поводу коммунистического строительства уже «безраздельно господствовал» на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1939 г. Однако начавшаяся война обозначила другие приоритеты, поэтому работу над программой приостановили. Ее реанимировали сразу после окончания войны. В 1945 г. теоретический орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» в своей редакционной статье заявлял: «советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁸. Теоретическому обоснованию ее решения была посвящена последняя крупная работа Сталина⁹. Под знаком «развертывания коммунистического строительства»

---

⁷ Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского Союза в 1950-е — середине 1960-х годов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 29.

⁸ Цит. по: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение «сверхдержавы». 1945–1953 гг. : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 148–149.

⁹ Сталин И. В. Экономические проблемы развития социализма в СССР. М., 1952.

прошел и состоявшийся в 1952 г. XIX съезд партии. Согласно его директивам, это являлось «главной задачей» очередной пятой пятилетки. Всего же на «построение коммунизма в нашей стране» отводилось 20–30 лет¹⁰. С такими планами страна входила в хрущевскую эпоху.

Одновременно с подготовкой новой третьей программы разрабатывался Генеральный хозяйственный план, своего рода «дорожная карта» создания «материально-технической базы коммунизма». Как уже отмечалось, трудности теоретического характера, появление непредвиденных проблем, связанных с втягиванием страны в холодную войну, ряд обстоятельств субъективного свойства не позволили довести начатую работу до логического завершения. Но стратегический курс на построение коммунистического общества не претерпел изменений.

Подготовке принятой при Хрущеве третьей программы партии, преемственности в ее содержании в сравнении с вариантом, разрабатывавшимся при Сталине, посвящена обширная историография¹¹, поэтому напомним лишь основные вехи проделанной работы. Подготовить проект новой программы было поручено ЦК КПСС по итогам XX съезда в 1956 г. «исходя из основных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, опыта братских партий социалистических стран, опыта и достижений всего международного коммунистического и рабочего движения, а также с учетом

---

¹⁰ XIX съезд ВКП(б)-КПСС (5–14 октября 1952 г.) : док. и материалы // Истмат (Исторические материалы) : [сайт]. URL: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf?ysclid=maywefvh8d125987320 (дата обращения: 22.05.2024).

¹¹ См.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 75–83; Пыжигов А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998; Таубман У. Хрущев. М., 2008; Titov A. The 1961 Party Programme in the context of Khrushchev's reforms // Melanie Ilic and Jeremy Smith, eds. Soviet State and Society under Nikita Khrushchev / eds. M. Ilic, J. Smith. L. & N. Y., 2009. P. 8–25; Хрущев С. Н. Никита Хрущев: реформатор. М., 2010; Артемов Е. Т., Водичев Е. Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347; и др.

подготавливаемого перспективного плана коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза»¹². Так был дан повторный старт в работе над третьей программой партии.

Фактически она началась с середины 1958 г. экспертной группой под руководством секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, в состав которой входили более ста известных ученых и специалистов¹³. Сопоставление текстов двух редакций программы свидетельствует о том, что хрущевская третья программа содержала многочисленные заимствования из ее более ранней сталинской версии. Они касались представлений как о направлении эволюции советского общества и государства, так и о путях построения коммунизма. На этом основании ряд исследователей делает вывод, что новая программа коммунистического строительства, «по сути, только повторила» идеи из предыдущего проекта программы ВКП(б), сделав корректировку на время¹⁴. Несомненно, между ними наблюдалась прямая преемственность в определении целей, задач и сроков построения коммунистического общества, но имелись и существенные различия. Сталинский проект программы был намного лаконичней и не содержал, в отличие от хрущевской программы, цифровых показателей социально-экономического развития страны на этапах «коммунистического строительства». Иначе говоря, последняя носила явно выраженный технократический характер.

Позаимствовав из сталинского проекта ряд основополагающих положений, Н. С. Хрущев предпочитал об этом особо не упоминать¹⁵.

---

¹² Постановление о подготовке новой программы Коммунистической партии Советского Союза. 25 февр. 1956 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. С. 93.

¹³ Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 161–177; Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева; Его же. Мысли вслух: замечания Н. С. Хрущева на проект третьей программы КПСС. Цит. по: Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era. N. Y., 2003. P. 509–511; РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66.

¹⁴ Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История отечества: люди, идеи, решения : сб. ст. М., 1991. С. 291.

¹⁵ Предложение об использовании варианта программы в редакции 1947 г. последовало на первом же заседании рабочей группы по подготовке новой програм-

Такое признание могло поставить под сомнение его лидерство в обновлении коммунистической доктрины, чего Хрущев ни в коем случае не хотел допустить. В этом ему подыгрывало ближайшее окружение. Выступая на XXII съезде КПСС, один из разработчиков сталинской редакции программы О. В. Куусинен утверждал, явно нарушая принцип исторической объективности: «Потребность в новой программе у нас в партии ощущалась и раньше. Мне известно, что еще в тридцатых годах по инициативе Сталина были сделаны две попытки разработать проект новой программы. Но это были совсем несерьезные попытки, и они дали такой худосочный результат, что Сталин даже не счел нужным познакомить с написанными проектами членов Политбюро. Но даже если бы проект был написан самым тщательным образом, все равно партия не получила бы документа, который мог бы сравниться с нынешним проектом программы. И ясно почему — потому, что тогда не было необходимых предпосылок для создания программы построения коммунистического общества»¹⁶.

Вообще Н. С. Хрущев неоднократно «творчески использовал» идеи других, не вспоминая об их роли. В этом он не был оригинален: стремясь утвердить свой приоритет там, где для него далеко не всегда имелись исторические основания, он зачастую сначала использовал заимствованные идеи против самих авторов, но впоследствии обращался к ним для обоснования собственной стратегии. Такие спекуляции, в особенности хаотичная смена приоритетов в экономической политике, стали основной чертой хрущевского времени. Это же относилось и к его коммунистическому мифотворчеству.

Хрущев явно стремился войти в историю, всячески подчеркивая свою роль в теории «коммунистического строительства». Не случайно в своей речи на XXII съезде он связывал третью программу партии с именем Ленина, что символически ставило его в один ряд

мы 28 июня 1958 г. Его внес вице-президент АН СССР акад. К. В. Островитянов. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

¹⁶ Цит. по: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стеногр. отчет. Т. 2. С. 380.

с основоположником СССР. Он говорил: «При подготовке третьей программы мы постоянно советовались с Лениным, исходили из его прозорливых предначертаний, из его гениальных идей о строительстве социализма и коммунизма. Поэтому мы с полным основанием можем и эту программу назвать ленинской»¹⁷. Похожие заявления он делал неоднократно¹⁸. Отсюда недалеко было до вывода о наличии чуть ли не сакральной связи между Хрущевым и основателем Советского государства.

При подготовке программы Хрущев стремился вникать во все детали. Свои представления о грядущем «светлом будущем» он излагал в многочисленных публичных выступлениях. В переработанном наукообразном виде они вошли в текст третьей программы партии. Для придания им большей убедительности использовалось литературное наследие классиков марксизма-ленинизма: в программу включили практически все, что они писали о «грядущем коммунистическом обществе». Но многое пришлось и «дописывать». И тут представления, вкусы, пристрастия и даже фантазия самого Хрущева оказались более чем весомым фактором¹⁹. С одной стороны, третья программа партии подавалась как логическое развитие идей научного коммунизма, документ, указывавший всему миру путь к обществу изобилия и благоденствия, а с другой — как руководство к практическим действиям. В этом смысле она должна была выполнять функции «дорожной карты» «строительства коммунизма».

Характеризуя ее содержание, в ходе одной из встреч «с народом» Хрущев подчеркивал, что разработанный «проект новой программы партии, которую примет XXII съезд КПСС... будет не какой-то прогноз, а конкретный план действий»²⁰. Руководитель рабочей

¹⁷ XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 148.

¹⁸ Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 5 марта 1962 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 7 т. М., 1963. Т. 6. С. 339.

¹⁹ Попов Г., Аджубей Н. Пять выборов Никиты Хрущева // Наука и жизнь. 2008. № 10. С. 52.

²⁰ Беседа со знатными людьми Дона в станице Вешенской. 31 авг. 1959 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. С. 46.

группы по ее подготовке Б. Н. Пономарев приводил такие слова Хрущева: «программа должна быть ясным, четким, вдохновляющим документом, по сути дела, поэмой нашей партии»²¹. Но это, разумеется, не умаляло ее политико-идеологического значения. Выступая на том же заседании рабочей группы, О. В. Куусинен подчеркивал, что «по программе партии и друзья, и враги будут судить о нашей мощи»²². Сам Хрущев прекрасно понимал ее идеологическую пропагандистскую роль. Об этом говорит высказанная им мысль относительно достижимости целевых показателей: «Надо иметь в виду, что это прогнозные планы, это не конкретные планы. Поэтому занижать нам тоже невыгодно, потому что мы снижаем тогда агитационное воздействие на умы как внутри, так и вне. Конечно, чем сильнее наши цифры, наши возможности, тем сильнее наше воздействие. Это совершенно ясно»²³.

Политическое решение о презентации программы, как и ее принципиальные положения, были приняты на заседании Президиума ЦК 14 декабря 1959 г.²⁴ Работа над проектом программы была завершена к весне 1961 г. 30 июля 1961 г. этот документ после одобрения его Президиумом ЦК КПСС опубликовали в газетах «Правда» и «Известия» для «всенародного обсуждения», внесения предложений и замечаний, и такие замечания были получены в большом количестве. Они, как декларировалось, были учтены при доработке текста²⁵. 31 октября 1961 г. XXII съезд КПСС официально принял третью программу КПСС — программу построения коммунистического общества в СССР в ближайшие 20 лет. Зафиксировав свои позиции в качестве теоретика коммунистического строительства, Н. С. Хрущев сформулировал триединую задачу: построение материально-технической базы коммунизма, постепенное перерастание социалистических отношений в ком-

²¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

²² Там же. Л. 2.

²³ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 511.

²⁴ Там же. С. 393–412.

²⁵ Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 135.

мунистические и воспитание нового человека. Эти задачи должны были решаться параллельно.

Экономическая часть программы основывалась на проектированиях Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР, разрабатывавшейся одновременно. В ней конкретизировались задачи и этапы создания «материально-технической базы коммунизма», обосновывались необходимые для достижения этой цели темпы и пропорции развития производства. Работа над Генеральной перспективой не была завершена. Тем не менее, предусматривавшиеся ею основные показатели экономического развития включили в ее текст.

В таком качестве она, конечно, не могла реально выполнять функцию «дорожной карты» «построения материально-технической базы коммунизма» и являлась, по сути, совокупностью идеологем и деклараций. Однако отсутствие в ней обоснованных расчетов особо не волновало коммунистических визионеров, прежде всего самого Хрущева. Они считали, что «воля к победе» — ключ к решению любых проблем на пути к достижению коммунистической перспективы. В своей заключительной речи на XXII съезде КПСС Хрущев подчеркивал: «Приняв новую программу... съезд перед всем миром провозгласил, что народы Советского Союза во главе с Коммунистической партией, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, высоко поднимают знамя борьбы за построение коммунистического общества в нашей стране. Построение коммунистического общества стало практической задачей партии и народа»²⁶.

Создание материально-технической базы коммунизма теоретически предполагало развитие экономики на новых научно-технической и технологической основах. Но так было только в теории, там, где произносились ритуальные слова о научно-техническом прогрессе, говорилось о намерениях провести структурные изменения в экономике. При анализе деталей стратегического прогноза становится очевидным, что речь шла прежде всего об экстенсивной модели развития и об увеличении традиционных валовых пока-

---

²⁶ XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 202.

зателей производства. Коммунизм в реальности понимался как индустриальное общество, в котором должно было стать на порядок больше «дыма от заводских труб», и это определяло всю экономическую программу построения нового общества. Главной задачей по-прежнему считалось развитие производства средств производства. Подчеркивалось, что это является необходимым условием увеличения выпуска предметов потребления, поскольку рост его объемов предполагает опережающее развитие производства металлов, машин, оборудования и т. д.

Однако еще более важным было то, что добиться запланированных темпов экономического роста намечалось в рамках сложившейся системы «социалистического хозяйствования». Правда, некоторые разработчики программы считали, что нужно отметить необходимость ее «совершенствования». Так, академик А. А. Арзуманян, в то время директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), предлагал расширить положения о товарно-денежных отношениях при строительстве коммунизма²⁷. Но в текст программы вошли лишь общие фразы, что «в коммунистическом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма»²⁸. Все это не выходило за рамки представлений, содержащихся в сталинском теоретическом наследии.

В сфере общественных отношений в программе декларировался постепенный переход от государственного управления к коммунистическому общественному самоуправлению. Диктатура пролетариата замещалась понятием общенародного государства, провозглашалось повышение роли общественных организаций, к которым должны были перейти некоторые государственные функции. Обозначалась перспектива формирования единой общенародной ответственности посредством слияния государственной и колхозной. Воспитание нового человека подразумевало соединение в нем духовного богатства, нравственной чистоты и физического совершен-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

²⁸ XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 294, 295.

ства. Для конкретизации этого идеала программа включала в себя «Моральный кодекс строителя коммунизма», ставший синтезом коммунистических идеологем и общегуманистических ценностей.

Известная декларация Хрущева «Новая программа — полное воплощение в жизнь лозунга партии “Все во имя человека, для блага человека”»²⁹ стала визитной карточкой и начала широко тиражироваться всеми доступными средствами. Программа содержала определение коммунизма. Эта формулировка имела описательный и весьма размытый характер. Говорилось, что «коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком, и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»³⁰.

Такое определение коммунистического общества было близко к его формуле в сталинской редакции. В ней декларировалось: «Коммунизм — это такое общество: а) где на основе роста производства достигнуто изобилие продуктов и господствует равная обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям, а все труженики общества являются людьми, ведущими вполне зажиточную и культурную жизнь; б) где все народное хозяйство базируется на общественной собственности на средства производства, оснащено высокоразвитой техникой и управляется по единому плану; в) где нет классов и клас-

---

²⁹ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 162.

³⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 274.

совых различий, а все работники индустрии, сельского хозяйства и других отраслей общественной деятельности являются тружениками единого бесклассового общества; г) где на основе огромного повышения технической базы сельского хозяйства и подъема культурного уровня деревни до уровня передового города ликвидирована противоположность между городом и деревней; д) где на основе роста квалификации, профессионального мастерства и культурного уровня работников индустрии и сельского хозяйства ликвидирована противоположность между физическим и умственным трудом; е) где созданы все условия для удовлетворения непрерывно растущих материальных и духовных потребностей людей и всестороннего развития их способностей и дарований»³¹. Однако в любом случае народу был ближе другой, гораздо более лаконичный тезис, прозвучавший в докладе Хрущева: «Чаша коммунизма — это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать»³².

В целом же с принятием третьей программы в обществе утвердился политический миф о принципиальной возможности построения коммунистического общества в обозримые сроки. И он стал главным инструментом пропаганды и агитации, призванным мобилизовать и партию, и общество на новые трудовые подвиги. А исторические реминисценции обеспечивали ему связь с ключевыми коммунистическими формулами, позволявшими называть новую программу партии «ленинской». Все остальные идеологемы хрущевского времени, включая те, что имели отношение к экономике, носили производный характер от этой базовой установки, ставшей основой политики и стержнем формирования маркеров общественного сознания в СССР.

Как известно, у третьей программы могло быть продолжение. В 1962 г. Хрущев предложил начать разработку проекта новой Конституции СССР, которая должна была заменить «сталинскую» Кон-

---

³¹ Зигзаги третьей программы // КПРФ. Москва : [сайт]. URL: <https://msk.kprf.ru/2016/10/24/17866> (дата обращения: 22.05.2025).

³² Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза». С. 167.

ституцию 1936 г. и стать еще одним его триумфом в качестве не только партийного лидера, но и «отца нации». Это нашло свое отражение в решениях XXII съезда КПСС. В Конституции предполагалось закрепить и развить сформулированное в программе КПСС понимание условий перехода к коммунизму. Хрущев говорил: «Вы знаете, что в основу действующей Конституции 1936 г. положен такой принцип: зафиксировать в Конституции только то, что уже завоевано советским народом. Думаю, что нам следует придерживаться другого принципа, и исходить из ленинских идей, и зафиксировать в новой Конституции не только то, что достигнуто, а выразить в ней программные положения, чтобы новая Конституция активно помогала достижению цели коммунистического строительства»³³.

Фактически Конституция должна была стать венцом реформаторских преобразований Хрущева. Верховный Совет СССР в апреле 1962 г. образовал Конституционную комиссию в составе 94 чел. во главе с самим Хрущевым³⁴. В ходе ее работы он формулировал собственные предложения, настаивая на включении в Конституцию большого раздела, посвященного экономике, параллельно мимоходом обвиняя Сталина в склонности к бюрократическому управлению и обещая это исправить. Так что по замыслу содержание Конституции должно было повторять логику третьей программы. Однако данный проект остался на бумаге: добиться его реализации Хрущев не успел³⁵.

Что же касается самого Хрущева, то при всем его стремлении войти в историю в качестве не только руководителя страны, но и теоретика научного коммунизма, при разработке, продвижении и утверждении программы им двигали и вполне практические соображения. Коммунизм — коммунизмом, но, вероятно, правы те историки, кто считает, что «всемогущий идол, которому поклоня-

---

³³ См., например, выступление Н. С. Хрущева на заседании Конституционной комиссии 16 июля 1964 г.: Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева: в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 428.

³⁴ «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева: Стенограммы заседаний Конституционной комиссии 1962–1964 годов / публ. и предисл. А. А. Данилова // Ист. архив. 1997. № 1. С. 40.

³⁵ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. С. 426–431.

ется Хрущев, зовется *политикой* (выделено нами. — Е. А., Е. В.). Она таит в себе веру, способную преодолеть любые трудности, а также включает в себя повседневную практику власти»³⁶. Ведущие страны Запада демонстрировали высокие темпы развития, которые невозможно было не замечать на фоне допущенной открытости страны в условиях десталинизации. СССР при всех его научно-технических и технологических достижениях рубежа 1950–1960-х гг. не был способен адекватно реагировать на вызовы Запада аналогичным ростом уровня жизни и избавить население от структурной бедности и дефицита основных потребительских товаров. Несмотря на то, что к концу 1950-х гг. ситуация в сфере потребления улучшилась, этот тренд не приобрел устойчивого характера и пресекся уже в начале нового десятилетия. Социальное напряжение становилось все более ощутимым. К тому же страны социалистического лагеря регулярно демонстрировали свою готовность к социально-экономическим и политическим экспериментам, выходившим, по мнению советского руководства, за пределы допустимого.

В таких условиях Хрущеву необходимо было найти нечто такое, что могло бы вдохновить общество. Эту задачу как раз и должен был решить образ коммунизма, достижение которого якобы возможно было уже в ближайшем будущем. Он был призван «успокоить» партийную и советскую бюрократию в отношении их перспектив и отвлечь массы от текущих проблем, связанных с трудностями повседневной жизни, смягчить их отношение к нехватке продовольственных товаров, одежды, предметов длительного пользования и т. д. И «ход с коммунизмом, ход с подготовкой новой Программы Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) был, несомненно, реальной альтернативой возврату сталинизма»³⁷.

Принятие программы вызвало большой энтузиазм среди широких слоев населения. Правда, у рефлексирющей его части — научной и творческой интеллигенции — возникали обоснованные сомнения в реальности вошедших в нее экономических проектировок.

---

³⁶ Соколофф Ж. Бедная держава : История России с 1815 года до наших дней. 2-е изд. М., 2008. С. 543.

³⁷ Попов Г., Адзубей Н. Пять выборов Никиты Хрущева. С. 51–52.

Тем не менее, на короткое время цель Хрущевым была достигнута: общество в целом удалось увлечь идеей построения коммунизма в обозримом будущем. Однако технократизм программы и конкретизация показателей требовали постоянного продвижения вперед на пути к достижению «великой цели». Двадцатилетний срок оказался слишком коротким, чтобы откладывать все достижения на потом. Народ хотел видеть результаты здесь и сейчас, и с этим, как показывала практика, были связаны основные проблемы, поскольку в практической политике приходилось руководствоваться совсем иными интересами, связанными с решением конкретных экономических, социальных и внешнеполитических проблем.

Провозглашение курса на строительство коммунистического общества обеспечило Хрущеву лишь несколько лет относительно благополучного лидерства, так что с тактической точки зрения он выиграл, а вот в стратегическом плане проиграл тотально. Выдвижение цели достижения коммунистического идеала в обозримой перспективе привело к краху его политической карьеры. В идеологическом смысле оказалась дискредитированной сама идея коммунизма. Уже к концу пребывания Хрущева у власти целый ряд идеологом, внедренных в пропаганду и призванных индоктринировать общество, перестал работать. В конечном счете Хрущев своими декларациями о грядущем коммунистическом будущем с его изобилием материальных и духовных благ подорвал в глазах народа не только свой личный престиж, но и авторитет власти³⁸.

Нобелевский лауреат Ф. Хайек в своем, вероятно, самом известном произведении «Дорога к рабству» отметил: «Чтобы все служили единой системе целей, предусмотренных социальным планом, лучше всего заставить каждого уверовать в эти цели. Для успешной работы тоталитарной машины одного принуждения недостаточно. Важно еще, чтобы люди приняли общие цели как свои собственные. И хотя соответствующие убеждения навязывают им извне, они должны стать внутренними убеждениями, общей верой, благодаря которой каждый индивид сам действует в “запланированном”

³⁸ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти : История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. London. 1989. С. 668.

направлении»³⁹. Теперь же в СССР и скрепы принуждения были не так крепки, как раньше, и вера в идеалы коммунизма не столь непоколебима. Это привело к тому, что современники «хрущевского десятилетия» стали последним поколением советских людей, сколько-нибудь серьезно относившимся к самой идее о возможности построения коммунистического общества. Развивавшаяся Хрущевым идея «развернутого строительства коммунизма» исчерпала себя уже к середине 1960-х гг.⁴⁰ Произошла десакрализация коммунистического идеала. Это парадоксальным образом стало неожиданным вкладом Хрущева в теорию научного коммунизма. Выход из идеологического тупика пришлось искать его преемникам.

2.2. Идеология стратегического планирования

Главная особенность передовых экономик второй половины XX в. заключалась в формировании системной связи между наукой, технологией, производством и потреблением. Складывалась новая технологическая база развития, радикально отличавшаяся от той, что была характерна для довоенного периода и военных лет. Ее основными особенностями являлись увеличение доли сферы услуг в национальном доходе и занятости, появление новых технологий и ускорение инновационного процесса. Одновременно обозначился отход от стандартизации в пользу гибкости производства, его способности к быстрой перенастройке в зависимости от менявшегося потребительского спроса. Критериями успешности экономического развития в первую очередь становились повышение уровня жизни населения, насыщение рынка потребительскими товарами в соответствии с индивидуальными предпочтениями человека⁴¹.

---

³⁹ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 116.

⁴⁰ Луцина Т. Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х — середине 60-х годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. С. 3.

⁴¹ Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экон. истории. 3-е изд. М., 2005. С. 70–71.

Эти процессы проявились и в СССР. Однако реальная экономическая практика и политическая ситуация существенно отдаляли постиндустриальные горизонты. Страна не услышала «третий звонок» для перехода к новому технологическому укладу. Имевшиеся ограничения в формировании альтернативного вектора социально-экономического развития носили системный характер. Его логика по-прежнему базировалась на «индустриализационной» парадигме⁴². Ведомственный монополизм, утвердившийся в годы предвоенных пятилеток, оставался ключевым элементом экономической культуры, а его отличительной чертой являлась военно-промышленная направленность⁴³. Таким образом, перед послесталинским руководством стояла сложнейшая задача: с одной стороны, гармонизировать новые экономические и технологические вызовы, а с другой стороны, сохранить и даже превзойти высокие предвоенные темпы роста.

На первый взгляд, эта проблема решалась вполне удовлетворительно. По данным официальной статистики, национальный доход в 1960 г. превышал уровень 1950 г. в 2,6 раза⁴⁴. Эти цифры можно оспорить, уж слишком фантастическими они выглядят. Но и авторы альтернативных расчетов называют 1950-е гг. «десятилетием триумфа» советской экономики. В результате СССР в военном, научном и экономическом отношении стал сверхдержавой, уступавшей по масштабам промышленной мощи только США, а по темпам роста наряду с ФРГ, Японией, Францией значительно опережал их, как и другие страны мира.

Были позитивные сдвиги и в качестве экономического роста. Согласно оценкам, выполненным под эгидой ЦРУ США, в 1951–1963 гг. до половины прироста промышленного производства обеспечивало

---

⁴² См. об этом: *Водичев Е. Г.* Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012.

⁴³ *Безбородов А. Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 90-х гг. М., 1997. С. 3–4.

⁴⁴ *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе : Опыт переосмысления. М., 1997. С. 15.

возрастание факторной производительности⁴⁵. Эти выводы хорошо согласуются с другими авторитетными оценками. По данным Г. И. Ханина, в 1950-е гг. интенсивные факторы стали основными в развитии экономики. Рост ВВП (на 100 %, по его расчетам) намного превосходил увеличение численности занятых и наращивание основных производственных фондов⁴⁶. На это сразу же обратили внимание западные эксперты. Они отмечали, что рост объемов производства в СССР осуществляется главным образом вследствие возрастания технологической и управленческой эффективности⁴⁷.

Вместе с тем это был рост от низкой базы. По некоторым оценкам, производительность труда в СССР в начале 1950-х гг. в сравнении с Соединенными Штатами варьировалась от 15 % в текстильной промышленности до 73 % при выплавке металла⁴⁸. Согласно А. Бергсону, «статическая эффективность» советской экономики (показатель, отражающий производство продукции в определенное время при имеющихся трудовых ресурсах и объеме инвестиций, а также уровне технических знаний) в 1950-е гг. находилась в интервале между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ от аналогичного показателя экономики США и уступала всем другим западным странам, за исключением Италии⁴⁹. Но, по его данным, факторная производительность все же росла на 1,9 % ежегодно, в том числе по отраслям материального производства — на 3,69 %, и в 1954–1960 гг. обеспечивала почти 5 % годового

---

⁴⁵ Noren J. CIA's Analysis of the Soviet Economy // Watching the Bear : Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union (chapter II) / eds. Gerald K. Haines, Robert E. Leggett. URL: <https://www.cia.gov/static/bf586388df9ef9f3253746f21da0ce46/Watching-the-Bear-2-Chap2-TheEconomy.pdf> (accessed: 12.11.2022). Общая факторная производительность — экономическое понятие, обозначающее совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала.

⁴⁶ Ханин Г. И. 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики : [электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/05/Г.И.-Ханин-50-е-годы-десятилетие-триумфа-советской-экономики-1.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

⁴⁷ Seton F. Production Functions in Soviet Industry // The Am. Econ. Rev. 1959. Vol. 49, no. 2. May. P. 1–14.

⁴⁸ Noren J. CIA's Analysis of the Soviet Economy.

⁴⁹ Bergson A. Planning and Productivity under Soviet Socialism. N. Y., 1968. P. 23.

прироста производства⁵⁰. В общем можно сказать, что развитие советской экономики на протяжении большей части 1950-х гг. демонстрировало высокую макроэкономическую динамику. Сохранялась и ее способность планировать и осуществлять масштабный маневр ресурсами, направлять колоссальные капиталовложения в развитие приоритетных отраслей производства, высокими темпами наращивать научно-технологический потенциал и результативно его использовать. Важно было и то, что советское руководство могло добиваться достижения стратегических целей, даже если для этого приходилось ограничивать удовлетворение текущих материальных потребностей населения или ущемлять интересы какой-то части правящей элиты.

Все это позволило строить самые амбициозные планы. Но, как уже отмечалось, предпринятые в середине 1950-х гг. меры не дали ожидаемого результата. Этим воспользовался Н. С. Хрущев: он увязал срыв задания первых лет шестой пятилетки с недостатками в организации управления народным хозяйством и предложил перейти к территориальному принципу управления промышленностью и строительством как способу решения экономических проблем. По его утверждению, ликвидация отраслевых министерств и их замена совнархозами должны были позволить избавиться от «пут» предельной централизации и регламентации как главного препятствия «в деле разумного ведения хозяйства», облегчить оптимизацию отраслевой и территориальной структуры производства, ускорить внедрение научных достижений и техническое перевооружение предприятий и т. д.⁵¹ После многоходовых согласований и «всеобщего обсуждения» предлагаемой реформы Верховный Совет СССР в мае 1957 г. принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Так стартовала практическая реализация совнархозовской реформы.

---

⁵⁰ Bergson A. Soviet Technological Progress: Trends and Prospects (Chapt. VII) // The Soviet Economy to the Year 2000 : Final Report to National Council for Soviet and East European Research. 1982 // University of Pittsburgh : [website]. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1982-622-2-Bergson.pdf> (accessed: 12.11.2022).

⁵¹ Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 522–539.

Но было и другое мнение о причинах обозначившихся в экономическом развитии трудностей. В их числе особое место отводилось несовершенству практики народно-хозяйственного планирования. По словам А. Н. Косыгина, «серьезного пятилетнего плана у нас никогда не было. Обычно ограничивались контрольными цифрами, которые не всегда соответствовали жизни»⁵². По сути, этим признавалось наличие несбалансированности текущего и перспективного планирования, его отраслевых и территориальных аспектов, заданий по техническому перевооружению производства и количественному наращиванию выпуска продукции и т. д. Однако изменить существующее положение было возможно лишь при смене методологии разработки долгосрочных и среднесрочных планов и пересмотре их функций как инструмента идеологии и пропаганды, к чему никто не был готов. Поэтому семилетний план как директивный документ ничем принципиальным не отличался от плана шестой пятилетки. Его выполнение рассматривалось как «крупный шаг вперед» на пути достижения перспективной цели — «в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые страны по производству продукции на душу населения». Под эту установку подстраивалось все стратегическое планирование хрущевской эпохи. Ключевая роль в нем отводилась Генеральной перспективе развития народного хозяйства на 20-летний период. Решение о ее подготовке приняли в 1958 г. Так же, как и сталинский Генеральный хозяйственный план, она должна была обосновать пути создания материально-технической базы коммунизма, и так же, как он, не стала директивным документом.

Почему это произошло — до конца не ясно, можно лишь высказать на сей счет два предположения. Во-первых, Генперспектива разрабатывалась для конкретизации экономических разделов третьей программы партии, и ее основные проектировки вошли в текст программы, так что свою главную методологическую и идеологическую функцию она выполнила, и потребность в ней как

---

⁵² Цит. по: *Шербакова Т. И.* Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 207.

в самостоятельном доктринальном документе фактически отпала⁵³. Во-вторых, избыточная детализация показателей Генперспективы делала ее весьма уязвимой: вместо выполнения функции долгосрочного индикативного прогнозирования, задающего лишь общий вектор социально-экономического развития, она содержала подробные расчеты, больше уместные в текущем народно-хозяйственном планировании. Естественно, их обоснованность вызывала сомнение даже на фоне хрущевской эйфории.

Тем не менее, основные положения принятой XXII съездом КПСС третьей программы партии в содержательном отношении были близки к ее сталинской версии. По ключевым позициям оба документа практически дословно совпадали. Достаточно сравнить формулировки приоритетных задач из сталинского варианта программы с ее хрущевской версией: «превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах»; создать «то изобилие продуктов, которое необходимо для перехода к коммунизму»; укрепить «техничко-экономическую независимость СССР»; обеспечить «увеличение производственных мощностей социалистического хозяйства, в первую очередь тяжелой индустрии» как основы поступательного развития всех отраслей экономики, и т. д.⁵⁴ Главным звеном решения задачи создания материально-технической базы коммунизма называлось развитие энергетики. Хрущев утверждал: «Мы должны взять энергетику и экономику, а энергетика все отрасли объединяет: металлургию, химию, пищевую промышленность, трикотаж и текстиль — все, автоматизацию и механизацию — то есть все»⁵⁵. Электрификацию он вслед за В. И. Лениным и И. В. Сталиным (правда, не упоминая последнего) называл неперменным условием решения основной экономической задачи СССР. В этом его поддерживали другие члены высшего политического руководства.

---

⁵³ См.: *Артемов Е. Т., Водичев Е. Г.* По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // *Идеи и идеалы.* 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 332–333.

⁵⁴ См.: *Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева.* М., 2017. С. 177.

⁵⁵ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 410.

В ходе обсуждения проекта программы на заседании Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов напоминал, что «Ленин план ГОЭЛРО считал второй программой партии». К тому же тезису обращались в своих выступлениях П. Н. Поспелов, Н. А. Мухитдинов и др.⁵⁶ В конечном итоге тезис о том, что электрификация всей страны является обязательным условием создания материально-технической базы коммунизма, вошел в программу партии, а в Генеральной перспективе развития народного хозяйства СССР послужил обоснованием строительства целого ряда крупнейших энергетических объектов. Помимо экономического смысла, обращение к задачам электрификации несло в себе высокую идеологическую нагрузку. Само это понятие, как и химизация, вошло в число базовых идеологем, отражавших суть структурных приоритетов экономической политики хрущевской администрации.

Вместе с тем в стратегическом планировании хрущевской эпохи имели место важные новации. Прежде всего речь идет о стремлении дополнить военно-промышленную направленность экономики потребительски ориентированной составляющей. Теперь повышение материального благосостояния населения не относилось к неопределенному будущему, а рассматривалось как важнейшая задача практической политики. По сути, предусматривалось создание некоего коммунистического аналога «общества потребления». Как неоднократно подчеркивал Хрущев, коммунизм — это общество изобилия материальных и духовных благ. Следовательно, важнейшая цель экономической стратегии партии — обеспечить такое изобилие⁵⁷.

Другая новация заключалась в признании растущей роли науки в повышении эффективности общественного производства, в обеспечении устойчиво высоких темпов экономического роста. Прямо не говорилось, но подразумевалось, что только на основе новейших научных достижений можно решить проблему «и пушки, и масло», сохранить и даже упрочить геоэкономические и геополитические позиции страны.

⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. Т. 3. С. 403, 407, 409.

⁵⁷ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г.: стеногр. отчет. М., 1959. Т. 1. С. 113, 114.

тические позиции СССР. И это являлось побудительным мотивом для разработки единой научно-технической политики, призванной заменить собой «протополитику» периода «позднего сталинизма»⁵⁸. Такая необходимость начала осознаваться в середине — второй половине 1950-х гг.⁵⁹ К тому времени на Западе уже пришли к выводу о начавшемся переходе общества в принципиально иное состояние, о формировании «нового индустриального» (по Дж. Гэлбрейту) или «постиндустриального» (по Д. Беллу) общества⁶⁰. Отличительной особенностью этих понятий являлось признание того, что отныне и далее социальный потенциал измеряется и будет измеряться не материальными активами, а объемом информации и знаний, имеющихся в распоряжении того или иного общества.

Это касалось не только «технологически ангажированных» отраслей знания, но и науки в целом. Повышение ее социальной роли предопределяло переход к активной научно-технической политике и формированию национальных инновационных систем, основанных на взаимодействии фундаментальной и прикладной науки и производства. Но, как справедливо отмечено в историографии, «современная наука в каком-то смысле родилась милитаризованной. К тем, кого официально признавали экспертом, сразу же обращались за решением практических проблем в области вооружений, баллистики, химии, картографии и здравоохранения»⁶¹.

Это в полной мере проявилось в научно-технической сфере СССР, где приоритеты научного обеспечения военно-промышленного комплекса в рамках сложившейся экономической модели

---

⁵⁸ См.: *Водичев Е. Г.* Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.

⁵⁹ См.: подробнее: *Водичев Е. Г.* В траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Урал. ист. вестн. 2021. № 4 (73). С. 135–144.

⁶⁰ См.: *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

⁶¹ *Линди С.* Разум в тумане войны : Наука и технологии на полях сражений. М., 2022. С. 14.

были более чем очевидными. Здесь активно внедрялись новейшие научные решения, передовые технологии. Весомый вклад в развитие научных направлений оборонного профиля внес трансфер (легальный и нелегальный) зарубежных достижений. В ряде случаев он сыграл роль катализатора в становлении новых отраслей военно-промышленного комплекса — ядерной энергетики, ракетно-космической техники, радиоэлектроники, реактивной авиации, формировавших «точки роста» нового технологического уклада.

Именно в первые послевоенные годы в этих отраслях обозначился отход от имитационной модели развития. К середине 1950-х гг. они уже в основном опирались на собственные оригинальные научно-технические решения и разработки. То же можно сказать о таких базовых отраслях, как горнодобывающая промышленность, металлургия, электроэнергетика, транспортное и энергетическое машиностроение, судостроение, хотя по своему технико-технологическому уровню они в основном продолжали отставать от зарубежных аналогов. Проблема заключалась в сохранении «островного характера» технологического развития и наличии ведомственных барьеров, препятствовавших использованию достижений и опыта, накопленного в военно-промышленном комплексе в гражданских отраслях экономики. Свою роль играла недооценка значимости фундаментальных исследований в ускорении технико-технологического прогресса. Этим же объяснялось отсутствие целенаправленных усилий по формированию на общегосударственном уровне их системного взаимодействия с прикладными исследованиями, опытно-конструкторскими разработками и производством.

Еще одной и, пожалуй, главной причиной торможения технического прогресса являлась нарастающая резистентность советской экономики к инновациям. Дело было не в недостатке внимания к вопросам технологического обновления производства, а в низкой результативности регулирования этого процесса сугубо административными методами. Опыт военно-промышленного комплекса показывал, что даже искусственно создававшаяся конкуренция, формирующая инновационное давление, способствовала ускорению разработки и внедрения передовых технологий, однако распростра-

нение такой практики оставалось крайне ограниченным. По сути, в военно-промышленном комплексе формировалась локальная инновационная система, и трансфер из нее организационных и технологических новаций в гражданскую экономику оставлял желать лучшего.

Все это ставило перед руководством страны непростые задачи. Нужно было не только обеспечить укрепление научного потенциала посредством увеличения количества научных учреждений и занятых в них работников, но и повысить уровень фундаментальности исследований, добиться роста отдачи от научных разработок в виде оригинальных технико-технологических решений. Многое здесь мог подсказать анализ глобальных тенденций в развитии науки, техники, производства, но этого в должной мере сделано не было. Причем отставание по ряду важных направлений научно-технологического прогресса свели к организационным и субъективным факторам: среди них назывались слабость координации различных секторов науки, отсутствие единого центра управления научно-техническим прогрессом, неравномерность размещения научно-исследовательских учреждений. Критиковались «зазнайство и самоуспокоенность» «отдельных» руководителей науки и производства, их «технический консерватизм, сила привычки, нежелание преодолевать трудности», связанные с внедрением новой техники, «отсутствие государственного подхода»⁶².

Решение проблемы виделось в повышении их ответственности за порученное дело, в дополнительных вложениях в развитие и совершенствование организационной структуры научно-технической сферы. В этом отношении показательно выступление академика В. А. Трапезникова на июльском (1960 г.) пленуме ЦК КПСС. По его мнению, вся система разработки и внедрения достижений научно-технического прогресса требовала реорганизации: необходимо было оптимизировать сеть научно-исследовательских институтов, создавать конструкторские бюро на промышленных предприятиях,

---

⁶² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 8. С. 505–509; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 373; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.

оснастить их испытательными стендами, полигонами и другим необходимым оборудованием. По словам выступавшего, эту дорогостоящую технологическую цепочку в гражданской промышленности нужно было создавать во многом заново⁶³.

В качестве теоретического обоснования практических действий большие надежды связывались с разработкой концепции развития науки как непосредственной производительной силы общества. Ее формирование происходило постепенно начиная с уже упоминавшейся речи Н. А. Булганина на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, однако более или менее законченные черты эта концепция приняла лишь в новой программе партии. В ней говорилось о растущей социальной роли науки, о важности фундаментальных исследований. Но внимание акцентировалось на прагматической функции математики, физики, химии, биологии. Это объяснялось значимостью их достижений в деле «подъема и эффективности технических, медицинских, сельскохозяйственных и других наук»⁶⁴. Такие представления дополнялись тезисом о важности соединения достижений научно-технического прогресса с преимуществами социализма. В результате оформилась теория научно-технической революции, ставшая советской контртезой западным концепциям постиндустриального общества. В этой теории, а фактически идеологии, были сформулированы пути и способы вхождения СССР в новое цивилизационное пространство. Назывались научные, технологические, технико-экономические предпосылки, необходимые для соответствующего преобразования общественного производства, но полностью игнорировались факторы, детерминирующие этот процесс. Предполагалось, что по определению социализм создает все необходимые условия для использования научно-технических достижений в экономической практике⁶⁵. Фактически в рамках такой концептуализации теория научно-технической революции

---

⁶³ Пленум ЦК КПСС. 13–16 июля 1960 г. : стеногр. отчет. М., 1960. С. 116.

⁶⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 322.

⁶⁵ *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 115–117.

становилась тормозом социально-экономического развития страны в условиях постиндустриальных изменений.

Любопытна эволюция отношения к самому понятию «научно-техническая революция» со стороны партийной элиты. Впервые прозвучав все в той же речи Н. А. Булганина, оно фактически не употреблялось несколько лет и было легализовано только в 1961 г. в новой программе КПСС. Но даже в ее тексте в основном использовалось более привычное и нейтральное по звучанию понятие «научно-технический прогресс». Широкое же распространение концепт «научно-техническая революция» получил уже в постхрущевское время. В многочисленных теоретических работах его суть сводилась к укреплению связи науки с производством, автоматизации управления техническими системами, внедрению ЭВМ в управление производством, использованию новых источников энергии, строительных материалов, развитию «большой химии», применению энерго- и ресурсосберегающих технологий и т. д. Это рассматривалось как необходимое и достаточное условие перевода экономики на интенсивный путь развития⁶⁶. Иначе говоря, задачи НТР не выводились за рамки задач индустриального общества.

Будучи призванной осмыслить происходившие в обществе глобальные перемены, эта теория замыкала их в границах текущего уровня развития производительных сил и производственных отношений. Все происходившие в обществе изменения понимались лишь в научно-техническом и технико-технологическом аспекте, а важнейшие социальные перемены, в том числе в контексте места и роли интеллектуалов, располагающих знаниями и формирующих потенциал управления обществом, фактически отвергались. Поэтому логичным представляется вывод о том, что теория НТР, базирующаяся на марксистско-ленинской догматике и определявшая мирозерцание правящей элиты, а также отсутствие необходимой

---

⁶⁶ См.: также: *Камаев В. Л.* Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. М., 1972; *Марков Н. В.* Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. 2-е изд. М., 1973; и др.

степени творческой свободы в сфере социальных наук фактически блокировали возможность развития СССР по постиндустриальному сценарию⁶⁷.

И тем не менее, социальная роль науки и понимание ее значимости как ведущего фактора экономического развития в эпоху Хрущева существенно возросли. Ее развитие рассматривалось в качестве фундаментальной опоры решения экономических и социальных задач. Благодаря космосу, многообещающим работам по проблемам атомной энергии, физическим основам электроники, перспективным результатам в области химической физики, материаловедения и т. д. в официальной идеологии исследовательская деятельность была мифологизирована и представлена в качестве ключевого драйвера прогресса.

В практической политике очень многое зависело от позиции первого руководителя. Такова была характерная особенность советской модели социального управления, и она в полной мере проявилась в «хрущевское десятилетие». Отношение Хрущева к науке было весьма специфическим. Он призывал «не забывать про науку», но исходил при этом из сугубо практических соображений. «Надо, товарищи, — утверждал Хрущев, — на науку обратить внимание. Она у нас хорошо развита, но там, знаете ли, целина. Мы еще не подошли к ней по-настоящему»⁶⁸. По его мнению, в первую очередь следовало укреплять прикладной сектор науки. «Я — за расцвет науки, — говорил Хрущев, — за развитие отраслевых институтов»⁶⁹. В разъяснение своей позиции он утверждал: «Наука призвана повседневно обслуживать непосредственно производство. Поэтому научно-исследовательские институты надо развивать не при академиях наук, а в непосредственной связи с производством. Это главное. И там же, в научно-исследо-

---

⁶⁷ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 131.

⁶⁸ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 376.

⁶⁹ Из выступления на совещании руководящих работников Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Азербайджана и Армении в городе Ташкенте 5 октября 1962 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 7. С. 247.

вательских институтах, надо заниматься крупными научными теоретическими проблемами, имеющими большое значение для развития науки»⁷⁰.

Столь явный прагматизм встречал неоднозначную оценку в среде крупных ученых. В необходимости фундаментальных исследований, как и во многих других вопросах, касающихся организации научно-исследовательской работы, Хрущева приходилось долго и настойчиво убеждать, и зачастую достигнутый в итоге компромисс оказывался вынужденным. Это хорошо отражает переписка Хрущева с одним из выдающихся ученых академиком П. Л. Капицей, в которой тот делился своими соображениями о проблемах организации советской науки. Капица призвал отказаться от узко понимаемого прагматизма в научных исследованиях и сделать акцент на поддержке фундаментальных работ. В попытках наладить коммуникацию с Хрущевым он был смел и настойчив, аргументируя свою позицию тем, что развитию фундаментальных исследований в СССР мешают засилье бюрократии, ограниченность международных связей, плохая организация работы научно-исследовательских институтов. По его мнению, это в итоге привело к тому, что существует «очень мало областей в науке, в которых мы занимаем ведущее место»⁷¹. Но у Хрущева все, что касалось поддержки фундаментальной науки как таковой, обычно вызывало непонимание и раздражение. Чтобы получить дополнительные средства на развитие той или иной области знания, нужно было обосновать, какой практический результат будет получен на выходе. По факту для получения шанса на поддержку фундаментальные работы должны были обосновываться тем, в какой мере они могут стать основой прикладных НИОКР.

---

⁷⁰ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. С. 347.

⁷¹ Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 305; *Его же*. Эксперимент, теория, практика : ст., выступления. 3-е изд. М., 1981. С. 176–238. См. также: Игнатов В. В. Коммеморативный образ Н. С. Хрущева в современной российской политике : науч. докл. об осн. результатах науч.-квалификационной работы (диссертация). М., 2020. С. 24.

В то же время у геополитического соперника СССР, Соединенных Штатов Америки, в эти годы проблемы финансирования фундаментальных исследований решались иначе, и дискуссий по поводу их целесообразности не возникало. Главным источником средств для финансирования фундаментальных исследований в 1950–1960-е гг. являлся оборонный бюджет, и это воспринималось как должное. Так, в 1958 г. 41 % фундаментальных исследований в университетах США, которые не предусматривали конкретного практического выхода, велся на средства агентств и программ Пентагона⁷². Можно предположить, что такой подход находился вне понимания лидера партии и страны.

Не менее сложные проблемы возникали в организации инновационного процесса, однако их причины не были до конца осознаны. Н. С. Хрущев не устал повторять: «Нам нужно конкретно, по-деловому подходить к внедрению достижений науки в производство». Но для него решение проблемы находилось в идеологической и организационно-управленческой плоскости. Хрущев утверждал, что у нас доминирует «пассивная форма пропаганды достижений передового опыта». Она страдает тем недостатком, что «не имеет наступательного характера, что дело не доводится до конца — внедрения нового в производство»⁷³, а факты «медлительности» в освоении новейших достижений «можно объяснить» «только крупными недостатками управления научно-техническими делами»⁷⁴. Впрочем, возможности для более глубокого анализа ситуации все же возникали. Это проявилось в ходе дискуссии о реформе экономики, инициированной статьей Е. Г. Либермана, в которой содержался призыв к поискам новых подходов в системе регулирования экономической и научно-технической деятельности⁷⁵. Теоретически дискуссия могла бы вывести на проблему взаимосвязи науки и производства в аспекте восприимчивости к инновациям, но до системного анализа этого

---

⁷² См.: Линди С. Разум в тумане войны. С. 19.

⁷³ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8. С. 410, 412, 413.

⁷⁴ Там же. Т. 7. С. 340.

⁷⁵ Либерман Е. Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

проблемного поля публичный дискурс так и не дошел. Другими словами, в основу стратегических планов развития страны было положено ограниченное понимание научно-технического прогресса.

Так же обстояло дело с декларировавшей «гуманизацией» советской экономики. Она не предполагала отказа от традиционной советской парадигмы, при которой в качестве основы развития рассматривалось производство средств производства («группа А»). Свою позицию на этот счет Хрущев неоднократно высказывал, апеллируя к авторитету В. И. Ленина. В период борьбы за верховенство во власти Хрущев заявлял, что тезис о том, что на каком-то этапе легкая промышленность «может и должна опережать все другие отрасли индустрии», в корне неверен⁷⁶. Критикуя Г. М. Маленкова, он настаивал, что «без тяжелой промышленности» не может быть и легкой. Чтобы государство развивалось, — утверждал Хрущев, — нужно комплексное развитие, а в этом комплексе ведущее место должна занимать тяжелая промышленность — металл, уголь, химия, машиностроение. Без этого мы... не подняли бы целинных земель, не подняли бы сельское хозяйство, потому что для этого нужны машины, а для машин нужен металл, нужны удобрения, нужно очень многое, что дает промышленность, и прежде всего тяжелая промышленность»⁷⁷. Этот тезис постоянно звучал почти во всех его речах, выступлениях и интервью.

Впрочем, источники сохранили его призывы к более сбалансированному экономическому развитию страны. В частности, при обсуждении контрольных цифр развития народного хозяйства на 1956–1960-е гг. Хрущев предлагал «смелее переделать» проект директивного плана, перераспределив капитальные вложения в пользу легкой промышленности и социальных программ⁷⁸. Но в окончательном вари-

---

⁷⁶ Об увеличении производства продуктов животноводства : докл. на Пленуме ЦК КПСС 25 янв. 1955 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. С. 422.

⁷⁷ «А товарищ Маленков говорит о гибели цивилизации!» : стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1954 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 34.

⁷⁸ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 61.

анте документа задача ставилась иначе: «На базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа»⁷⁹. Похожая ситуация наблюдалась при утверждении контрольных цифр семилетки.

В результате акценты на «повышение жизненного уровня народа» стали политическим клише. В директивных же документах по-прежнему артикулировался приоритет тяжелой промышленности. Это подтверждалось как плановыми показателями семилетки⁸⁰, так и более поздними документами, определявшими экономическую политику СССР. Правда, в числе приоритетов называлась задача развития тех отраслей промышленности группы «А», которые производят оборудование для потребительских отраслей экономики и товары народного потребления⁸¹. Так формировался определенный компромисс между традиционной экономической ригидностью и актуальными задачами времени.

Со временем тезис о необходимости более сбалансированного развития производства в выступлениях Хрущева звучал все чаще. Он стал говорить о необходимости «подтягивания» тех отраслей экономики, которые могли бы привести к быстрому и существенному повышению уровня жизни населения. В этом смысле у него уже не было расхождений с позицией того же Г.М. Маленкова, а в дальнейшем позиция лидера страны еще более радикализировалась. В своих призывах Хрущев все чаще перефразировал положения, в свое время обоснованные Г.М. Маленковым, которые он ранее подвергал критике. Временами он весьма образно говорил о необхо-

---

⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956–1960. М., 1985. С. 29.

⁸⁰ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 24–25.

⁸¹ Доклад Н.С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза». С. 169.

димости равномерного развития всех отраслей народного хозяйства. Он утверждал: мы должны «не уподобляться камбале, которая способна видеть только одну сторону»⁸². А в сентябре 1964 г., незадолго до своей отставки, он заявил: «Главная наша задача — удовлетворение потребностей народа, а средства производства нужны для обеспечения развития производства средств потребления. Раньше мы ставили задачу наоборот, а сейчас мы находимся на таком уровне нашей экономики и оборонной промышленности, когда мы имеем возможность поставить на первый план человека, его обслуживание, его нужды и удовлетворение этих нужд»⁸³. Эта фраза, по сути, дословно повторяла один из ключевых тезисов проекта сталинской версии третьей программы партии. Только тогда это была скорей декларация о намерениях, реализация которой относилась к неопределенному будущему⁸⁴. Хрущев же рассматривал ее как актуальную задачу экономической политики. По крайней мере, при нем были предприняты практические меры, направленные на ее решение.

И все же имевшие место теоретические разногласия между Хрущевым и Маленковым в отношении развития советской экономики относились лишь к «тонкой настройке системы, основанной Сталиным»⁸⁵. Даже если все экономические инициативы хрущевского времени удалось бы реализовать, феномену советской экономики с системной точки зрения ничего не угрожало. Расхождения во взглядах не имели под собой фундаментальной основы⁸⁶. Этот

---

⁸² Из речи на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. С. 290.

⁸³ «Мы находимся на рубеже или славы, или позора». Замечание тов. Н. С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970-е гг. 22 сент. 1964 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. С. 184.

⁸⁴ Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. Складывание экономической модели позднего сталинизма (1947–1953 гг.) // Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. : док. и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. С. 5–26.

⁸⁵ Rigby T. H. Khrushchev and the Rules of the Soviet Political Game. In Khrushchev and the Communist World / eds. R. F. Miller, F. Feher. London, Canberra ; N. J., 1984. Pp. XIV, 66.

⁸⁶ Бородин Л. И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 127–136.

вывод подтверждает сопоставление методологии долгосрочного стратегического планирования, использовавшегося во времена позднего сталинизма и в «хрущевскую эпоху». Его подходы были сформулированы еще в конце 1920-х гг. и обычно связываются с именем Г. А. Фельдмана. Их суть заключалась в так называемой «двухсекторной модели ускоренного экономического роста», определявшей инвестиционную приоритетность производств группы «А» («капитальных товаров»); предполагалось, что в дальнейшем это приведет к увеличению объема производства предметов потребления. Иными словами, по Фельдману, инвестиции в тяжелую промышленность стимулируют рост потребления, а развитие тяжелой промышленности становится необходимой предпосылкой и для дальнейшего роста инвестиций, и для повышения уровня жизни.

Очевидно, что это была модель экстенсивного роста. Она могла максимально раскрыть свой потенциал только при наличии большого количества ресурсов, экономической автаркии, жесткого государственного регулирования в сочетании с политикой мягких бюджетных ограничений и отсутствием лимитов по найму рабочей силы для предприятий, выпускавших инвестиционные товары. На практике к задачам экономического развития добавилась политическая составляющая в виде установки на строительство социализма в одной стране, а затем и полноценного коммунистического общества. Уже по этой причине принимавшиеся перспективные планы невозможно оценивать исключительно с экономических позиций, как сугубо управленческие документы. В действительности экономика управлялась посредством ситуативных решений и оперативных (годовых, квартальных) планов. Долгосрочные же проектировки, такие как пятилетние планы и семилетка, задавали лишь самый общий вектор развития и строились на допущениях, реальность которых вызывала сомнения⁸⁷.

Если же говорить о перспективном народно-хозяйственном планировании хрущевского времени, то его главная причина за-

---

⁸⁷ См.: Артемов Е. Т. Экономическая политика позднесоветской эпохи: проблема выбора приоритетов // Изв. Урал. гуманитар. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 210–224.

ключалась в несостоятельности методологических оснований. Парадокс состоял в том, что, провозглашая на словах стратегическую ориентацию на интенсификацию производства, оно опиралось на модель экстенсивного развития, которая не предполагала постановку акцентов на качестве управления и стимулировании инноваций⁸⁸. Особенно этим отличалась Генеральная перспектива, в которой в полной мере отразились свойственная Хрущеву философия «коммунистического романтизма» и идея «броска в коммунизм». Формально выступая в качестве платформы долгосрочного планирования в экономике, по сути Генперспектива являлась инструментом не столько экономики, сколько политики и идеологии. Не случайно она так и не стала директивным документом. Тем не менее, ее основные показатели вошли в экономическую часть третьей программы партии.

Стартовым этапом решения ее ключевой задачи — создания материально-технической базы коммунизма — должно было стать выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства. Он разрабатывался в весьма специфических условиях, характерных для экономики страны конца 1950-х гг. К их числу относилось большое незавершенное строительство производственных и инфраструктурных объектов, начатых в годы предшествовавших послевоенных пятилеток. Продолжался перевод железнодорожного транспорта на электрическую и тепловозную тягу, происходили ускоренное развитие электроэнергетики, наращивание ракетно-ядерной мощи, правда, при одновременном сокращении численности армии и обычных вооружений. Существенно изменился и демографический баланс, поскольку новые контингенты трудовых ресурсов теперь формировались весьма многочисленным поколением 1930-х гг., в меньшей мере затронутым мировой войной. Возросла мобильность населения, а продолжавшаяся быстрая урбанизация, в свою очередь, требовала ускоренного развития городской инфраструктуры и жилищного строительства. К 1960 г. доли населения, занятого в аграрном секторе и в промышленности

⁸⁸ Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 81–84, 93.

вместе с отраслями транспорта и связи, в СССР фактически сравнялись. Происходили заметные сдвиги в размещении производства на территории страны, быстро развивались новые индустриальные центры на периферийных территориях на востоке СССР.

Все это нужно было учесть в контрольных цифрах семилетки на период 1959–1965 гг. Сбалансировать их было крайне сложно, поскольку масштабный рост инвестиций в гражданскую экономику и сферу потребления при одновременном сохранении крайне высоких расходов на оборону и техническое перевооружение всех отраслей производства даже в теории плохо сочетались. Однако, как всегда в советской практике, на помощь стратегическому планированию в экономике была призвана идеология, и всякие сомнения были отброшены. Контрольные цифры были утверждены XXI съездом КПСС, проходившим в январе-феврале 1959 г. Перед этим было организовано их «всенародное обсуждение». Ключевыми задачами провозглашались развитие производительных сил, подъем всех отраслей экономики на базе преимущественного развития тяжелой индустрии в качестве решающего шага в создании материально-технической базы коммунизма, а также существенный рост уровня жизни населения. Добиться в плановый период чрезвычайно высоких темпов экономического роста намечалось за счет стремительного наращивания производственных мощностей на новой технико-технологической основе. Эту установку пытались гармонизировать с задачами Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на период по 1980 г.

Особое внимание уделялось развитию Российской Федерации, являвшейся ядром советской экономики. Проектировки семилетки предусматривали структурную перестройку ее промышленности в пользу «наиболее эффективных новых отраслей», обеспечение технического прогресса и внедрение новейших достижений науки и техники, улучшение специализации, кооперирования и организации производства, значительное развитие черной металлургии и химической промышленности. Планировался быстрый рост нефтяной и газовой промышленности, который должен был привести к прогрессивным изменениям в топливном балансе, опережающему

развитию электроэнергетики. Намечалось значительное увеличение выпуска продукции машиностроения, объем которого должен был вырасти в два раза за семь лет⁸⁹. Столь масштабный рост предполагалось обеспечить главным образом за счет показателей эффективности производства и создания новых специализированных отраслей и предприятий. Также предусматривалось расширение производства товаров народного потребления.

Отдельной строкой выделялась задача опережающего развития экономики Сибири и Дальнего Востока. В первую очередь речь шла о масштабном наращивании отраслей их специализации: горнодобывающей промышленности, электроэнергетики, черной и цветной металлургии, химической и лесной промышленности, производстваделящихся материалов для атомной индустрии, отдельных видов тяжелого машиностроения и вооружений. Во многом благодаря восточной макрорегии темпы развития народного хозяйства Российской Федерации должны были быть выше среднесоюзных. В плановый период намечалось увеличить промышленное производство в республике на 87 %, в том числе по группе «А» — на 90 %, по группе «Б» — на 78 %⁹⁰. А для СССР в целом объем промышленной продукции должен был вырасти приблизительно на 80 %, в том числе по группе «А» — на 85–88 %, а группе «Б» — на 62–65 %.

Специалисты и многие практики сразу встретили планы семилетки со скепсисом. Достижение заявленных цифр представлялось им совершенно нереальным. Это касалось прежде всего показателей эффективности производства как основного инструмента экономического роста. Что же касается инвестиций, то планы капитальных вложений в народное хозяйство в целом сразу же вошли в противоречие с расходами на «оборону». Ну, а поскольку намеченные планы военного строительства пересматривать не хотели или не смогли, жертвами стали сельское хозяйство, жилищное строительство, ряд мероприятий по повышению уровня жизни населения и вложения в специализацию и кооперирование производства. Сохранение вы-

---

⁸⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. С. 366.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 7073. Л. 3–8.

соких темпов экономического роста с точки зрения распределения ресурсов требовало либо дальнейшего снижения уровня жизни населения, либо сокращения военных расходов. Оба эти пути оказались неприемлемы для советского руководства в то время⁹¹.

Было еще одно важное обстоятельство, затруднявшее достижение заявленных целей — фактический отказ от глубокого реформирования советской экономической модели. Уверенности, что без этого можно обойтись, добавляла экстраполяция позитивных тенденций в предшествующие удачные годы. Казалось, что СССР гарантированы опережающие темпы экономического роста в сравнении с его западными конкурентами. Отсюда был выведен перспективный ориентир — первое место по производству продукции на душу населения и самый высокий в мире уровень жизни, причем по ряду основных параметров превысить показатели США предполагалось уже к 1970 г.⁹²

Как известно, обнародованные плановые показатели легко поддаются верификации, и их расхождение с достигнутыми результатами могло разрушить идеологемы, для обоснования которых они предназначались. Такого рода опасения высказывали многие разработчики программы КПСС. Еще на стадии обсуждения ее проекта отмечалось, что «раздел о промышленности дан не в программном, а в госплановском плане», и предлагалось освободить весь экономический блок от деталей⁹³. Предложение включить в текст программы конкретные цифры вызывало большие возражения в рабочей группе, поскольку экономисты, по воспоминаниям Ф. М. Бурлацкого, «решительно выступали против». Однако ее руководитель легко положил конец разгоревшейся дискуссии: «он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на восьмидесяти страницах и показал надпись “Включить в программу” и знакомую подпись Первого»⁹⁴.

---

⁹¹ Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 165–166.

⁹² Доклад Н. С. Хрущева «О Программе Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1. С. 167.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 71, 74, 81.

⁹⁴ Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. С. 169–170.

Судя по всему, сомнения в необходимости фундировать программные положения конкретными экономическими показателями и в целесообразности использования чрезмерно оптимистических цифр разделяли некоторые члены высшего руководства, в частности, А. Н. Косыгин, в то время заместитель председателя Совета министров СССР⁹⁵. Но одно обстоятельство является очевидным: подготовка программы показала экономическую и управленческую некомпетентность высшего руководства. Приверженность идеологическим стереотипам и политические соображения у них явно превалировали над практической стороной дела. Экономические расчеты «с поправкой на идеологию» вели к завышенным ожиданиям, что было особенно заметно в части проектировок по уровню жизни⁹⁶. Так же обстояло дело с акцентированием внимания на развитии тяжелой промышленности и энергетики⁹⁷. В практическом плане предполагалась реализация нескольких крупных проектов в топливно-энергетическом комплексе, которые вполне могли поспорить за место в истории со сталинскими «великими стройками коммунизма». Интересно, что переход к их осуществлению в реалиях места и времени зачастую становился предметом острой политической борьбы⁹⁸.

Основные направления создания материально-технической базы коммунизма предполагали переход к новому уровню технологий. На это была нацелена инвестиционная программа семилетки. Масштабные капиталовложения намечалось направить на техническое перевооружение производства. Планировался рост инвестиций на 80 %, в том числе по промышленности — на 100 %. За счет этого рассчитывали обеспечить ускоренное развитие отраслей передового машиностроения и специализацию их предприятий⁹⁹. Также

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–11.

⁹⁶ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе Коммунистической партии Советского Союза». С. 167.

⁹⁷ XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 276.

⁹⁸ Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Н. С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 349. С. 123–126.

⁹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. С. 366.

предусматривалось проведение комплексной механизации и автоматизации производства, широкое использование новых материалов с заранее заданными свойствами, опережающее развитие ракетно-космической техники, атомной индустрии, транспортной инфраструктуры, средств связи, повышение продуктивности сельского хозяйства и т. д. Особое внимание уделялось «химизации народного хозяйства». В последние годы пребывания Хрущева у власти ее проведение наряду с электрификацией всей страны рассматривалось в качестве необходимого условия построения коммунизма. На основе технологического перевооружения производства предполагалось также обеспечить значительное превосходство СССР в производительности труда.

В целом же, согласно авторитетным оценкам, план семилетки был обоснован значительно хуже, чем планы пятой пятилетки и даже шестой¹⁰⁰. Если вспомнить упреки Хрущева в адрес шестой пятилетки, которые стали одним из аргументов для перехода к семилетке, то можно констатировать: в общих подходах и в идеологии планирования мало что изменилось. В планах семилетки идеологическая и политическая ангажированность продолжала доминировать над экономической обоснованностью и целесообразностью.

Естественно, что хрущевские проектировки построения материально-технической базы коммунизма немедленно привлекли внимание за рубежом. На Западе вообще очень внимательно следили за программами и стратегиями развития СССР и старались поверять советские лозунги и декларации экономическими расчетами. В ЦРУ сразу же осознали, что СССР ставит перед собой триединую задачу: масштабное расширение производственных мощностей и техническое перевооружение «всех отраслей народного хозяйства», наращивание военной мощи, заметное повышение уровня жизни населения. В случае ее успешного решения это могло бы существенно упрочить экономические и политические позиции Советского Союза. Но, просчитав цифры и осмыслив тренды

---

¹⁰⁰ Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1. С. 166.

экономического развития СССР первой половины 1960-х гг., зарубежные эксперты и представители спецслужб пересмотрели свои прежние благоприятные прогнозы и быстро успокоились. Стало ясно, что амбициозные цели Советского Союза по превышению экономических показателей США недостижимы. Отсюда следовал вывод, что поставленная в программе КПСС задача обеспечить глобальное экономическое лидерство СССР по абсолютному и душевому производству продукции и уровню жизни населения невыполнима¹⁰¹.

Оценивая планирование перспектив развития в годы «хрущевского десятилетия», можно со всей определенностью утверждать, что идеология в них явно брала верх над экономикой. Такие стратегические проектировки выглядели очень привлекательно для обывателей, но не для экспертов. Достижение поставленных целей предполагалось обеспечивать без радикального реформирования советской экономической модели. Это можно рассматривать и как продолжение традиционной экономической политики, и как попытку «вливания динамизма в систему, которая, будучи предоставлена сама себе, могла бы стать жертвой инертности»¹⁰². Прорекларированные стратегические цели могли на время увлечь и сплотить общество, но достичь их было невозможно.

Можно сделать еще один вывод, относящийся к советской практике перспективного планирования. Будучи предельно идеологизированным, опирающимся на совокупность мифологем, оно отражало доктринальные представления о путях и направлениях развития советской экономики. Перспективные планы предусматривали сохранение в основном и главном ее действующей модели. Считалось, что она обеспечивает все условия для достижения самых амбициозных целей. Это убеждение воплощалось в контрольных цифрах шестой пятилетки, а в еще большей мере — в семилетнем плане. Однако текущее планирование, как и реальная экономическая практика, носило более инструментальный характер, оно опреде-

¹⁰¹ См. об этом подробнее: *Noren J. CIA's Analysis of the Soviet Economy.*

¹⁰² *Nove A. An economic history of the U. S. S. R. Harmondsworth, Middlesex, England ; N. Y., U. S. A., 1982. P. 362.*

лялось не столько доктринальными установками, сколько нуждами и потребностями народно-хозяйственного комплекса. Также нужно было учитывать вновь возникшие обстоятельства как внутреннего, так и внешнего порядка. Отсюда — постоянная корректировка экономических планов. Наглядный тому пример — появление в советском экономическом планировании такого феномена, как семилетка. Этим же объясняется расхождение контрольных цифр и достигнутых результатов. Интерпретация стратегического планирования в советской экономике вряд ли была возможна без учета всех этих обстоятельств, осмысленных в контексте реальных императивов и факторов развития страны. Десятилетие Хрущева отразило этот факт в полной мере.

2.3. «Все во имя человека, для блага человека!»

Эта декларация являлась квинтэссенцией основных положений социально-экономической политики времен «хрущевского десятилетия». Ее включение в программу партии поддерживало потребительские настроения в обществе и служило обоснованием мер по расширению производства товаров и услуг для населения. Хрущевское руководство хорошо осознавало необходимость «поворота экономики лицом к человеку» как важного условия поддержания социальной стабильности. Отсюда консюмеризм в его практической деятельности, усилия по насыщению потребительского рынка товарами, развитию сферы услуг, социальной инфраструктуры, повышению доходов трудящихся. Уверенности в реальности выполнения амбициозных замыслов добавляло заметное повышение уровня жизни, наметившееся в середине 1950-х гг. Казалось, что такая тенденция носит долгосрочный характер.

Хрущев уловил и другой общественный тренд, отчетливо проявившийся после десятилетий «политики чрезвычайщины», — ожидание «справедливого» распределения благ и обеспечение «нор-

мального» потребления «для всех и каждого»¹⁰³. В теории ясно, что если господствующие в обществе представления о справедливом распределении доходов расходятся с имеющимся уровнем неравенства, то это неизбежно оборачивается ростом социальной напряженности и негативно влияет на экономическое развитие¹⁰⁴. Но Хрущев сделал отсюда практические выводы: пришло время урегулировать вопрос и о социальном неравенстве, обозначив соответствующее практическое действие в социально-экономических стратегиях. Правда, осознавая опасность распространения в обществе чувства несправедливости в распределении материальных благ, Хрущев и его соратники оставляли «за кадром» один важный аспект проблемы. Он был связан с принципиальной особенностью «социалистической системы хозяйствования». Отсутствие частной собственности на средства производства и директивное установление цен ограничивали использование экономических инструментов нивелирования неравенства. Они подменялись административными политически и идеологически ангажированными действиями. Да и вообще говорить о распределении богатств и доходов в общепринятом смысле в обществе «реального социализма» было достаточно бессмысленно¹⁰⁵. Но понимания этого у хрущевского руководства так и не сложилось: мешала коммунистическая доктрина, которой стремились руководствоваться в практической политике.

С одной стороны, провозглашался курс на достижение всеобщего равенства, что подразумевало отсутствие выраженной экономической дифференциации. С другой — считалось, что усилия каждого должны вознаграждаться по труду. По сути, признавалось, хотя и без особого желания, что в индустриальном обществе уже сама неоднородность общественного труда является объективной

---

¹⁰³ См. подробнее: *Водичев Е. Г.* Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Урал. ист. вестн. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

¹⁰⁴ *Анисимова Г. В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // *Terra Economicus*. 2016. Т. 14, № 1. С. 71.

¹⁰⁵ *Клисторин В. И.* Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО : всерос. экон. журн. 2017. № 11. С. 41.

предпосылкой экономического неравенства¹⁰⁶. По этой причине идеология стремилась оправдать существование социального неравенства. Компромисс находили в утверждении, что оно носит временный характер, поскольку создающие его объективные механизмы подчинены глобальной задаче ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем¹⁰⁷. Растущая дифференциация в оплате труда, в заработной плате, которая составляла подавляющую часть денежных доходов городского населения, у хрущевского руководства вызывала тревогу. Отсюда приоритетное внимание к развитию общественных фондов потребления. Также хрущевское руководство не смогло подняться до понимания того, что политика эгалитаризма объективно выступает в роли демомотиватора для наиболее квалифицированных работников, поскольку снижает их заинтересованность в результатах труда.

Несмотря на это, проектировки стратегических перспектив в годы «хрущевского десятилетия» были основаны на продвижении тезиса о социально-экономическом эгалитаризме. Они совпадали с распространившимися в обществе представлениями о скором наступлении благоденствия, которые были тесно связаны с идеями о грядущем равенстве в изобилии и подогревались официальной пропагандой, объявлявшей отсутствие явно выраженной дифференциации в доходах отличительной чертой справедливого будущего. В принципе эта идеологема являлась основой коммунистического мифотворчества на протяжении всей советской истории. В теории наличие общественной собственности на средства производства не подразумевает экономического эгалитаризма. Считалось, что прибавочный продукт оказывается в распоряжении общества, которое распределяет его по заслугам в соответствии с индивидуальным вкладом в производство. Однако де факто субъектом, владеющим и распоряжающимся собственностью и произведенным продуктом,

---

¹⁰⁶ См.: Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность. М., 1987.

¹⁰⁷ Вальдера Хиль Х. М. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 24 (4). С. 54–55.

являлось государство в лице соответствующих институций. Именно от них зависела доля продукта, которая могла оказаться в пользовании той или иной части общества. Причем пользование (в отличие от права частной собственности, «по умолчанию» интегрировавшего в себе владение, использование и распоряжение) всегда оставалось ограниченным, и его возникновение и прекращение обуславливалось рядом условий.

Идеологемы экономического эгалитаризма и консюмеризма на протяжении всего хрущевского времени выступали в качестве мощного морального инструмента для «разогрева» социального энтузиазма и интеграции советского общества. В этом смысле Хрущев шел по стопам своего предшественника. Однако даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о дистанции в несколько лет, и в условиях, подчеркнем особо, мирного времени это было чревато большими рисками. Идеологемы было необходимо постоянно подтверждать реальными достижениями, что требовало тщательной оценки релевантности поставленных задач и их соответствия экономическим возможностям. Но на практике все в основном ограничивалось общими установками и призывами.

«Надо всемерно использовать наши материальные возможности, чтобы поднять благосостояние народа», — повторял Н. С. Хрущев¹⁰⁸. В документах, определявших экономическую политику СССР на перспективу, эту задачу предполагалось решать за счет ускоренного развития тех отраслей промышленности группы «А», которые производят оборудование для потребительских отраслей экономики, а также за счет увеличения выпуска товаров народного потребления на предприятиях тяжелой промышленности¹⁰⁹. В сентябре 1964 г. незадолго до своей отставки Хрущев заявлял: «Главная наша задача — удовлетворение потребностей народа,

---

¹⁰⁸ Освоение целины — большой вклад в развитие советской экономики : беседа с английским ученым и общественным деятелем Джоном Берналом. 25 сент. 1954 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. С. 360.

¹⁰⁹ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 169.

а средства производства нужны для обеспечения развития производства средств потребления. Раньше мы ставили задачу наоборот, а сейчас мы находимся на таком уровне нашей экономики и оборонной промышленности, когда мы имеем возможность поставить на первый план человека, его обслуживание, его нужды и удовлетворение этих нужд»¹¹⁰.

Так формировался определенный компромисс между традиционной экономической ригидностью и актуальными задачами времени, связанными с ростом и выравниванием уровня потребления. Но идеологемы Хрущева, формирующие векторы социально-экономической политики, жестко сталкивались с реалиями. В рамках сложившейся системы идея создания «социалистического» аналога «общества потребления» вступала в конфликт с традиционной для СССР моделью военизированной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом. В принципе баланс в экономическом развитии можно было восстановить за счет резкого сжатия потребностей населения и беспрекословного подчинения всех центру. Но в 1950–1960-е гг. такая возможность уже отсутствовала¹¹¹.

Нужно иметь в виду и еще одно обстоятельство, которое всегда оставалось «за кадром»: неравенство в доходах в советском обществе не отражало дифференциации в потреблении, как это имеет место в рыночной экономике. Формальные показатели дохода, конечно, имели значение, но едва ли не более важным был статус человека в иерархии общественных (государственных) институтов. Как справедливо утверждает С. Г. Кордонский, социальная структура советского общества основывалась на распределительных отношениях, а не на отношении к средствам производства, полностью национализированным. Стоимость, товары, ценности, цели и средства

---

¹¹⁰ «Мы находимся на рубеже или славы, или позора» : Замечания тов. Н. С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66) С. 184.

¹¹¹ См.: Мерцалов В. И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством. С. 215–216; и др.

их достижения были слиты в единое административное целое, что делило людей на страты в соответствии с положением во властной и управленческой вертикали, должностью, профессией, сферой занятости в более или менее важных отраслях народного хозяйства, местом жительства и т. п. И от этого зависел реальный уровень потребления конкретным человеком материальных благ и услуг, включая доступность медицинского обслуживания, образования, трудоустройства и т. п.¹¹²

К похожему выводу приходит ряд исследователей, даже если они придерживаются иных методологических подходов. В частности, это относится к О. Э. Бессоновой, считающей российскую экономику экономикой особого «раздаточного» типа, в которой распределение материальных благ и услуг изначально осуществляется по принципу «каждому по чину». Рассуждая о «служебном труде» в советском обществе, Бессонова утверждает: «Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т. д.». Это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование и т. д.¹¹³ Это возвращает нас к известной формуле Дж. Оруэлла из бессмертного «Скотного двора» о том, что «все животные равны, но некоторые животные равнее других».

Несомненно, тезис о достижении всеобщего равенства всегда был одной из основ советской идеологии. Однако при Хрущеве, с одной стороны, он был «вынесен на знамена» третьей программы КПСС и его идеологическое звучание резко повысилось. С другой — в связи со структурными изменениями в экономике, формировани-

---

¹¹² Кордонский С. Рынки и власть. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 14, 62.

¹¹³ См.: Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006. С. 5–8, 91.

ем новых технологических укладов и возрастанием неоднородности общественного труда реализация этого принципа в практической социально-экономической политике объективно сталкивалась со все более серьезными проблемами. Поэтому всеобщее равенство являлось лишь неким идеалом, достижимым в той же мере, что и строительство коммунистического общества. Но в марксистско-ленинской парадигме такие ограничения никакого значения не имели.

В сталинской версии третьей программы ВКП(б) социальным идеалом тоже провозглашалось всеобщее равенство, однако на практике сохранялась весьма высокая дифференциация доходов. Это хорошо видно из данных о зарплате по народному хозяйству, в частности, в различных его отраслях. Самая плачевная ситуация наблюдалась в сельском хозяйстве: даже к моменту предполагаемого построения материально-технической базы коммунизма заработная плата здесь должна была составлять немногим более двух третей от средней по экономике¹¹⁴. Но утверждалось, что в конечном счете принцип распределения продуктов по труду будет заменен принципом распределения по потребности.

Похожей логики в изложении путей и способов преодоления экономического неравенства придерживались разработчики хрущевского варианта партийной программы. В ней ставилась задача «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма». Это предполагало радикальное повышение доходов населения, решение жилищной проблемы и благоустройство быта, сокращение рабочего времени и дальнейшее улучшение условий труда, предоставление качественных медицинских услуг и увеличение продолжительности жизни и т. д.¹¹⁵ Таким образом, общество ориентировалось на достижение справедливости и равенства, но не в бедности, а в изобилии. Так что содержание социального идеала — равенства

---

¹¹⁴ Симонов М. А. Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг. // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2017 № 2. С. 32.

¹¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 295–296.

на основе коммунистического принципа потребления — не менялось, менялись лишь формы и акценты социально-экономической политики. Они были сформулированы ярко и доходчиво. В апреле 1962 г. Н. С. Хрущев в беседе с американским издателем Г. Коулсом со свойственной ему метафоричностью заявил: «если объявить коммунизм, когда имеются, скажем, лишь одни штаны на 10 человек, и разделить эти штаны поровну на десять частей, то все будут ходить вообще без штанов. Мы отрицаем такой “бесштаный коммунизм”. Это было бы извращением»¹¹⁶. Причем утверждалось, что реальные шаги в направлении всеобщего изобилия будут сделаны здесь и сейчас.

Разумеется, такие заявления обретали широкую популярность в обществе и были своего рода контртезой политики Сталина, не спешившего связывать себя обещаниями о скором вхождении в эру изобилия. Для Хрущева же не было такого ограничения. Но сначала народ нужно было просто накормить. Со времени коллективизации эта проблема оставалась нерешенной. Она постоянно ставилась как ближайшая цель, но и постоянно отодвигалась в неопределенное будущее. Сельское хозяйство никак не могло решить проблему дефицита основных продуктов питания и вообще любых потребительских товаров, для которых оно являлось естественной ресурсной базой. Низкая эффективность аграрного сектора экономики формировала очевидный вызов для социально-экономических стратегий Хрущева. С учетом этого следовало осторожно относиться к выдвижению амбициозных целей. Но разумности в целеполагании от политика-популиста ждать как раз не приходилось. Хрущев критиковал Г. М. Маленкова именно за такого рода увлечения, считая их и оторванными от реалий, и противоречащими теории коммунистического строительства. Выступая в феврале 1955 г. на заседании партийной группы Верховного Совета СССР, Хрущев говорил: «Товарищ Маленков, видимо... увлекся. Я не могу сказать, что он против тяжелой промышленности, но он увлек-

---

¹¹⁶ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. С. 24.

ся обещаниями»¹¹⁷. Теперь же обещаниями увлекся сам «товарищ Хрущев», что стало зримым доказательством доминанты политики и идеологии над экономикой.

К решению проблемы темпов и пропорций экономического развития в контексте стратегии формирования советского варианта «экономики потребления» Хрущев обратился со свойственными ему смелостью и склонностью к авантурным сценариям. Как и во всем остальном, в базовых стратегических документах они выражалась в цифрах и показателях, в популистских лозунгах и призывах. В качестве инструмента достижения поставленной цели одним из ключевых стал лозунг «Догнать и перегнать Америку!» — перефразировка известного тезиса В. И. Ленина из работы «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»¹¹⁸. С таким призывом Хрущев выступил на совещании работников сельского хозяйства в мае 1957 г.¹¹⁹ Однако и здесь он шел по стопам своего предшественника, не упоминая об этом. Достаточно вспомнить известную максиму И. В. Сталина, обоснованную им на старте первых пятилеток: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет»¹²⁰. Аналогичные требования присутствовали в сталинской версии третьей программы партии и в Генеральном хозяйственном плане. Целевая установка последнего заключалась в решении «поставленной товарищем Сталиным» задачи «перегнать главные капиталистические страны» во всем, включая потребление. Но приоритет в ее выдвижении

---

¹¹⁷ «А товарищ Маленков говорит о гибели цивилизации!» : стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 34.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 198.

¹¹⁹ Речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в городе Ленинграде. 22 мая 1957 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. С. 441–461.

¹²⁰ Сталин И. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности // Вопр. ленинизма. 11-е изд. М., 1953. С. 362.

и решение проблемы перехода к коммунистическому изобилию Хрущев стремился оставить за собой. Отсюда, в частности, планы обойти по подушевому производству промышленной и сельскохозяйственной продукции геополитических оппонентов Советского Союза к 1970 г., «а может быть, и раньше»¹²¹.

Эти планы относились к числу наиболее авантюрных. Перед агропромышленным комплексом ставилась задача обеспечить рост производства мяса и молока в три раза. В отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду Хрущев оптимистично призывал: «Опираясь на достигнутые успехи, используя накопленный опыт, колхозы и совхозы должны полностью обеспечить потребности народа в мясе и молоке, догнать и превзойти Соединенные Штаты Америки по производству животноводческих продуктов на душу населения»¹²². Он сознательно брал на себя ответственность за такие инициативы. В ряде случаев это оборачивалось для него явным выигрышем. Так было с первыми послесталинскими новациями в области сельского хозяйства. Но в долгосрочном плане такой подход создавал серьезные трудности. Отсюда стремление списать их на своего предшественника.

Хрущев неоднократно заявлял: «Мы сейчас расплачиваемся за неправильное понимание Сталиным сельского хозяйства. У него было примитивное представление о сельском хозяйстве»¹²³. Он тогда не предполагал, что неудачи в аграрной сфере в значительной мере предопределят его собственное падение с политических вершин. И у многих его оппонентов расчет делался на то, что, взявшись за сельское хозяйство, лидер страны получит в свое распоряжение «веревку, которую сам же и затянет вокруг собственной шеи»¹²⁴. Однако вплоть до своего смещения Хрущев

---

¹²¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза : стеногр. отчет : [в 2 т.]. М., 1959. Т. 2. С. 446.

¹²² Взять новые высоты в развитии сельского хозяйства! Из отчета ЦК КПСС XXII съезду партии. 17 окт. 1961 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 6. С. 27.

¹²³ Там же. С. 26.

¹²⁴ *Tompson W. J. Khrushchev. Political Life.* N. Y., 1995. P. 135.

считал, что непосредственная включенность в решение проблем сельского хозяйства лишь упрочивает его позиции в качестве политического лидера. Дело в том, что любые новации в аграрной сфере, обещавшие устранить нехватку продовольствия, с энтузиазмом воспринимались большинством населения. В какой мере сам Хрущев верил в их осуществление — дискуссионный вопрос, он всегда выступал как популист. Но нельзя исключать и искреннего увлечения лидера страны выдвигаемой им идеей. По крайней мере на какое-то время¹²⁵.

В этой связи показательна судьба связанных с именем Хрущева экспериментов в аграрной сфере, имевших место в середине и второй половине 1950-х гг. Вне времени и конкретно-исторического контекста они вызывают много вопросов и даже недоумение, но такова была специфика эпохи. Наиболее известный случай — освоение целинных и залежных земель. Не вдаваясь в детали этой эпопеи, имеющей обширную историографию¹²⁶, отметим, что подъем целины реализовывался в формате сталинских «великих строек коммунизма», за исключением того, что теперь не привлекались ресурсы ГУЛАГа. Время изменилось, да и в силу «специфики жанра» на бескрайних просторах сибирских и казахстанских полей использование таких форм организации труда вряд ли было возможно. Заменить прямое принуждение и насилие решили апелляцией к моральным стимулам — энтузиазму и патриотическому порыву молодежи, что отразилось и в содержании, и в форме мифотворчества: от агитплакатов до литературы, кинематографии и песенного творчества. Призыв «Поднимай целину!» на годы вошел в идеологический тезаурус режима. В его тени оказались и материальное стимулирование труда, и технологическое преобразование сельскохозяйственного производства.

---

¹²⁵ См., например: Речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в городе Ленинграде 22 мая 1957 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. С. 441–461.

¹²⁶ Историографические оценки см.: *Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 5. P. 1822–1839.*

Еще одним символом преобразований в сельском хозяйстве, своеобразной «притчей во языцех», стал лозунг «Кукуруза — царица полей». На основании опыта США увеличение ее урожаев рассматривалось как показатель эффективного сельского хозяйства, основа будущих успехов в обеспечении населения продовольственными товарами. Однако для СССР масштабное расширение посевов кукурузы, как, впрочем, и освоение целинных и залежных земель, означало экстенсивный вариант развития аграрного сектора. Для обоснования значимости этой агрикультуры Н. С. Хрущев по сложившейся традиции прибегнул к авторитету В. И. Ленина. В апреле 1955 г. в речи на совещании работников сельского хозяйства он заявил: «Еще Ленин придавал кукурузе большое значение. Он собственноручно давал поручение плановой комиссии... разработать вопрос о внедрении кукурузы и проследить за этим делом. Если бы Ленин был жив, видимо, он не забыл бы о своей директиве»¹²⁷. В то время сомнительность такой аргументации ни у кого не вызывала возражений.

Справедливости ради стоит отметить, что Хрущев все же не считал эту культуру панацеей от всех бед. По его словам, «если же дать общий лозунг — больше сейте кукурузы, то тогда мы, товарищи, можем загубить зерновое хозяйство»¹²⁸. Эта оценка хорошо согласовывалась с позицией специалистов-аграрников, скептически относившихся к стремлению максимально расширить посевы кукурузы. Более того, в силу неэффективности «кукурузной кампании» от нее достаточно быстро отказались. Но несмотря на желание властей забыть о неудачном эксперименте, миф о кукурузе как средстве решения всех проблем продовольственного обеспечения трансформировался в свою противоположность. Он стал основой для многочисленных анекдотов на тему «Хрущев и кукуруза», связывая в общественном сознании провалы в развитии сельского хозяйства с именем лидера страны.

¹²⁷ Выше уровень организаторской работы в колхозах : речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Центральной нечерноземной полосы в городе Москве. 7 апр. 1955 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. С. 79.

¹²⁸ Хрущев Н. С. Из заключительного слова на Пленуме ЦК КПСС. 19 дек. 1958 г. // Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 3. С. 441.

Сам Хрущев к концу пребывания у власти попытался переосмыслить «целинную» и «кукурузную» эпопеи. Выступая в 1963 г. на пленуме ЦК КПСС, он заявлял: «Можно ли и дальше в развитии зернового хозяйства идти по пути расширения посевных площадей? Видимо, в дальнейшем мы не можем идти по такому пути... Куда выгоднее теперь, когда лучшие земли уже освоены, направить средства на развитие химии, на производство минеральных удобрений. Советская страна располагает теперь реальными возможностями для того, чтобы в земледелии пойти по пути интенсификации, увеличения производства зерна с гектара пашни за счет значительного повышения урожайности»¹²⁹. Так один миф заменялся другим. Теперь главным звеном решения всех проблем сельскохозяйственного производства объявлялась его «химизация».

Похожая судьба была и у мифа об агрогородах. Увлечение Хрущева этой идеей относится еще к сталинскому времени. Он считал, что агрогорода должны стать основной формой сельских поселений. Это рассматривалось как важный шаг в решении одной из ключевых проблем коммунистического строительства — преодоления существенных различий между городом и деревней. Но Сталин не поддерживал предложение Хрущева объявить создание агрогородов одним из магистральных направлений экономической политики¹³⁰. К нему вернулись после утверждения Хрущева, оказавшегося на вершине властной пирамиды. Он так разъяснял суть своего предложения: «Я за то, чтобы селять людей из хуторов и мелких поселков в красивые села с благоустроенными домами, с хорошими улицами, тротуарами, чтобы были созданы все условия для культурной жизни. <...> В квартирах будет водопровод, канализация, освещение — все то, что имеет городской житель»¹³¹. Переход сельского населения к городскому образу жизни Хрущев связывал с индустриализацией сельского хозяйства и повышением его производительности.

¹²⁹ Пленум ЦК КПСС 9–13 декабря 1963 г. : стеногр. отчет. М., 1964. С. 21, 31.

¹³⁰ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 5.

¹³¹ Из беседы с колхозниками села Калиновки 27 августа 1960 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. С. 157–158.

И создание агрогородов, укрупнение колхозов и совхозов стояли на вершине прочих новаций в аграрной политике.

В историографии хорошо показано, что на практике такая политика приводила к формированию огромных неуправляемых хозяйств, включавших в себя порой десятки деревень. В результате возникало множество новых экономических и социальных проблем. В начале 1960-х гг., осознав непопулярность идеи укрупнения колхозов и создания агрогородов, Хрущев даже отрицал свое авторство¹³². Может быть, поэтому темой для анекдотов она не стала, а рассуждения о преимуществах агрогородов и призывы к их созданию постепенно ушли из общественного дискурса. Что же касается лозунга «Догнать и перегнать!», то он, как отмечает Ю. В. Аксютин, «еще какое-то время по инерции продолжал употребляться советской пропагандой. Во всяком случае, присутствовал в призывах ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованных 13 октября 1960 г. Однако в первомайских призывах 1961 г. его уже не было». Хотя «кузькину мать» в производстве сельскохозяйственной продукции Хрущев обещал показать западному миру и на XXII съезде КПСС¹³³.

И сам Хрущев, и его окружение хорошо понимали, что скачок от бедности к изобилию требует расширения масштабов производства потребительских товаров. Зачастую представления о том, к чему нужно стремиться, возникали под влиянием того, что он узнал или лично увидел в Америке, Великобритании, Скандинавии и в других странах, на международных выставках или даже в кинофильмах¹³⁴. Но они соответствовали ожиданиям народа, уставшего от постоянной «борьбы с временными трудностями»¹³⁵.

---

¹³² Заметки Н. С. Хрущева об агрогородах // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 165.

¹³³ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 268, 272.

¹³⁴ Медведев Ж., Медведев Р. Никита Хрущев. Годы у власти // Royallib.com : электрон. б-ка : [сайт]. URL https://royallib.com/read/medvedev_gores/nikita_hrushchev.html#0 (дата обращения: 12.10.2022).

¹³⁵ Томилин В. Н. Пропагандистские лозунги и действительность в СССР в период реформ Н. С. Хрущева // Северо-Кавказский федеральный университет.

Этому способствовала заметно бо́льшая, чем в предшествующий период, открытость страны. В результате срабатывал так называемый демонстрационный эффект, и коммунизм стал представляться как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой¹³⁶.

Распространению таких взглядов способствовал сам Хрущев. Он активно позиционировал СССР как государство, где уровень жизни населения по мере продвижения к коммунизму будет постоянно расти, а имеющиеся проблемы — нивелироваться. Рисовались радужные картины обеспечения населения благоустроенным жильем, сокращения рабочего времени, роста потребления товаров массового спроса, развития системы бытового обслуживания, учреждений образования, культуры, здравоохранения и т. д. Специально оговаривалось, что уровень потребления должен основываться на неких «научно обоснованных нормах», которые по замыслу должны были устанавливаться обществом (государством)¹³⁷. Все эти положения вошли в новую программу партии и «на ура» воспринимались большинством населения, которому трудно было оценить реальность достижения заявленных в ней целей.

Важная роль в решении проблемы неравенства отводилась политике регулирования денежных доходов населения. Прежде всего представители власти озаботились «совершенствованием» системы пенсионного обеспечения. Еще в октябре 1955 г. в записке, адресованной в Президиум ЦК КПСС, Н. С. Хрущев возмущался, что «в ряде буржуазных государств оно поставлено лучше, чем в Советском Союзе», и предлагал «повысить размер пенсий для рабочих и служащих и снизить для некоторых категорий работников, которые получают слишком большие пенсии». Одновременно

Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 126–132; Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М., 2017.

¹³⁶ Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». С. 36.

¹³⁷ См.: Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 423; и др.

ставился вопрос об «упорядочении» заработной платы, являвшейся в советском обществе основным источником денежных доходов, по крайней мере для городского населения. Хрущев считал, что в системе ее начислений накопилось много «ненормальностей»: «есть большое количество низкооплачиваемых работников» и «небольшая группа работников», получающих «очень большую заработную плату». В результате сложился неприемлемый разрыв. Для его преодоления Хрущев предложил пойти на прямое увеличение заработной платы низкооплачиваемых работников и одновременно «несколько снизить заработную плату высокооплачиваемых работников интеллигентного труда с тем, однако, условием, чтобы интеллигенция имела хорошую обеспеченность, но чтобы не создавались условия для излишеств, которые в ряде случаев порождают разного рода нездоровые явления»¹³⁸.

В перспективе снижение неравенства в доходах руководство видело в гигантском росте числа услуг, получаемых за счет общественных фондов потребления. В Генеральной перспективе развития народного хозяйства СССР декларировалось, что уже в течение первого десятилетия ее выполнения для значительной части трудящихся, а во втором десятилетии для всего населения будет обеспечено полное бесплатное удовлетворение потребностей в яслях, детских садах, в школах с продленным днем, в школах-интернатах, в пионерских лагерях, в школьных завтраках и одежде, в учебных пособиях и т. д. Озвучивались планы отмены платы за проживание в государственных квартирах, за коммунальные услуги, пользование общественным транспортом и т. д. Широкую популярность приобрело выдвинутое Хрущевым весьма опрометчивое обещание к концу 1965 г. отменить налоги с населения. Оно было сделано на XXI съезде КПСС и повторено в его речи на сессии Верховного Совета СССР в 1960 г. В соответствии с этой установкой лидера партии был принят закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих». Он как бы подтверждал серьезность

---

¹³⁸ Записка Н. С. Хрущева в президиум ЦК КПСС по вопросам упорядочения заработной платы и пенсионного дела. Окт. 1955 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 277, 278.

намерений власти заметно улучшить благосостояние населения и популярности Хрущеву на время добавил¹³⁹. Конечно, все это были необоснованные обещания, не имевшие под собой реальных экономических оснований, они так и остались лозунгами и благими пожеланиями. В повседневной же жизни гораздо большее значение имели цены на товары и услуги. За исключением колхозного рынка и теневой экономики, они устанавливались директивно, и это порождало проблему выбора двух возможных путей повышения материального благосостояния «трудящихся».

Население страны помнило события недавних лет, когда «было время, и цены снижались» практически ежегодно. Такая политика в первую очередь оборачивалась выигрышем для высокооплачиваемых групп населения, что усугубляло проблему неравенства. Но с точки зрения массового сознания это не меняло суть дела — декларации о регулярном снижении цен остались в памяти людей как выдающееся событие. Для хрущевского руководства, однако, было очевидно, что одновременно снижать цены и повышать зарплату практически невозможно, поэтому приходилось делать выбор. В конце 1955 г. Хрущев заявил, что «возникает необходимость рассмотреть вопрос о том, следует ли проводить снижение цен на товары в ближайшие годы, а если проводить, то в каких размерах. Я высказываюсь за то, чтобы в ближайшие годы снижение цен провести в небольших размерах только на некоторые товары широкого потребления с тем, чтобы средства, которые государство планирует на снижение цен, направить на повышение заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих и улучшение пенсионного обеспечения»¹⁴⁰. И этот принцип был положен в основу политики цен и доходов.

Широкая пропаганда планируемых мер по повышению материального благосостояния населения подвигла отдельных руководи-

---

¹³⁹ *Жирнов Е.* «Существование налогов с населения не вызывается необходимостью» // *Коммерсантъ Власть* : [сайт]. 2010. № 18. 10 мая. С. 64. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1361006> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁴⁰ Записка Н. С. Хрущева в президиум ЦК КПСС по вопросам упорядочения заработной платы и пенсионного дела. Октябрь 1955 г. С. 279.

телей к тому, чтобы действовать, опережая время. По воспоминаниям В. Е. Семичастного, в то время председателя КГБ, «некоторые чрезмерно старательные его [Хрущева] последователи на местах, стремясь понравиться партийному вождю, от слов переходили к делу. Где-то в Киргизии решили кормить всех обедами бесплатно, в другом месте сделали бесплатным городской транспорт. Центральный комитет был вынужден заявить, что повсеместно для подобных нововведений у нас пока нет нужных средств, а потому и спешить впредь не следует»¹⁴¹. И все же ориентация на коммунистический принцип распределения материальных благ оставалась центральным звеном в системе ценностей хрущевского популизма, а видение перехода к нему существенно отличалось от сталинских проектировок.

Так, в проекте программы партии конца 1940-х гг. говорилось, что «в первую очередь ВКП(б) ставит своей задачей обеспечить распределение по потребностям основных предметов питания (хлеб, мясо, сахар, овощи, жиры), а далее — промышленных товаров первой необходимости и массового спроса с тем, чтобы в дальнейшем перейти постепенно к распределению по потребностям всех предметов потребления»¹⁴². В хрущевском же варианте программы внимание акцентировалось на повышении роли общественных фондов в распределении материальных благ. С одной стороны, они должны были обеспечить «разумность» в потреблении, рационализировать использование имеющихся ресурсов. Таким образом намеревались согласовать «неуклонно растущие потребности трудящихся» с имеющимися экономическими возможностями. С другой, считалось, что распределение материальных благ через общественные фонды будет способствовать воспитанию населения в духе коллективизма. В итоге за двадцатилетие «общественные формы потребления должны были составить “примерно половину” всей суммы реальных

---

¹⁴¹ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце // ЛитМир : электрон. б-ка : [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182824&p=1> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁴² Зигзаги Третьей программы // КИРФ Москва : [сайт]. URL: <https://msk.kprf.ru/2016/10/24/17866/> (дата обращения: 10.12.2022).

доходов населения. Это должно было предоставить за счет общества следующие блага:

- бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей);
- материальное обеспечение нетрудоспособных;
- бесплатное образование во всех учебных заведениях;
- бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных;
- бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами;
- бесплатное пользование коммунальным транспортом;
- бесплатное пользование некоторыми видами бытового обслуживания»¹⁴³.

Каждому из этих пунктов в доктринальных документах соответствовали впечатляющие количественные параметры. В конечном итоге ситуация с балансом индивидуального потребления товаров и услуг и потреблением из общественных фондов оказалась в программе и Генеральной перспективе весьма запутанной. Это было связано с отсутствием четкого представления о том, каким должно быть коммунистическое будущее. У власти на сей счет так и не сложилось консенсуса. Единодушие наблюдалось лишь в одном — в планах «коммунистического строительства» советский человек являлся не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно было быть в гардеробе. Естественно, все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным¹⁴⁴. Так что контроль за потреблением из «чаши, наполненной до краев», полностью оставался в руках государства.

Одним из наиболее ярких приоритетов гуманизации экономики, ее социальной ориентации и воплощения принципов социаль-

---

¹⁴³ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 302.

¹⁴⁴ Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...» С. 433.

ного равенства при Хрущеве стала жилищная политика. По словам Хрущева, невыносимые жилищные условия «особенно всех возмущали»¹⁴⁵. До него не удавалось найти способ даже отдаленно приблизиться по этому показателю к стандартам западного «общества потребления». Свою роль играло то, что коммунистическая идеология предшествующего периода базировалась на концепции коммунального быта. Это позволяло относить индивидуализацию жилищного строительства (требующего огромных затрат) в неопределенное будущее, а реальные объемы жилищного строительства не позволяли рассчитывать на его индивидуализацию даже в перспективе. При Хрущеве же произошел отказ от философии «казарменного социализма». На XXII съезде КПСС он заявил: «в течение ближайшего десятилетия мы должны покончить с недостатком жилищ. В итоге второго десятилетия каждая семья будет обеспечена отдельной благоустроенной квартирой»¹⁴⁶. Практически в такой же редакции этот тезис вошел в текст программы КПСС¹⁴⁷.

Понятно, что в условиях ограниченности ресурсов Хрущев расставлял акценты на экономичном варианте такого жилья. Рассуждая о его типовом проектировании, он не стеснялся давать рекомендации архитекторам: «Одноэтажные здания нужно строить только в тех случаях, когда это требуется по технологии, например, в связи с вибрацией и т. д. А все другие здания, особенно жилые, нужно строить в четыре-пять этажей, чтобы разумно использовать фундаменты, крыши. Если строить более высокие дома, то нужен лифт, и фундамент надо усилить»¹⁴⁸. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС 17 января 1961 г., он подсказывал архитекторам: «если строить пятиэтажные здания, то, видимо, самое рациональное: 4 эта-

¹⁴⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 391.

¹⁴⁶ Хрущев Н. С. О Программе Коммунистической партии Советского Союза : докл. на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 окт. 1961 г. С. 66–67.

¹⁴⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. С. 298

¹⁴⁸ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 5. С. 340.

жа — для семейных, и 5-й этаж — гостиничного типа для холостяков и малосемейных молодоженов коридорной системы. Я считаю, что это хорошая система»¹⁴⁹. Он находил и идеологические обоснования выбранной им стратегии решения жилищной проблемы. «Расточительство, излишества в строительных объемах и претенциозность в архитектурных формах, безусловно, противопоказаны и чужды самой сущности коммунистической целесообразности и должны быть полностью отброшены и изжиты как чуждые пережитки прошлого», — заявлял Хрущев¹⁵⁰.

Руководитель страны всячески поощрял и подчеркивал целесообразность применения наиболее выгодных с точки зрения экономики ресурсов строительных технологий при возведении жилых зданий. Комментируя разработку нового стана для изготовления железобетонных панелей, он подчеркивал его экономичность: «Расход цемента на квадратный метр стены будет меньше, чем теперь при кирпичной кладке. Расход металла на квадратный метр жилья также будет меньше, чем расходуется при кладке стен из кирпича. Вес стены будут меньше в несколько раз. Сократится стоимость квадратного метра жилья... Внедрив это предложение, мы сможем быстро строить дома, буквально как автомобили выпускать, потому что этот метод дает большую сборность в строительстве»¹⁵¹.

Разумеется, в таком подходе было рациональное зерно. Уже будучи на пенсии, Хрущев утверждал: «Из-за невероятной нужды в жилье мы вынуждены были, пересматривая проекты, выжимать все лишнее, чтобы поскорее удовлетворить число нуждающихся... Если бы мы пошли действовать на широкую ногу, то около 40 % нуждающихся отодвинулось бы на годы в получении ими жилья»¹⁵². И такая политика с пониманием воспринималась в обществе, а обещание в течение 10–12 лет «покончить в стране с недостатком в жилищах» стало одной из самых успешных идеологием

---

¹⁴⁹ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 518.

¹⁵⁰ Цит. по: Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». С. 57.

¹⁵¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 303. Л. 7–8.

¹⁵² Никита Сергеевич Хрущев. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 393.

хрущевского времени¹⁵³. Оно как бы связывало ожидания советских людей с личностью Н. С. Хрущева.

И все же на протяжении всего «хрущевского десятилетия» сохранялась фундаментальная проблема. Она заключалась в противоречии между декларируемыми принципами равенства в распределении и стимулами развития производства. Дестимулирующая роль эгалитаризма так и не была должным образом понята и осмыслена, хотя практика показывала, что уравниловка резко снижает мотивацию работников к качественному производительному труду. Другая сторона проблемы — комбинирование моральных стимулов трудовой деятельности с санкциями и наказаниями за его неудовлетворительный результат — также не была решена. В сталинской же модели экономики главная роль отводилась административным методам побуждения к труду, так называемому административному нажиму.

Разумеется, особенно в приоритетных отраслях его дополняло моральное и материальное поощрение. И такая система действовала вполне результативно. Но в хрущевскую эпоху в связи с либерализацией режима она не могла работать как прежде, поэтому акценты сместились на моральные стимулы трудовой деятельности и расчет на энтузиазм масс. Правда, в полной мере сохранялась и даже усиливалась индоктринация населения, моральное давление на «отщепенцев». Труд провозглашался обязанностью каждого советского человека, строящего «светлое будущее» для «всех и каждого». Но при этом не учитывался тот факт, что в реальной жизни противоречие между стремлением построить будущее и неудовлетворенностью жизнью в конкретный момент времени может привести либо к нарастанию социальной апатии, либо к социальной напряженности, либо к тому и другому вместе. Оставив за скобками политический и социально-психологический эффект такого рода осложнений, отметим лишь его очевидную негативную роль для экономики. В свою очередь, утрата производством

---

¹⁵³ См. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». 31 июля 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. С. 198.

былого динамизма сделала невозможным достижение широко анонсированных результатов в повышении «материального благосостояния трудящихся», в развитии социальной сферы. И этот разрыв между широковещательными декларациями и реальностью сыграл не последнюю роль в плачевном завершении политической карьеры Хрущева.

Глава 3

РАЗОЧАРОВЫВАЮЩИЕ ИТОГИ

Конфликт между стратегией социально-экономического развития и реальными возможностями экономики наметился практически сразу после выдвижения амбициозных планов коммунистического строительства. У страны просто не было возможностей для одновременного решения трех трудносовместимых задач: ускорения темпов экономического роста за счет опережающего наращивания основных производственных фондов, упрочения геополитических и военно-стратегических позиций путем наращивания военной мощи, создания социалистического аналога общества потребления. Это дополнялось неверной оценкой перспектив экономического развития, сделанной на основе оптимистических трендов предшествовавших лет.

В результате возникала острая конкуренция за ограниченные ресурсы. Явное преимущество в ней имел военно-промышленный комплекс. Его запросы удовлетворялись в первоочередном порядке, даже если это происходило в ущерб широко обнародованным планам наращивания возможностей инвестиционного машиностроения, создания задела для будущих научно-технических прорывов, повышения материального благосостояния населения, развития социальной инфраструктуры. Попытки же увеличить объем имевшихся в распоряжении ресурсов за счет повышения эффективности производства не дали ожидавшихся результатов. Совнархозовская реформа, призванная решить проблему, верная по сути, в части необходимости децентрализации управления народно-хозяйственным комплексом оказалась поверхностной, верхушечной. Это позволяет предположить, что в ее основе лежали не столько экономические, сколько политические мотивы. Что же касается назревшей глу-

бокой перестройки хозяйственного механизма, то до этого дело так и не дошло: мешали идеологическая ригидность, боязнь политических последствий, ограниченная компетентность советских экономических лидеров и управленцев. В итоге продекларированные стратегические цели оказались недостижимы. Совнархозовская же реформа, не решив проблемы повышения эффективности производства, только усугубила ситуацию. Она запустила процесс трансформации командной экономики в «экономику согласования и бюрократического торга» со свойственными ей затухающими темпами экономического роста.

3.1. Конфликты стратегии и экономической практики

Успехи экономического и технико-технологического развития страны в 1950-е гг. не вызывают сомнения. Высокими темпами развивалась промышленность, наблюдались позитивные сдвиги в ее структуре, в эффективности использования материальных и человеческих ресурсов. По ряду направлений научно-технического прогресса Советский Союз вышел на лидирующие позиции в мире. Зримым тому подтверждением являлись впечатляющие достижения в освоении атомной энергии, развитии ракетно-космической техники. Даже для сельского хозяйства первая половина «хрущевского десятилетия» стала временем роста производительности. Корректировка целей экономической стратегии, отдававшей безусловный приоритет наращиванию военно-промышленной мощи, позволила заметно улучшить параметры материальной жизни населения. В результате социально-экономическое развитие страны стало более сбалансированным. В случае продолжения такой политики это могло обеспечить успешный переход советского общества к постиндустриальной стадии развития. Однако ожидать столь глубокой концептуализации происходивших процессов было бы явным преувеличением. К тому же с точки зрения баланса оборонного и гражданского секторов народное хозяйство СССР по-прежнему

сохраняло черты экономики воюющей страны. И тот факт, что теперь это была холодная война, существенно не менял суть дела.

Очевидно, что две базовых детерминанты экономической политики — внешняя и внутренняя — были тесно связаны друг с другом. В то же время внешний контекст и внутренние условия развития страны постоянно и динамично менялись. Казалось, что принятая стратегия экономического развития позволяет учитывать вытекающие отсюда требования. Не случайно намеченное XX съездом партии ускорение научно-технического прогресса и повышение жизненного уровня населения, «совершенствование» системы организации и управления производством как необходимое условие его интенсификации совпали с корректировкой внешнеполитического курса. На нем в докладе Н. С. Хрущева впервые был легитимизирован тезис о возможности мирного сосуществования стран с различным общественным строем¹. Фактически это означало провозглашение новой внешнеполитической доктрины. Она отвергала балансирование на грани войны в отношениях с западным военно-политическим блоком и предполагала расширение связей со странами «третьего мира». Правда, ситуация оставалась противоречивой, поскольку одновременно в выступлениях Хрущева и других руководителей СССР признавалась возможность новой мировой войны и содержались призывы к подготовке отражения угрозы со стороны «потенциального агрессора». Такая противоречивость предопределяла двойственность советской внешней политики, в которой боролись две тенденции — соперничество и сотрудничество со странами Запада.

Однако сама легитимизация политики мирного сосуществования позволила обосновать такой практический шаг, как сокращение армии. В мае 1956 г. было принято решение об уменьшении ее численности на 1 млн 200 тыс. чел. Оно дополняло сокращение на 600 тыс. чел., которое произошло годом ранее. В результате были расформированы 63 дивизии и три отдельные бригады, а также часть военных училищ, поставлены на консервацию 375 боевых ко-

---

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 271–272.

раблей и т. д.² Соответственно, уменьшились расходы на содержание, обучение личного состава и оснащение традиционных видов и родов войск. Это снизило оборонную нагрузку на экономику и позволило перераспределить высвободившиеся ресурсы на другие цели.

Впрочем, ситуация на международной арене не позволяла расслабляться. В 1956 г. произошло два серьезных кризиса в социалистическом лагере. Первым из них стали события в Польше, где выступления против навязанной ей советской модели социализма едва не привели к вооруженному конфликту, но все удалось закончить компромиссом. Практически параллельно развернулся еще более значительный по своим масштабам кризис в Венгрии. Там протесты переросли в вооруженное восстание, которое было подавлено советскими войсками. В результате военной операции с венгерской стороны погибло более 2,5 тыс. чел., почти 20 тыс. было ранено. Свыше 200 тыс. венгров покинули страну в первые месяцы после подавления восстания. Значительные потери понесла Советская армия: только число погибших в боях, умерших от ран и пропавших без вести составило 720 чел.³

И в Польше, и в Венгрии протестующие выдвигали не столько экономические, сколько политические требования, выполнение которых создавало угрозу дезинтеграции советского блока, и только решительные действия советского руководства позволили сохранить в них просоветские режимы. В то же время стало ясно, что социалистический лагерь не может рассматриваться как «зона спокойствия». Для поддержания стабильности пришлось оказывать ему, по сути, безвозмездную материальную помощь. С конца 1950-х гг. к этому добавилась активная политика СССР в странах «третьего мира». Последнее также требовало огромных средств на обеспечение их «социалистической» просоветской ориентации.

---

² *Абрамова Ю. А.* Незавершенная реформа Н. С. Хрущева : Преобразование Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : электрон. журн. : [сайт] 2011. № 4. С. 16. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/417> (дата обращения: 11.12.2022).

³ См.: *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985 гг. М., 2007. С. 317–330.

Отстаиванию Советским Союзом своих интересов на международной арене способствовало успешное продолжение ракетно-космической программы, в частности, запуск в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли. Всем компетентным специалистам было понятно, что за ним стоит успешная разработка технологии производства баллистических ракет дальнего действия, способных нести ядерное оружие. Само же руководство СССР считало, что отныне в сфере международных отношений оно может действовать с позиции силы. Внешнеполитические стратегии становились все более противоречивыми: они сочетали в себе миролюбивую пропагандистскую риторику и жесткое давление на оппонентов, проявившееся, в частности, в ходе Суэцкого кризиса, для благоприятного разрешения которого в пользу Египта Советский Союз использовал угрозу применения ядерного оружия, хотя правительства США и Израиля расценивали ее скорее как блеф⁴.

Наибольший международный резонанс имела инициатива Н. С. Хрущева, оглашенная в ходе его визита в Соединенные Штаты в 1959 г. Выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, он заявил о необходимости «всеобщего и полного разоружения». По его утверждению, от этого должны были выиграть все, поскольку огромные материальные и финансовые средства тогда могли быть «переключены» с производства «орудий смерти на созидательные цели»⁵. Предлагалась и конкретная программа действий. Она отличалась невероятной радикальностью, что фактически делало ее невыполнимой ни при каких обстоятельствах. Да на это и не надеялись. Прежде всего заявление Хрущева было рассчитано на утверждение в мировом общественном мнении имиджа Советского Союза как миролюбивого государства.

Эта инициатива имела продолжение в декабре 1959 г., когда Хрущев предложил, теперь уже в одностороннем порядке, сократить советские вооруженные силы на треть. Он мотивировал это тем, что «разоруженческие» инициативы СССР вызывали за рубежом

---

⁴ Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 года // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 576.

⁵ См.: Правда. 1962. 24 окт. С. 1.

положительный резонанс и способствовали упрочению позиций Советского Союза на мировой арене. С другой стороны, по утверждению Хрущева, сокращение традиционных видов и родов войск не должно было вести к ослаблению обороноспособности страны, его с лихвой должна была заменить постановка на вооружение ракетно-ядерного оружия. Другими словами, такой маневр позволял существенно сэкономить затраты на оборонные нужды, не снижая возможностей вооруженных сил.

По всей видимости, это был для Хрущева главный аргумент. Его предложения поддерживали члены Президиума ЦК КПСС, а также представители военно-промышленного комплекса, рассчитывавшие в массовом порядке провести замену устаревшего вооружения на «новую технику специального назначения»⁶. Правда, выступая перед командным составом вооруженных сил с обоснованием необходимости сокращения армии, он несколько иначе расставил акценты: «Если мы уже имеем и будем совершенствовать количественно и качественно атомное оружие, которое всегда будет наготове, чтобы одним залпом расправиться со своим противником, то зачем нам иметь такую большую армию?» Одновременно Хрущев подчеркивал, что сокращение армии не имеет отношения к экономии средств. «Разве мы сокращаем для того, чтобы сэкономить 5 миллиардов рублей? — утверждал он — Нет. Мы готовы еще 5 миллиардов добавить, если потребуется, чтобы сделать нашу страну неприступной. Поэтому давайте прямо говорить, чтобы у вас не сложилось впечатление, что мы ищем денег... Мы идем на сокращение не от слабости экономической и бюджетной, а от силы»⁷. Разумеется, вряд ли на самом деле все было так однозначно. Скорей всего заявление о том, что на оборону будет тратиться столько, сколько потребуется, учитывало состав участников заседания.

---

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. / гл. ред. А. А. Фурсенко. 2 изд., испр. и доп. М., 2004. Т. 1. С. 395, 396; Т. 3. С. 60–66.

⁷ Цит. по: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. М., 2010. С. 331.

Уже будучи на пенсии, Хрущев вспоминал, что сокращение армии являлось «одним из самых болезненных вопросов», с которым он столкнулся, возглавляя страну. Но иного варианта найти средства для дополнительных вложений в развитие производства и для решения социальных проблем просто не было, поэтому требовалось как-то ограничить гонку вооружений, которая «ведет к истощению страны и гибельно отражается на жизненном уровне народа»⁸. В свете амбициозных планов семилетки эта задача выглядела особо актуально. Так что сокращение армии как способ ограничения военных расходов, по мысли Хрущева, являлось вполне логичным шагом. В обоснование своей позиции он утверждал: «Мы... не хотим войны» и сами «не готовимся к нападению», никого «не собираемся завоевывать». А для обороны имеем мощное ракетно-ядерное оружие, способное сокрушить любого агрессора. Так зачем нам «держат большую армию», это только «понижает наш экономический потенциал». Хрущев вообще считал, что следует перейти к территориальной (милиционной) системе организации большей части вооруженных сил, укомплектованных минимумом кадрового состава. Но столь радикальное решение он относил в будущее, предлагая на данном этапе пойти на значительное сокращение численности армии⁹. И в январе 1960 г. по его докладу сессия Верховного Совета СССР приняла соответствующий закон, предусматривавший уменьшение численности вооруженных сил к 1962 г. с 3,62 до 2,42 млн чел.

Для большинства советского политического и военного руководства было очевидно, что выполнение этих планов создает серьезные стратегические риски. На рубеже 1950–1960-х гг. Соединенные Штаты обладали неоспоримым превосходством в ядерной мощи. Достаточно отметить, что в их арсенале насчитывалось в 12–15 раз больше боезарядов, чем располагал Советский Союз¹⁰.

⁸ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 474, 475.

⁹ Копия записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС о дальнейшем сокращении Вооруженных сил СССР. 8 декабря 1959 г. // Источник : Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 101–104.

¹⁰ Оценка по данным: Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России : в 2 т. / пред. ред. совета Ю. М. Михайлов. М., 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 199.

При таком соотношении ядерных сил сокращение традиционных видов и родов войск лишало его конкурентного преимущества, позволявшего хоть как-то компенсировать отставание в новейших средствах вооруженной борьбы. Решение этой проблемы виделось в снижении военного противостояния с западным миром, в выходе на какие-то договоренности с Соединенными Штатами о разоружении¹¹. Однако благоприятное разрешение польского, венгерского и суэцкого кризисов, растущее взаимодействие со странами «третьего мира» породили у советского руководства опасное стремление радикально упрочить позиции СССР на международной арене здесь и сейчас.

Такой курс обернулся рядом международных кризисов. Особенно острым оказался Карибский кризис 1962 г. Он показал, что Советский Союз не может на равных противостоять Соединенным Штатам в глобальной ядерной войне¹². Это серьезно ограничивало его возможности в отстаивании своих интересов. И только наращивание военной мощи, прежде всего ракетно-ядерного оружия, могло изменить ситуацию. Так страна втянулась в новый виток гонки вооружений. Вместе с тем он не сопровождался пересмотром официального курса на ограничение и оптимизацию военных расходов. Хрущев продолжал заявлять о достаточности имевшейся оборонной промышленности, о необходимости «смелее идти на развитие производства средств потребления»¹³. Но на практике следовали прямо противоположные решения, предусматривавшие наращивание вложений в разработку и производство все новых систем вооружений.

Приоритет отдавался оснащению Советской армии ракетно-ядерным оружием стратегического назначения. Оценить в ко-

---

¹¹ См.: *Фурсенко А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018. С. 270–278.

¹² *Фурсенко А., Нафтали Т.* Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса. М., 2006.

¹³ «Мы находимся на рубеже или славы или позора»: Замечания тов. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // *Источник*. 2003. № 6 (66). С. 184.

личественном измерении, во что это обходилось стране, сегодня не представляется возможным. Тем не менее, известно, что в середине 1950-х гг. атомная отрасль (не считая предприятий-смежников, формально находившихся в ведении других министерств) поглощала около 4 % всех государственных капиталовложений¹⁴. И, судя по динамике развития ядерно-оружейного комплекса, эта цифра в годы семилетки была заметно превзойдена. Косвенным тому подтверждением является шестикратное увеличение за эти годы количества боезарядов в советском ядерном арсенале (с тысячи единиц до 6 тыс.)¹⁵. Такой рост потребовал огромных вложений в добычу и обогащение ураносодержащего сырья, в наращивание производства «ядерной взрывчатки» (оружейного урана, плутония, дейтерида лития, трития), в серийный выпуск «изделий» и развитие материально-технической базы их разработки, в экспериментальную проверку передаваемых на вооружение «изделий». Об интенсивности последнего направления работы можно судить по числу натурных испытаний ядерных боеприпасов: только в ходе сессии 1961–1962 гг. СССР осуществил 138 ядерных взрывов, в том числе 31 сверхмощный. Это был непревзойденный рекорд!¹⁶

Определенное представление о масштабах затрат на наращивание ядерной мощи дает строительство Ангарского электролизного химического комбината — огромного комплекса производств по обогащению урана расчетной стоимостью 5 млрд руб. (в ценах 1952 г.). В реальности же к середине 1960-х гг. средств на его возведение было выделено заметно больше. По словам Н. С. Хрущева, посетившего комбинат в начале его строительства, масштабы работ произвели на него «ошеломляющее» впечатление. Отсюда он делал вывод: для их завершения и возведения еще «одного или двух таких же заводов» необходимо было мобилизовать все «наши силы

---

¹⁴ См.: Артемов Е. Т. Слагаемые успеха советского атомного проекта // Вестн. Рос. акад. наук. 2020. Т. 90, № 9. С. 879, 880.

¹⁵ Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь. С. 199.

¹⁶ Рыкованов Г. Н., Аворин Е. Н. Ядерное оснащение морских стратегических ударных сил // Вооружение России. Т. 2. Вооружение России на рубеже веков. С. 120.

и наши материальные возможности»¹⁷. При использовавшейся тогда технологии обогащения Ангарский комбинат должен был потреблять гигантский объем электроэнергии, поэтому за ним сразу зарезервировали половину мощностей Иркутской ГЭС, а затем — для повышения устойчивости электроснабжения — построили крупнейшую в регионе ТЭЦ-10. Но только с вводом в строй Братской ГЭС и ЛЭП-500, для чего специально форсировали их строительство, комбинат получил должную электроэнергетическую базу¹⁸. На момент пуска в 1963 г. его установленная мощность была рассчитана на использование 4 % всей производимой в СССР электроэнергии¹⁹.

К этому времени первенец разделительного производства — Уральский электрохимический комбинат — потреблял уже более 3 % вырабатываемой в стране электроэнергии²⁰. Если к ним добавить Красноярский (Зеленогорский) электрохимический завод (его первая очередь была введена в эксплуатацию в 1962 г.) и Сибирский химический комбинат (вошел в строй в середине 1950-х гг.), то предприятия по обогащению урана поглощали не менее 10 % ее общего объема.

Другой пример связан с созданием второго советского ядерно-оружейного научно-исследовательского и конструкторского центра НИИ-1011. Он строился в те же годы, что и новосибирский Академгородок с его 14 институтами, университетом, опытным заводом и жильем на 30 тыс. чел.²¹, и затраты на возведение объектов этих двух центров были вполне сопоставимы.

---

¹⁷ «Одним словом, картина неприглядная». В Президиум ЦК КПСС. О поездке по Дальнему Востоку и Сахалину. 2 ноября 1954 г. // Источник : Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 26.

¹⁸ Письмо В. А. Малышева, Б. Л. Ванникова и Е. П. Славского Г. М. Маленкову о строительстве новых и расширении мощностей действующих диффузионных заводов. 30 дек. 1953 // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. М., Саров, 2003. Т. 2, кн. 5. С. 803–805; Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 576–579; Оружие и технологии России. XXI век. Ядерный оружейный комплекс / под общ. ред. С. Иванова. М., 2007. С. 334–335.

¹⁹ Шопен В. П. Комбинат № 820 // Наука из первых рук. 2007. № 5. С. 29.

²⁰ Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Новоуральск, 1999. С. 72, 81.

²¹ См.: Российская академия наук СССР. Сибирское отделение : ист. очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. Новосибирск, 2007.

Еще более впечатляющая картина наблюдалась в темпах развития ракетно-космической отрасли. По сути, в годы семилетки завершилось создание ее основных предприятий и организаций. Это потребовало огромных капиталовложений, которые, по всей видимости, сравнялись с объемом средств, выделявшихся атомной промышленности. В результате по состоянию на начало 1965 г. разработкой ракетно-космической техники уже занималось 65 научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских организаций, в которых работало свыше 100 тыс. чел., а численность персонала головных предприятий ракетно-космической индустрии превысила 350 тыс. чел. Они располагали 4,8 млн м² производственных площадей и использовали более 50 тыс. единиц только металлорежущего оборудования²².

Нужно также учитывать, что создание ракетной техники требовало огромного количества крайне дефицитных конструктивных материалов, электронных приборов, специального топлива и т. д. И потребность в них удовлетворялась в ущерб всем другим нуждам, прежде всего гражданским отраслям промышленности. Благодаря вводу в строй новых конструкторско-производственных мощностей и подключению к ракетной программе многочисленных исполнителей смежных отраслей производства удалось наладить крупносерийный выпуск восьми стратегических ракетных комплексов стационарного базирования первого и второго поколений, трех комплексов баллистических ракет подводных лодок первого поколения. Одновременно приступили к разработке и испытаниям межконтинентальных баллистических ракет третьего поколения, баллистических ракет подводных лодок второго поколения, средств противоракетной обороны²³. По имеющимся оценкам, поставки ракетной техники в 1958–1965 гг. выросли в денежном выражении почти в девять раз и к концу периода на них приходилось более половины объема военной продукции, переданной Министерству

---

²² Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. С. 332–333.

²³ Оценка по: Оружие и технологии России. Энциклопедия XXI век / под общ. ред. И. Сергеева. М., 2000. Т. 1. Стратегические ядерные силы. С. 48–81, 174–193.

обороны (без учета ядерного оружия). По другим данным, за годы семилетки Советской армии было поставлено 2 959 баллистических ракет стратегического назначения, в том числе 717 межконтинентальных и 2 382 средней дальности (без учета поставок 1964 г.)²⁴. Таких масштабов наращивания стратегических ракетно-ядерных сил не наблюдалось вплоть до окончания «советского века».

Но и обычные виды и рода войск не были забыты. Военные продолжали настаивать на сбалансированном развитии Вооруженных сил. Выступая на XX съезде партии, министр обороны Г. К. Жуков утверждал, что будущая война будет характеризоваться «применением... различных средств массового поражения, таких как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое оружие. Однако мы исходим из того, что новейшее оружие... не умаляет решающего значения сухопутных армий, военно-морского флота и авиации... без хорошо организованного их взаимодействия успешно вести современную войну нельзя»²⁵.

Эту позицию продолжал отстаивать сменивший Жукова на посту министра обороны Р. Я. Малиновский. Выступая на XXII съезде партии, он заявил: «если мировая война будет развязана империалистическими агрессорами», то она «неизбежно примет характер ракетно-ядерной войны». Поэтому советская военная доктрина предусматривает нанесение «сокрушительных ядерных ударов по группировкам вооруженных сил противника», по его «промышленным и жизненным центрам, узлам коммуникаций». Но «окончательная победа» может быть достигнута только «многомиллионной» армией «в результате совместных действий всех видов вооруженных сил». Он также подчеркивал, что наращивание их наступательных возможностей актуально и в связи со стремлением «правящих кругов Запада» к достижению «своих частных агрессивных целей

---

²⁴ Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста. С. 372; Становление ракетной мощи страны. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док. в 3 кн. / сост. В. И. Ивкин, Г. А. Сухина, М. Уль. М., 2019. Кн. 1. (1960–1961 гг.). С. 20.

²⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февр. 1956 года : стеногр. отчет. М., 1956. Т. 1. С. 481–482.

путем ведения локальных войн». Вот почему «мы уделяем должное внимание совершенствованию всех видов оружия...»²⁶

Такой подход, по сути, означал установку на создание армии, способной победить в любом конфликте с использованием как ядерных, так и только обычных средств вооруженной борьбы²⁷. Эта идея была зафиксирована в советской военной доктрине. С одной стороны, в ней декларировалось, что основу Советской армии должны «составлять ракетные войска стратегического назначения». С другой, утверждалось: «Не может быть никаких сомнений в том, что будущая война будет вестись массовыми многомиллионными вооруженными силами». Правда, оговаривалась невозможность их содержания «полностью развернутыми в мирных условиях», поскольку такой нагрузки не в состоянии выдержать «ни одно даже очень крепкое в экономическом отношении государство»²⁸. Но это принципиально ничего не меняло в подходе к строительству Вооруженных сил. Так, у командования армии и руководителей ВПК появился весомый аргумент в отстаивании планов наращивания мощи всех родов войск.

Продвижению планов безудержного наращивания военной мощи способствовал принятый порядок утверждения программ разработки и производства новых систем вооружения. Соответствующие предложения готовились в недрах отраслевых госкомитетов, военно-промышленной комиссии Совмина СССР и Совета обороны с привлечением «заинтересованных лиц»: генеральных и главных конструкторов, руководителей головных оборонных предприятий, представителей командования вооруженных сил. Эти структуры последовательно отстаивали позиции многочисленной авторитетной части правящей элиты — военных, хозяйственников, ученых, кровно заинтересованных в наращивании военно-промышленной мощи.

---

²⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стеногр. отчет. М., 1962. Т. 2. С. 108–121.

²⁷ Кокошин А. А. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991 годы. М., 1995. С. 149–151.

²⁸ Военная стратегия / под ред. В. Д. Соколовского. М., 1962. С. 300.

Позже Хрущев так рефлексировал по поводу противодействия своим намерениям ограничить военные расходы: «у нас существуют люди, которые заинтересованы в росте вооружений. Они могут толкать правительство в неверном направлении. Тут прежде всего военные, желающие командовать армиями большого состава. Они вовсю доказывают правительству, что противная сторона обладает, дескать, таким оружием, которого нет у нас и которое нам жизненно необходимо. Нельзя поддаваться их влиянию, правительство само должно определять военную политику. Затем с такими людьми тесно связаны те, кто производит оружие. Говоря общепринятыми словами, военно-промышленный комплекс. Третья группа лиц такого рода — часть общества, которая поддается на демагогическую пропаганду и начинает давить на правительство в том же направлении»²⁹.

Противостоять такой неформальной коалиции было трудно, поэтому подготовленные решения о развертывании новых систем вооружения принимались фактически без какой-либо перепроверки и оформлялись в виде постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР. Правда, когда Хрущева снимали со всех постов, на него возложили вину за утрату контроля над деятельностью военно-промышленного комплекса. По заявлению А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного, члены Президиума ЦК не имели представления, что «там делается». «Не знал» и сам Хрущев, «монополизировавший решение военных вопросов»³⁰. Думается, однако, что за такими заявлениями крылось желание уйти от ответственности. Дело в том, что принятие решений о запуске все новых программ вооружения и соответствующем расширении материально-технической базы их производства мотивировалось необходимостью укрепления военно-стратегической безопасности. Учитывая «единодушное» стремление высшего руководства радикально упрочить позиции Советского Союза на международной арене, оспаривать их никто не осмеливался.

²⁹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 496.

³⁰ Рабочая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС. 13–14 октября 1964 г. // Никита Хрущев. 1964 : стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / сост. А. Н. Артизов, В. П. Наумов, М. Ю. Прокуменчиков и др. М., 2007. С. 225.

Судя по всему, сам Хрущев в общем осознал, что рост оборонных расходов выходит из-под контроля. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в мае 1962 г., он говорил: «Для обороны мы лишнего дали». И потребовал от Ф. Р. Козлова, А. Н. Косыгина, Р. Я. Малиновского «реально пересчитать» и «сократить» намеченные военные расходы в последние годы семилетки, а высвободившиеся средства направить на другие нужды³¹. Такие заявления Хрущев делал неоднократно. Уже в самом конце своего пребывания у власти на расширенном заседании Президиума Совета министров в июле 1964 г. он потребовал пересмотреть разработанные Госпланом наметки на ближайшие пять лет. По его мнению, уж коль программа КПСС обещает в ближайшем будущем построить коммунизм, то нужно взять решительный курс на техническое перевооружение производства, насыщение потребительского рынка товарами, развитие сельского хозяйства и не давать никому «покушаться» на выделенные на это средства. Правда, он оговаривался, что к «вопросам обороны» нельзя «ослаблять внимание». Но все выступление Хрущева было пронизано идеей разворота экономики «лицом к человеку», повышения благосостояния советских людей³². На практике, однако, такой маневр ему не удалось осуществить.

Конечно, Хрущев, чтобы сэкономить на вооружении, мог волевым решением блокировать создание каких-то новых систем. Это распространялось даже на оснащение вооруженных сил отдельными видами ядерного оружия. В качестве примера можно назвать приостановку программы разработки ядерных артиллерийских боеприпасов, весьма затратной, но, по мнению Хрущева, избыточной с точки зрения укрепления обороноспособности страны³³. Однако подобные решения не могли переломить тенденцию к стремитель-

---

³¹ Стенографическая запись заседания президиума ЦК КПСС по вопросу «О корректировках заданий контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на оставшийся период семилетки (1963–1965 гг.)». 31 мая 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 560.

³² Никита Хрущев. 1964. С. 69–79.

³³ См.: Литвинов Б. В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006. С. 333–338.

ному наращиванию военной мощи, они лишь способствовали росту недовольства военных, и так с большим трудом мирившихся с планами Хрущева по реформированию армии. В результате даже в условиях сокращения численности традиционных видов и родов войск производство обычных вооружений для них продолжало наращиваться ударными темпами. За годы семилетки объемы его поступления в войска выросли на 70 %, в то время как за семь предшествующих лет — менее чем на 10 %³⁴.

Это, соответственно, сопровождалось аналогичным ростом вложений в оборонную промышленность. В результате из-за недостатка средств пришлось «передвинуть вправо» или вовсе отложить выполнение ряда инвестиционных проектов. По сути, оказались сорваны все проектировки «сдвига» производства в восточные районы страны. Не помогло даже исключение из их списка Урала как «старопромышленного района». Теперь в предплановых расчетах страна членилась на Европейскую часть вместе с Уралом, Казахстан и Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток³⁵, и только две последние макрзоны отождествлялись с территориями «интенсивного хозяйственного освоения». Но их «ускоренное» «комплексное» развитие все равно не состоялось. В 1955–1965 гг. удельный вес Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии в общесоюзном выпуске промышленной продукции практически не увеличился (15,3 и 16,5 % соответственно)³⁶. Причем темпы развития производства удавалось вытягивать на уровень, близкий к среднесоюзному, за счет наращивания добычи и первичной переработки полезных ископаемых, а также оборонной промышленности (прежде всего атомной и ракетной). Другие же отрасли оказались обречены на стагнацию. Одновременно пришлось откорректировать в сторону уменьшения объема строительства жилья, объектов культурно-бытового назначения, здравоохранения и т. д.

³⁴ Оценка по: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики. С. 261–263.

³⁵ Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма / отв. ред. Н. Н. Некрасов. М., 1980. С. 19.

³⁶ Оценка по: Валовая продукция всей промышленности по экономическим районам // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 68.

Однако ограничение расходов на развитие гражданских отраслей производства и социальную инфраструктуру не сняло напряжения, связанного с недостатком средств и строительных мощностей. В итоге растущие вложения в оборонную промышленность обернулись увеличением объема незавершенного строительства. По данным председателя Госплана СССР П. Ф. Ломако, к концу 1963 г. он вырос по сравнению с 1958 г. на 53 %, в то время как общий объем капиталовложений в народное хозяйство — на 42 %³⁷. Такое омертвление средств разбалансировало кредитно-финансовую систему и денежное обращение. Чтобы поправить положение, пришлось пойти на снижение дотаций сельскому хозяйству, разовое повышение почти на треть розничных цен на продукцию животноводства в 1962 г., «ползучее» снижение норм выработки при начислении заработной платы. Это наглядно противоречило всем планам «неуклонного» повышения жизненного уровня населения на «этапе коммунистического строительства».

Тем не менее, в годы семилетки был сделан важный шаг в наращивании производственного потенциала страны. Согласно отчетным данным, национальный доход увеличился на 58 %, что в общем соответствовало плановым заданиям. Правда, в развитии сельского хозяйства наблюдался катастрофический провал: рост производства составил всего 14 % вместо запланированного увеличения в 1,7 раза. Это разительно отличалось от его увеличения в предшествующие годы, имевшего место после смерти И. В. Сталина. В результате производство сельхозпродукции на душу населения, согласно оценкам ЦРУ США, в 1965 г. было меньше, чем в 1958 г.³⁸ Однако провал сельского хозяйства при расчете национального дохода компенсировал опережающий выпуск промышленной продукции: на 84 % при плане 80 %³⁹.

---

³⁷ Замечания товарища Н. С. Хрущева и членов Президиума ЦК КПСС при обсуждении на заседании Президиума ЦК. Сообщение председателя Госплана СССР т. Ломако о проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1964–1965 гг. 10 ноября 1963 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 764.

³⁸ *Noren J.* CIA's Analysis of the Soviet Economy. [Б. пар.].

³⁹ Развитие народного хозяйства за последние семь лет и выполнение семилетнего плана // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 910. Л. 3.

Позитивные сдвиги наблюдались в большинстве базовых отраслей промышленности: высокие темпы роста демонстрировали химическая, в особенности нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия. Динамично развивалось инвестиционное машиностроение, прежде всего такие его подотрасли, как транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, производство подъемно-транспортных строительных, дорожных машин и оборудования. Быстро росло производство товаров культурно-бытового назначения: радиоприемников, телевизоров, бытовых холодильников, стиральных машин и др. Но в таких отраслях производства, как легкая и пищевая промышленность, успехи были гораздо скромней, и это обостряло проблему дефицита потребительских и продовольственных товаров.

Как и следовало ожидать, особенно высокими темпами наращивалось производство новейших видов вооружения. По масштабам производства и качеству продукции советский военно-промышленный комплекс уверенно догонял свой западный аналог. Быстро сокращался разрыв в производстве ядерных зарядов и средств их доставки. Эти отрасли промышленности находились на самых передовых позициях и развивались уже на собственной научно-технической базе. В отдельных случаях наработанные там технологии, научные достижения и конструкторские решения использовались и в мирных целях. Так, на основе опыта работы двухцелевых реакторов (сочетающих производство электроэнергии и наработку «ядерной взрывчатки» — плутония) правительство приняло программу строительства АЭС на 1959–1965 гг., и к концу этого периода были введены в эксплуатацию первые энергоблоки на Белоярской и Нововоронежской АЭС⁴⁰. Технологии, наработанные при создании производства дейтерида лития для термоядерных зарядов, нашли применение в организации выпуска широкой номенклатуры стабильных изотопов различных элементов. Созданная тогда специальная подотрасль атомной индустрии — изотопная промышленность — не только удовлетворяла потребности отече-

⁴⁰ История взаимодействия ядерной энергии и общества в России / Н. В. Мельникова, Е. Т. Артемов, А. Э. Бедель и др. Екатеринбург, 2018. С. 10–11.

венной науки, техники, производства, но и в значительном объеме поставляла свою продукцию на экспорт⁴¹.

Успехи в создании межконтинентальных баллистических ракет легли в основу программы освоения космического пространства. Были созданы мощные ракеты-носители для вывода в космос пилотируемых кораблей и искусственных спутников Земли для решения как оборонных, так и народно-хозяйственных задач, для проведения широкого спектра исследований⁴². Опыт развития военной авиации активно использовался при разработке гражданских реактивных и турбовинтовых самолетов. Их запуск в крупносерийное производство положил начало революции в перевозках пассажиров на дальние расстояния. Предприятия, специализировавшиеся на выпуске радиоэлектронного вооружения, ракетной техники, освоили производство потребительских товаров длительного пользования: радиоприемников, телевизоров, холодильников. Оборонная промышленность продолжала оставаться важным поставщиком отдельных видов машин и оборудования, находивших применение в различных отраслях народного хозяйства.

Но все же вклад военно-промышленного комплекса в ускорение развития экономики был ниже, чем ожидалось. На словах максимальное использование его возможностей для повышения технико-технологического уровня гражданских отраслей производства считалось приоритетной задачей. На практике же так и не удалось подойти к ее решению системно и организовать этот процесс в автоматическом режиме. Мешали опасения, что акцентирование внимания на проблеме трансфера негативно скажется на основной деятельности оборонных организаций и предприятий. Зачастую даже инициативы оборонщиков об использовании их потенциала в мирных целях не находили должной поддержки.

---

⁴¹ Атомные города Урала. Город Лесной : энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН В. В. Алексеева, акад. РАН Г. Н. Рыкованова ; отв. ред. Н. В. Мельникова, С. А. Ясков. Екатеринбург, 2012. С. 11–12.

⁴² Батури́н Ю. Первая космическая инициатива в государственных документах 1946–1964 гг. // Советская космическая инициатива в государственных документах / под ред Ю. М. Батурина. М., 2002. С. 19–27.

Так, в частности, произошло с предложением НИИ-1011 о создании на его базе комплекса научных и образовательных организаций широкого профиля. Опираясь на задел, наработанный в ходе создания ядерного оружия, их сотрудники должны были сосредоточиться на проведении фундаментальных физических исследований, а также на практическом применении их результатов, подготовке высококвалифицированных кадров. Авторами этой идеи были научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011 член-корреспондент АН СССР К. И. Щелкин, будущие академики Е. И. Забабахин, Н. Н. Яненко и другие ведущие сотрудники института. В мае 1960 г. со своим предложением они обратились непосредственно к Н. С. Хрущеву, но оно не нашло поддержки в «инстанции».

По всей видимости, такое отношение определялось позицией Минсредмаша. Его руководство считало, что возложение на НИИ-1011 задач, непосредственно не связанных с созданием оружия, «размывает» тематику института и в конечном счете негативно скажется на выполнении министерством оборонных программ⁴³. Правда, НИИ-1011 все же разрешили продолжить строительство сильноточного линейного ускорителя, который предназначался как для наработки трансурановых элементов в промышленных масштабах (так называемая мезонная фабрика), так и для проведения фундаментальных ядерно-физических исследований (проблемы управляемого термоядерного синтеза и т. д.). Однако в 1966 г. и эти работы приказом по Минсредмашу были прекращены как «не лежащие в русле» основной тематики института⁴⁴.

---

⁴³ Артемов Е. Т., Волошин Н. П. и др. «В целях усиления работ»: документы и комментарии // Урал. ист. вестн. 2008. № 3 (20). С. 55–58.

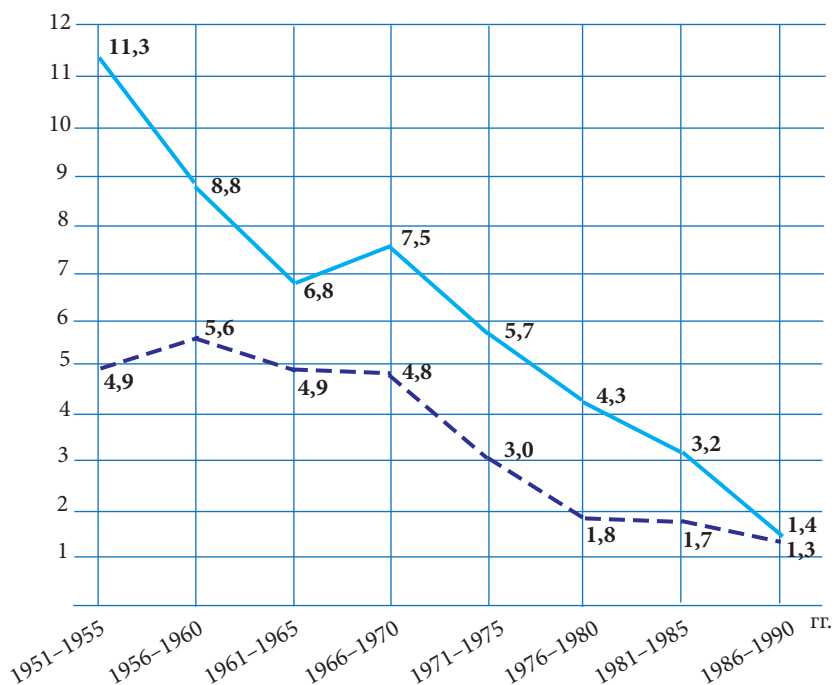
⁴⁴ Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский Федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики (РФЯЦ–ВНИИТФ) имени академика Е. И. Забахина» // Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Г. Н. Рыкованов, Е. Н. Аврорин, Е. Т. Артемов и др. Екатеринбург, 2009. С. 9, 10; Ядерное оружие России: биограф. энцикл. М., 2012. С. 593.

И все же несмотря на трудности в повышении технико-технологического уровня производств, на невыполнение отдельными отраслями плановых заданий в годы семилетки в целом экономика развивалась весьма высокими темпами. Проблема же заключалась в другом. Во-первых, экономический рост был меньше, чем предусматривалось долгосрочными планами, и, во-вторых, он имел явно выраженную тенденцию к замедлению. Согласно данным, подготовленным к октябрьскому (1964 г.) пленуму ЦК, если ежегодный прирост национального дохода в 1953–1956 гг. составлял 12,0 %, то в 1959–1962 гг. он опустился до 6,9, а в 1963 г. вообще упал до 4 %⁴⁵. Зарубежные аналитические центры также фиксировали замедление темпов экономического роста с конца 1950-х гг. По их данным, в 1963 г. наблюдалось даже абсолютное падение валового национального продукта⁴⁶. Правда, если говорить о 1960-х гг. в целом, то картина не выглядела столь мрачно. Благодаря сглаживанию последствий катастрофического неурожая 1962 г. к 1965 г. удалось восполнить понесенные потери. Положительную роль сыграли меры пришедшего на смену Хрущеву нового руководства страны. Оно ограничило рост военных расходов, выделило дополнительные ресурсы сельскому хозяйству, отраслям промышленности, работавшим на потребительский рынок. Одновременно состоялся возврат к «проверенному» принципу управления производством через министерства и ведомства, дополненный попытками повысить материальную заинтересованность субъектов хозяйствования в результатах своей деятельности. Но стабилизация оказалась непродолжительной. С начала 1970-х гг. страна «уверенно» вошла в полосу снижения темпов экономического роста, наметившегося на рубеже предшествующего десятилетия. Об этом свидетельствуют как данные советской статистики, так и альтернативные расчеты (рис. 1).

---

⁴⁵ Никита Хрущев. 1964... С. 185–186; 192–193.

⁴⁶ Кудров В. Н. Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки // *Вопр. экономики*. 1996. № 10. С. 106; Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М., 2008. Прил. Рост российского и советского ВВП (1860, 1913, 1917–1991 годы) и сравнение некоторых параметров с американскими. С. 779 и др.

Ежегодный прирост, %:

— национальный доход (официальная статистика);

- - ВВП (по данным ЦРУ США в ценах 1982 г.)

Рис. 1. Динамика экономического развития СССР по пятилеткам⁴⁷

В современной историографии такое замедление темпов экономического роста объясняется по-разному. Одни исследователи считают, что дело заключалось в «фундаментальных дефектах» советской экономической системы, в изначальной предопределенности

⁴⁷ Сост. по: Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997. С. 15, 16, 141; Научно-технический прогресс в СССР : стат. сб. М., 1990. С. 5.

ее печального финала⁴⁸. Другие не принимают такое объяснение на веру и акцентируют внимание на анализе реальных процессов. На этом основании, в частности, делается вывод, что причина замедления темпов развития на рубеже 1950–1960 гг. заключалась в низком уровне «компетенции правящей элиты», оказавшейся не способной правильно определить приоритеты экономической политики и провести назревшие преобразования управленческих механизмов, а также в снижении качества хозяйственного руководства⁴⁹.

Несомненно, субъективный фактор многое объясняет. Но все же первопричиной затухания темпов экономического развития следует считать замедление роста основных производственных фондов. Эту тенденцию подметили еще в советское время⁵⁰. Правда, почему так произошло, не разъяснялось. Думается, что важную роль здесь сыграл опережающий по сравнению с развитием экономики рост расходов на наращивание военной мощи, вызванный стремлением несмотря ни на что упрочить политические позиции страны на международной арене. По оценкам американских аналитиков, ежегодный прирост военных расходов в первой половине 1960-х гг. составлял 7,6 %⁵¹. Это было заметно выше темпов увеличения валового внутреннего продукта, что неизбежно ограничивало возможности наращивания производственного потенциала.

Положение усугубляло начало массового выбытия оборудования, поступившего по ленд-лизу и репарациям, а аналогичные источники его получения отсутствовали, в результате произошло

---

⁴⁸ См.: *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночные трансформации бывшего советского блока. М., 2007. С. 78–79; *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. С. 19.

⁴⁹ *Ханин Г. И.* Экономическая история России в Новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 172–174; *Шестаков А.* Социально-экономическое развитие СССР в период хрущевской оттепели // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. Вып. 1. М., 2010. С. 245–254.

⁵⁰ *Яременко Ю. В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ : избр. тр. : в 3 кн. М., 1999. Кн. 3. С. 378.

⁵¹ *Быстрова И. В.* Советский военный потенциал периода холодной войны в американских оценках // Отеч. ист. 2004. № 2. С. 139.

замедление темпов роста основных фондов. В 1959–1965 гг. их ввели в действие (народному хозяйству в целом) в два раза больше, чем в предшествующие семилетки. Но в 1952–1958 гг. аналогичное увеличение составило 2,5 раза⁵². Отсюда трудности с выполнением амбициозных планов проведения структурной перестройки и технического перевооружения производства, опережающего развития его наиболее прогрессивных отраслей.

Нужно, однако, заметить, что не все исследователи разделяют такую оценку. По расчетам Г. А. Ханина, в 1961–1965 гг. среднегодовой темп прироста основных производственных фондов составил 4,2 % по сравнению с 5,4 % в 1950-е гг. Такое снижение не выглядит катастрофическим, тем более что, по его оценкам, вложения в инвестиционное машиностроение шли по нарастающей, поэтому о каком-то пренебрежении наращиванием производственного потенциала с точки зрения выделяемых ресурсов говорить не приходится⁵³. Эти расчеты основываются на данных официальной статистики. Однако в силу специфики учета расходов на наращивание военно-промышленного потенциала она завышала объем капитальных вложений в развитие машиностроительного комплекса. В частности, к нему относились все затраты на атомную индустрию, включая создание новых мощностей по добыче и обогащению ураносодержащего сырья, производству «ядерной взрывчатки», серийному выпуску «изделий», развитию ядерной инфраструктуры (складов и баз хранения ядерных боеприпасов, их подготовку к боевому применению и т. д.). Возможно, что так же обстояло дело с расходами на организацию и развертывание баллистических ракет стратегического назначения (включая строительство шахтных пусковых установок). Сегодня оценить все эти затраты не представляется возможным. Но очевидно одно: специфика их учета существенно искажала картину вложений в развитие того же инвестиционного машиностроения.

---

⁵² Развитие народного хозяйства за последние семь лет и выполнение семилетнего плана // РГАЭ. Ф. 1652. Оп. 41. Д. 946. Л. 17.

⁵³ Ханин Г. А. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 176, 193.

Замедление прироста основных производственных фондов совпало с ухудшением их использования. По имеющимся оценкам, в 1965 г. выпуск продукции на 1 руб. основных фондов составлял 86,3 % в сравнении с 1955 г.⁵⁴ В результате темпы экономического роста ставились в прямую зависимость от объема вовлечения в производственные процессы материальных ресурсов и соответствующего увеличения численности рабочей силы, и это происходило несмотря на все декларации о необходимости перехода на интенсивный путь развития. Но реализовать на практике соответствующие намерения никак не удавалось, доля интенсивных факторов в приросте национального дохода оставалась на весьма низком уровне. По данным научно-исследовательского института при Госплане СССР, она в 1961–1965 гг. составила всего 34 %⁵⁵. По другим данным, лишь 62 % прироста промышленной продукции обеспечили повышение производительности труда, остальное было получено за счет увеличения численности занятых⁵⁶. Ее прирост заметно отставал от увеличения фондовооруженности труда. К тому же вводимое в эксплуатацию новое оборудование не обеспечивало снижение материалоемкости продукции, что являлось мировым трендом⁵⁷. Все это позволяет говорить об экстенсивном характере развития экономики. Однако этот путь не имел перспектив. Для поддержания хотя бы достигнутых темпов роста требовалось существенное расширение использования труда, капитала, сырьевых ресурсов, которые нигде было взять. Даже отказ от опережающего повышения материального благосостояния населения и фактическое сокращение программы развития социальной инфраструктуры не решали проблемы.

Из сложившейся ситуации был только один выход — повышение роли интенсивных факторов развития экономики, прежде всего за счет ускорения научно-технического прогресса. Однако и здесь

---

⁵⁴ Очерки экономических реформ / отв. ред. Ю. Ф. Воробьев. М., 1993. С. 196.

⁵⁵ Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе. С. 193.

⁵⁶ Ульянова О. А. Исторические предпосылки экономических реформ национальной экономики во второй половине XX века // Вестн. РГГУ. Сер.: Экономические науки. 2011. № 10 (72). С. 40.

⁵⁷ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. С. 192–196.

складывалась далеко не радужная картина. Вместо повышения темпов технологического обновления производства во всех отраслях народного хозяйства наблюдались признаки его торможения по ряду ключевых направлений. Эта ситуация заметно отличалась от того, что происходило на Западе: там с начала 1950-х гг. шло активное формирование новой технологической базы экономики. Оно проявлялось в опережающем развитии сектора услуг, увеличении скорости внедрения в производство научных достижений и прогрессивных технологий, повышении его гибкости, способности быстро реагировать на общественные запросы и растущие потребности людей в товарах и услугах⁵⁸.

На этом фоне снижение темпов технического перевооружения советской экономики воспринималось особенно болезненно. Пути решения проблемы обсуждались на июньском (1959 г.) и июльском (1960 г.) пленумах ЦК КПСС. Но все свелось к традиционным мерам — «улучшению» методов планирования научно-технического прогресса, «упорядочиванию» кооперационных связей промышленных предприятий, взаимодействию науки и производства и т. д. Рассчитывали, что это сразу же даст результат, однако ничего подобного не наблюдалось. Амбициозные планы освоения прогрессивных технологий, повышения качества производимой продукции, внедрения новой техники, механизации и автоматизации производства выполнялись наполовину или немногим больше. Есть данные, что в первой половине 1960-х гг. на заводе имени Лихачева — лидере автомобильной промышленности СССР — около 2 тыс. станков имели износ свыше 50 %, и их ремонт был экономически нецелесообразен. В металлургии свыше 30 % прокатных станов имели возраст 30–50 лет при сроке амортизации в 25 лет. На таких крупнейших предприятиях, как Кировский, Ижорский, Металлический заводы, только 29 % оборудования имело износ до 20 %; 57 % — от 21 до 60 %, а 14 % — свыше 60 %. Но особенно высоким был удельный вес устаревшего оборудования в легкой промышленности, где он достигал 50 %⁵⁹.

⁵⁸ Гайдар Е. Т. Долгое время. С. 70–71.

⁵⁹ О путях повышения экономической эффективности общественного производства : докл. Президиума Акад. наук СССР // Архив РАН. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51; Ваксер А. Бумеранг репараций // Аргументы и факты. № 20. 17 мая. 1994.

Причина срыва планов повышения темпов технического прогресса привычно объяснялась субъективными факторами. Выступая на ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК, Н. С. Хрущев заявил: «Только крупными недостатками управления научно-техническими делами в народном хозяйстве можно объяснить факты медлительности во внедрении достижений науки и техники»⁶⁰. Вину за это он возлагал на «хозяйственников-бюрократов», не способных «по-государственному» подойти к решению проблемы «внедрения», и на ученых, не желавших заниматься практическими делами. Под стать такому анализу предлагался выход из сложившейся ситуации. С одной стороны, повторялось дежурное требование повысить ответственность руководителей за надлежащее выполнение возложенных на них обязанностей. А с другой — был допущен отход от базовых принципов политики достижения технико-экономической независимости страны.

По ряду приоритетных направлений техническое перевооружение производства стало связываться с массированным импортом технологий и оборудования. Так, ему стала отводиться ключевая роль в «химизации народного хозяйства», объявленной в то время задачей первостепенной важности. При обсуждении планов развития экономики на вторую половину 1960-х гг. Хрущев мотивировал это следующим образом: импортное оборудование должно стать «уровнем для наших научных институтов... А сейчас наши ученые еще семь лет будут догонять сегодняшний уровень Запада. А ведь за это время Запад уйдет еще дальше!»⁶¹

Низкие темпы технологического обновления производства во многом объяснялись безусловной приоритетностью военно-промышленного комплекса, поглощавшего непропорционально большую долю средств, предназначенных для целей развития. В большинстве западных экономик его развитию также уделялось повышенное

---

⁶⁰ Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19–23 ноября 1962 г. : стеногр. отчет. М., 1963. С. 30.

⁶¹ «Мы находимся на рубеже славы или позора» : замечания Н. С. Хрущева к записке о проекте Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // Источник. 2003. № 6. С. 184, 185.

внимание, но там удалось обеспечить массовый трансфер научно-технических достижений из «оборонки» в гражданскую экономику, в том числе в ее отрасли, работавшие на потребительский рынок. В Советском Союзе, несмотря на отдельные выдающиеся примеры, масштабы этого процесса были заметно скромней: сказывалось упрочение барьеров между приоритетным оборонным сектором производства и другими отраслями, развитие которых фактически осуществлялось в соответствии с остаточным принципом.

Положение усугубляла избранная стратегия наращивания производственных мощностей: оно в основном велось за счет нового строительства. Действовавшие же предприятия в отношении технического перевооружения производства находились на «голодном пайке». Да и их руководители зачастую не видели в этом смысла. Для них главным являлось выполнение плановых заданий, в соответствии с которым оценивалась деятельность предприятия. Сам же процесс перестройки производства на новой технической основе был длительным и сложным. А поскольку со сбытом продукции проблем не возникало, то проще было добиваться учета в плановых заданиях фактической себестоимости производства, чем его снижения за счет технического перевооружения. Даже полное выбытие из строя устаревшего, превратившегося в лом оборудования не являлось основанием для его замены. В результате более совершенное оборудование вводилось в строй только при создании новых предприятий или невозможности ремонта старых технических средств⁶².

В особенно незавидном положении оказалось сельское хозяйство. Первоочередное внимание к оборонной промышленности и омертвление огромных средств в незавершенном строительстве не позволяли приступить к его переоснащению новой техникой и оборудованием. Это усугубляло трудности в обеспечении населения продовольственными товарами. Чтобы как-то стабилизировать продовольственное снабжение населения, даже пришлось прибегнуть к масштабным закупкам зерна за рубежом: в 1964 г.

---

⁶² Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 171, 172.

импорт зерна в СССР впервые более чем в два раза превысил экспорт и составил 7,2 млн т⁶³.

Казалось бы, расхождение между перспективными планами и реальностью должно было подвигнуть хрущевское руководство на перестройку хозяйственного механизма, и действительно такая попытка была предпринята. В 1962 г. началась широкая экономическая дискуссия о хозрасчете, о допущении в экономике отдельных элементов рыночных отношений, обсуждались пути «совершенствования планирования» и «усиления стимулирования» производственной и трудовой деятельности. Но развиваемые идеи не выходили за рамки базовых принципов экономики административно-распределительного типа. Товарно-денежные отношения допускались лишь в выхолощенном виде. Конкуренция как способ мотивации производителей, повышения уровня технико-технологического уровня производства, качества выпускаемой продукции отрицалась.

Правда, на практике она в исключительных случаях, прежде всего в военно-промышленном комплексе, все же допускалась, но носила весьма специфический характер. По сути, это была конкуренция администраторов. В сталинское время она являлась скорее борьбой руководителей различного ранга за выживание⁶⁴. Попытка же заместить угрозу репрессий призывами и лозунгами, предпринятая в ходе хрущевской либерализации, оказалась несостоятельной, без жесткого административного нажима и чрезвычайных мер они не срабатывали. Возникает ощущение, что и сам Н. С. Хрущев, и его ближайшее окружение не только не были способны оценить специфику современного им этапа развития, но и не понимали, как устроена командная экономика вообще, каковы ее сильные и слабые стороны. Отсюда переоценка роли моральных принципов и идеологем в качестве стимулов производственной и трудовой деятельности.

⁶³ Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М., 1997. С. 168.

⁶⁴ См.: Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО : всерос. экон. журн. 2019. № 7. С. 156–172.

Объективные трудности в экономическом развитии страны усугубились перманентными непродуманными организационными перестройками, инициированными Н. С. Хрущевым. Это восстановило против него большинство партийных иерархов. В их глазах он стал фигурой, на которую можно было списать все трудности. На состоявшемся в октябре 1964 г. пленуме ЦК Хрущева обвинили в «некомпетентности», «зазнайстве», «волюнтаризме», «непартийных методах работы» и т. п. «прегрешениях». Утверждалось, что эти его качества привели «к ряду крупных ошибок» в осуществлении «генеральной линии партии» и стали главной причиной переживавшихся экономикой трудностей, к «небывалому в истории ее развития снижению темпов прироста». И он был отправлен в отставку⁶⁵. Но в общем новое руководство страны хорошо понимало, что сама «генеральная линия партии» нуждается в корректировке, и уже в конце 1964 г. Академии наук в лице ее президента М. В. Келдыша было поручено проанализировать сложившуюся в экономике ситуацию.

Итогом этой работы стал доклад, подготовленный ведущими учеными страны. В нем назывался целый ряд системных проблем, мешавших поступательному развитию экономики. Первая — резкое отставание в развитии сельского хозяйства и производства предметов народного потребления. Вторая — низкий удельный вес прогрессивных отраслей в структуре производства. Третья — замедление темпов технического прогресса и освоения новой техники, серьезные недостатки в использовании основных фондов, большой удельный вес устаревшего оборудования, высокая материалоемкость производства, недостаточное развитие его отраслей, обеспечивающих рост качества материалов и готовых изделий. Четвертая — плохая организация капитального строительства, приводящая к замораживанию огромных средств. Пятая — неэффективное использование трудовых ресурсов, наличие избыточной рабочей силы на предприятиях. Шестая — слабое использование экономических стимулов и рычагов для повышения производи-

---

⁶⁵ Никита Хрущев. 1964. С. 185–186, 217–231, 239–252, 255–267.

тельности труда. Седьмая — крупные недостатки в организации планирования и управления народным хозяйством⁶⁶. Как видно из резюмирующего фрагмента данной экспертной оценки, эти проблемы мало чем отличались от тех, что назывались при обосновании совнархозовской реформы.

Высшее политическое руководство соглашалось с таким выводом. На состоявшемся в сентябре 1965 г. пленуме ЦК КПСС было заявлено, что управление промышленностью через совнархозы имеет «крупные недостатки» и переход к нему только усугубил имеющиеся в экономике проблемы, поэтому нужно вернуться к «проверенному» принципу ведомственного руководства производством, дополнив его мерами по «совершенствованию планирования», «улучшению организации управления», усилению экономического стимулирования», повышению «хозяйственной инициативы» предприятий⁶⁷. Таков был итог реализации экономической стратегии и практики «хрущевского десятилетия».

3.2. Управление промышленностью: зигзаги реформ

Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в советскую историю как время первой попытки реформирования сталинской экономической системы. С подачи видного экономиста позднесоветской эпохи, а затем активного деятеля перестройки она часто называется командно-административной системой⁶⁸. К ее отличительным особенностям традиционно относят обобществление (огосударствление) средств производства; «мягкие» бюджетные

---

⁶⁶ О путях повышения экономической эффективности общественного производства.

⁶⁷ См.: Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства : докл. на Пленуме ЦК КПСС 27 сент. 1965 г. // Косыгин А. Н. К великой цели : избр. речи и ст. : в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 316–355.

⁶⁸ Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.

ограничения; дефицит товаров и услуг; подмену рыночной мотивации хозяйствующих субъектов «административным нажимом»; мелочную регламентацию условий их деятельности; серьезные диспропорции в структуре экономики (доминирование военно-промышленного комплекса); преобладание внеэкономических методов побуждения к труду и т. п.⁶⁹

Не вызывает сомнений, что это была целостная система, но ее возможности саморазвития оцениваются по-разному. Широко распространено мнение о неспособности социалистической системы обновлять себя изнутри настолько, чтобы доказать свою жизнеспособность в длительной перспективе. Отсюда делается однозначный вывод: в конце концов приходит время ликвидации, тотального слома всех ее несущих конструкций⁷⁰. Если следовать подобной логике рассуждений, то хрущевские реформы были изначально обречены на провал. Однако категоричность такого вывода вызывает сомнения. По крайней мере, опыт Китая по переходу к рыночной экономике говорит об обратном.

Это, конечно, не проясняет вопроса, почему те же хрущевские реформы не привели к ожидаемому повышению эффективности производства и к ускорению экономического развития. Но несомненно одно: организационные перестройки хрущевской эпохи не затрагивали фундаментальных оснований сталинской экономической системы. Это были по преимуществу спонтанные, зачастую непродуманные действия, направленные на ее «совершенствование».

---

⁶⁹ См.: *Борисов Ю. С.* Становление командно-бюрократической системы // ЭКО. 1989. № 1. С. 145–161; *Яшин В.* Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопр. экономики. 1992. № 1. С. 145–147; *Коржихина Т. П.* Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления : Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–26; *Белоногов Ю. Г.* Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестн. Перм. нац. исслед. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41; *Эриксон Ф.* Командная экономика и ее наследие // Экономика России : оксфордский сб. : в 2 кн. М., 2015. Кн. 1. С. 103–111; и др.

⁷⁰ *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000. С. 23.

В условиях либерализации режима их результатом стало ослабление властной вертикали, что обернулось снижением управляемости экономики. В народно-хозяйственном планировании возобладала практика установления заданий от достигнутого уровня. Они являлись итогом многоходовых согласований, в которых все заинтересованные участники, по сути, обладали правом *liberum veto*. Решения принимались лишь тогда, когда каждому участнику процедуры согласования становилось ясно, что «вопрос назрел», а предлагаемые меры не ущемляют его коренных интересов⁷¹. Но даже компромиссные решения не являлись категорическим императивом для ответственных исполнителей. Такое снижение исполнительской дисциплины разбалансировало экономику и создавало серьезные препятствия для достижения намеченных рубежей.

Однако не стоит сводить запущенные Хрущевым преобразования только к их негативным последствиям. Во-первых, официальное провозглашение курса на реформирование сталинской экономической системы само по себе являлось «шагом в правильном направлении». Во-вторых, принятые меры способствовали, особенно на первых порах, смягчению реальных противоречий, накопившихся в предшествующий период. Прежде всего это была избыточная централизация и регламентация управления экономикой. Как известно, ключевая роль здесь отводилась совнархозовской реформе, предусматривавшей смещение центра тяжести в руководстве промышленностью и строительством на места. Дело в том, что в условиях возросших объемов производства и усложнения хозяйственных связей прямое оперативное управление их объектами сверху чем дальше, тем больше теряло свою эффективность, многие политические и хозяйственные руководители хорошо это осознавали. И практически сразу после смерти Сталина началась проработка путей и способов решения названной проблемы.

---

⁷¹ См.: Авен П. О., Широнин В. М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Изв. СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. № 13. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: анатомия застоя. М., 1991. С. 45; Белоголов Ю. Г. Эволюция советской модели экономики. С. 37.

Итоги этой работы подвели на декабрьском (1956 г.) пленуме ЦК КПСС. Его постановление по данному вопросу предусматривало расширение прав союзных республик, ликвидацию «лишних звеньев» управления, «приближение» центральных хозяйственных органов «к районам расположения предприятий соответствующих отраслей» и тому подобное. Другими словами, намечался эволюционный вариант реформирования действовавшей системы управления народным хозяйством. Но он не устроил Хрущева, который объявил предложенные меры половинчатыми, не способными существенно изменить ситуацию к лучшему. По его мнению, решение проблемы заключалось в ликвидации хозяйственных министерств и создании вместо них территориальных органов управления⁷².

При обосновании своей позиции Хрущев задавал риторический вопрос о том, почему предложенная им структура управления будет лучше. И сам же отвечал на него: «Прежде всего потому, что управление приближается к производителям, теснее связывается с предприятиями, между ними и управлением не будет существующих сейчас бюрократических нагромождений, представится значительно большая возможность оперативного непосредственного общения работников предприятий с аппаратом и руководящим составом территориальных управлений. Но, пожалуй, самым большим преимуществом при этом является то, что мы сотрем ведомственные границы и дадим простор разумному ведению хозяйства». В результате, по мнению Хрущева, упростится планирование народного хозяйства, произойдет рационализация материально-технического снабжения предприятий, улучшится их взаимодействие, сократятся встречные перевозки продукции, наука «сможет выбраться из ведомственного окружения на широкий простор» и станет лучше осуществлять «обслуживание» производства и т. д.⁷³ Однако

---

⁷² См.: Пивоваров Н. Ю., Симонов М. А. Советское руководство и разработка совнархозной реформы: от идей к реализации (1953–1957 гг.) // Урал. ист. вестн. 2024. № 1 (82). С. 108–118.

⁷³ Записка Н. С. Хрущева «Некоторые соображения об улучшении руководства промышленностью и строительством» // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 :

он не назвал, может быть, главную причину своих предложений. Они лежали во внеэкономической плоскости.

За рубежом практически сразу обратили на это внимание. В 1963 г. признанный знаток советской экономики А. Гершенкрон писал «по горячим следам»: «Вероятней всего, децентрализация... была продиктована не столько стремлением сделать экономику более эффективной, сколько тем фактом, что победившая [во внутрипартийной борьбе] группировка ощущала потребность избавиться от чиновников экономических ведомств, проявлявших лояльность к врагам Хрущева». В противном случае это неизбежно создавало реальные проблемы для его политического лидерства. И несмотря на то, что отказ от ведомственного принципа руководства производством противоречил самой логике развития директивно управляемой экономики, такой шаг был сделан⁷⁴. Дело здесь было в том, что сталинская «пирамида власти», на вершине которой оказался Н. С. Хрущев, формировалась не им и не под него. Он попал на нее благодаря поддержке партаппарата. В государственной ветви власти позиции Хрущева были заметно слабее. Такое положение таило для него угрозу и не устраивало ту часть правящей элиты, чьи интересы он выражал.

Существовало два варианта выхода из сложившейся ситуации. Первый, эволюционный, предполагал постепенную перестройку системы хозяйственного управления, «перекраивание» ее под нового лидера. Такой путь требовал политических компромиссов, уступок оппонентам и не гарантировал достижения желаемого результата. Второй вариант радикально решал проблему. Он заключался в перестройке «хозяйственной вертикали» сверху донизу, ликвидации основных структур прежней системы управления. Это позволяло избавиться от руководителей отраслевых министерств и ведомств, не признававших безоговорочный авторитет Н. С. Хрущева,

---

Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. М., 2006. Т. 2. С. 531, 532.

⁷⁴ См.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в перспективе / пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015. С. 272, 273.

отправляя их на места, назначая порой на малозначимые должности в тех же совнархозах⁷⁵.

Вывод о стремлении Н. С. Хрущева ослабить возможную оппозицию лидерству посредством совнархозовской реформы подтверждают исследования, в которых представлена широкая панорама ее подготовки и проведения⁷⁶. Тем не менее, будет неправильно все сводить только к политическому фактору. Необходимость децентрализации управления, его регионализация диктовались и объективными обстоятельствами. В данном случае векторы политических и экономических детерминант в целом совпали. Однако непродолжительность и поспешность одновременных преобразований и в народно-хозяйственном планировании, и в организации производства и материально-технического снабжения, и в сфере управления научно-техническим прогрессом вели к утрате контроля за макроэкономическими процессами.

Правда, ряд исследователей считает, что понятие «децентрализация» неверно отражает суть хрущевских реформ. Утверждается, что задача ограничения полномочий центральной власти в управлении экономикой в реальности не ставилась. Передача значительной части компетенций ликвидируемых министерств на места преследовала иную цель: сделать главным проводником экономической политики «партии и правительства» региональный партийный аппарат как более лояльного исполнителя воли центра. Поэтому понятие «децентрализация» следует заменить понятиями «терри-

---

⁷⁵ См.: Докладная записка председателя Совета министров РСФСР М. А. Яснова в ЦК КПСС о трудоустройстве работников министерств РСФСР, упраздняемых в связи с образованием совнархозов. 12 июля 1957 г. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменчиков, В. Ю. Васильев и др. М., 2009. С. 173, 174.

⁷⁶ См.: Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011; Мерцалов В. И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Чита, 2015; Пивоваров Н. Ю., Симонов М. А. Советское руководство и разработка совнархозовской реформы: от идей к реализации (1953–1957 гг.). С. 108–118; и др.

ториализация», «рассредоточение» государственного управления⁷⁷. Но такое предложение вряд ли оправдано. Независимо от намерений высшего руководства совнархозовская реформа ослабила управленческую вертикаль хотя бы потому, что увеличила число субъектов, причастных к разработке и осуществлению экономической политики. Не случайно уже через пару лет после ее запуска были предприняты шаги по восстановлению элементов отраслевой системы управления, то есть обозначился процесс «рецентрализации» управления экономикой.

Важное место в хрущевских преобразованиях отводилось реорганизации системы народно-хозяйственного планирования. Исследователи, специально занимающиеся этим вопросом, насчитывают семь таких реорганизаций в период с 1955 по 1965 г. Каждая из них существенно меняла практику планирования, задачи, полномочия, подотчетность и внутреннюю структуру плановых органов⁷⁸. По сути, не закончив одной перестройки, приступали к другой. С одной стороны, это свидетельствовало об отсутствии ясности в вопросе о том, как добиться искомого результата, а с другой — о тщетности попыток поправить дело, не меняя принципиальных основ экономических отношений. Как правило, в процессе реорганизации плановых органов выделяется два этапа. Первый — с мая 1955 по май 1957 г. — время образования и деятельности Государственной комиссии Совета министров СССР по текущему планированию (Госэкономкомиссии) и Государственной комиссии Совета министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплана СССР). Как уже говорилось, Госэкономкомиссия решала вопросы текущего планирования народного хозяйства (оперативное управление и разработка годовых планов). Госплан занимался перспективным планированием: подготовкой пятилетних и долгосрочных планов, разработкой программ модернизации транспортной и энергетической систем. Этот

---

⁷⁷ См.: Хлевнюк О., Горлицкий И. Секретари. Региональные сети в СССР. От Сталина до Брежнева. М., 2024. С. 201–203.

⁷⁸ Некрасов В. Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 42.

этап завершился в мае 1957 г., когда Верховный Совет СССР принял закон о переходе к территориальному принципу управления промышленностью и строительством. Госэкономкомиссия была упразднена, а Госкомиссия по перспективному планированию преобразована в Государственный плановый комитет⁷⁹.

Второй этап продлился более трех лет — с февраля 1959 по ноябрь 1962 г. Он включил в себя создание Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета министров СССР «в целях всестороннего изучения экономических вопросов, возникающих в ходе хозяйственного и культурного строительства, а также рассмотрения предложений по развитию производительных сил страны». В апреле следующего года было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, уточнивших компетенцию Госплана и Госэкономсовета. За первым закреплялись разработка «вопросов» текущего народно-хозяйственного планирования и координация хозяйственной деятельности союзных республик, а за вторым — «работа по перспективному планированию», в том числе разработка планов на 5–7 и 20 лет⁸⁰. С учетом работы над Генеральной перспективой развития народного хозяйства это существенно повысило статус Госэкономсовета в иерархии органов экономического управления, сделав его «бюрократическим центром» экономического реформизма в СССР.

Госплан весьма ревниво относился к расширению функций и полномочий Госэкономсовета. На этой почве между ними происходили постоянные столкновения. Сам же Н. С. Хрущев неоднократно высказывал претензии ко всей системе народно-хозяйственного планирования. Особенно жесткой критике подвергался Госплан СССР. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в сентябре 1962 г., он утверждал: «Сейчас отделы, которые существуют в Госплане, — счетные отделы, а их функции должны быть и определяющими научно-конструкторскую направленность»⁸¹. В конечном счете в ноябре 1962 г. на базе

---

⁷⁹ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг.: ист.-биограф. справ. М., 1999. С. 142–144.

⁸⁰ См.: Некрасов В. Л. «Дилемма Хрущева». С. 64–82.

⁸¹ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 592.

Госплана СССР был создан Совет народного хозяйства (СНХ СССР). На него возложили руководство реализацией народно-хозяйственных планов и планов материально-технического снабжения через советы министров союзных республик, совнархозы административно-экономических районов и министерства. А Госэкономсовет преобразовали в Государственный плановый комитет Совета министров СССР.

В своем докладе на ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев объяснил это решение тем, что в повседневной деятельности задачи Госплана и Госэкономсовета «часто сталкиваются» и «случается, что перспективные вопросы развития народного хозяйства, которые нужно поручать разрабатывать Госэкономсовету, поручаются Госплану Союза, и наоборот. Таким образом, нарушается тот главный принцип, который был заложен при организации этих двух важных органов»⁸². Скрытый же мотив этих реорганизаций заключался в конкуренции представлений о логике реализации экономической реформы, то есть фактически в борьбе за влияние на лидера страны⁸³. Сам же Хрущев, по всей видимости, рассчитывал, что институциональное разделение стратегического и текущего планирования повысит их эффективность и качество, будет способствовать децентрализации управления экономикой. Но идея народно-хозяйственного планирования на базе двух институций себя не оправдала, и от нее пришлось отказаться.

Похожая организационная чехарда имела место при перестройке системы управления промышленностью и строительством. На старте совнархозовской реформы особенно остро проходило обсуждение вопросов о судьбе хозяйственных министерств и о границах экономических районов⁸⁴. Н. С. Хрущев настаивал на упразднении всех отраслевых органов управления. В этом его поддерживали представители аппарата. В то же время ряд крупных хозяй-

---

⁸² Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. С. 373.

⁸³ Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева. С. 85–86.

⁸⁴ См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1962 гг. М., 2010. С. 253–258.

ственников (министры среднего машиностроения М. Г. Первухин и химической промышленности С. М. Тихомиров, первый заместитель Госэкономкомиссии А. Н. Косыгин, председатель Госкомиссии по перспективному планированию Н. К. Байбаков, первый заместитель председателя Совмина СССР М. З. Сабуров и др.) высказывали осторожные сомнения о целесообразности ликвидации всех министерств. Более определенную позицию занимали будущие участники «антипартийной группы». В своей записке в Президиум ЦК КПСС В. М. Молотов утверждал, что предложение Н. С. Хрущева «страдает односторонностью и без существенных исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления советской промышленностью». Он считал, что «в центре государства нужно сохранить какой-то аналог министерств», иначе «крайняя децентрализация» обернется утратой управляемости экономики⁸⁵.

В вопросе о границах экономических районов также имелись разногласия. Одни считали, что органы территориального хозяйственного управления нужно создавать в каждой области, другие возражали. Судя по воспоминаниям Н. К. Байбакова, он, выступая на февральском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС, говорил: «Если уже создавать совнархозы, то крупные, региональные, такие, как, например, Уральский, Северо-Кавказский и др. Такие совнархозы смогут самостоятельно решать многие текущие и перспективные вопросы»⁸⁶. Хрущев сначала колебался, но затем пришел к однозначному выводу: границы административных и экономических районов должны совпадать. Таким образом он рассчитывал усилить роль подведомственных ему как первому секретарю ЦК центральных и местных партийных органов в управлении народным хозяйством. В обоснование своей позиции Хрущев утверждал, что в противном случае руководство экономических районов не сможет «опираться ни на какие партийные комитеты. Обкомы, крайкомы их слушать не будут. А ЦК не может превратиться в орган, который должен

---

⁸⁵ Записка В. М. Молотова в связи с обсуждением проекта тезисов доклада Н. С. Хрущева на Президиуме ЦК КПСС. 22 марта 1957 г. 24 марта 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 613–615.

⁸⁶ *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 79–80.

[будет] согласовывать многочисленные споры, возникающие между руководителями экономических и административных районов»⁸⁷.

Отстаивавшиеся Н. С. Хрущевым принципы реформирования утвердил февральский (1957 г.) пленум ЦК КПСС, и их вынесли на «всенародное обсуждение». Это была формальная процедура, призванная подтвердить сопричастность «широких трудящихся масс» к решению «вопросов государственной важности», она допускала лишь какие-то частные дополнения и уточнения. В результате, как и следовало ожидать, все закончилось «полным одобрением генеральной линии партии» по перестройке системы управления экономикой. Затем основные положения реформы рассмотрела сессия Верховного Совета СССР, состоявшаяся 7–11 мая 1957 г. Она приняла закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Этот закон предусматривал ликвидацию отраслевых министерств (правда, военно-промышленные министерства «временно» сохранялись) и создание территориальных управленческих структур в виде советов народного хозяйства экономических административных районов. В их подчинение передавались предприятия и организации упраздненных министерств⁸⁸.

Во исполнение закона о совершенствовании организации управления было создано свыше ста совнархозов, границы которых в основном соответствовали существующему административному делению. Им предоставили права в объеме союзного министерства⁸⁹. Однако положение о совнархозах разработали и утвердили с опозданием, когда они уже начали работать. Да и само положение содержало ряд противоречий. Отсюда различные организационные неувязки при

---

⁸⁷ Цит. по: Щербакова Т. И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 209.

⁸⁸ Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. 10 мая 1957 г. // Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–11 мая 1957 г.): стеногр. отчет. М., 1957. С. 291–297.

⁸⁹ Законодательные акты по вопросам народного хозяйства СССР : в 4 т. М., 1961. Т. 1. С. 34.

налаживании взаимодействия новых институций как с центральными экономическими инстанциями, так и между собой⁹⁰.

Структура совнархозов в принципе была однотипной, хотя декларировалась необходимость учета конкретных условий каждого экономического района⁹¹. Их возглавляли председатели, имевшие заместителей по отдельным направлениям деятельности. Руководство подведомственными предприятиями и организациями осуществлялось через функциональные и отраслевые управления. По существу, в совнархозах воспроизводилась все та же министерская система управления, только в миниатюре, в региональном масштабе.

На старте реформы считалось, что аппарат совнархозов будет относительно небольшим, но эти надежды не оправдались. Численность их управленческого аппарата стала стремительно увеличиваться по мере образования все новых структурных подразделений: законы эволюции бюрократической системы победить оказалось невозможно. В результате, по свидетельству Председателя Совета министров РСФСР М. А. Яснова, решение кадрового вопроса приняло затяжной характер. По состоянию на 18 июня 1957 г. укомплектованность аппарата совнархозов руководящими и научно-техническими работниками составляла чуть больше 70 % от утвержденной штатной численности. Особенно неудовлетворительно обстояло дело с комплектованием производственно-технических и планово-экономических управлений, отделов машиностроения⁹². Расчет на то, чтобы ликвидировать обозначившийся дефицит квалифицированных специалистов за счет привлечения сотрудников упраздненных министерств и местных работников, оказался трудноисполнимым: первые не желали переезжать на периферию, вторые не видели в этом смысла, поскольку зарплата, которую им предлагали в совнархозах,

⁹⁰ См.: Мерцалов В. И. Эволюция совнархозовской реформы 1957–1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2013. № 1 (4). С. 90–91.

⁹¹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5870. Л. 3–6.

⁹² Докладная записка председателя Совета министров РСФСР М. А. Яснова в Совет министров СССР о комплектовании кадрами аппарата совнархозов. 20 июля 1957 г. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 174–178.

была, как правило, ниже, чем они получали, работая непосредственно на производстве. А «добровольно-принудительные» методы побуждения к такому решению утратили свою былую эффективность в связи с общей либерализацией режима.

Тем не менее, к концу 1957 г. ценой огромных усилий и выделения дополнительных средств остроту организационных проблем и кадровых вопросов все же удалось снизить. Заключительным аккордом в становлении новой системы хозяйственного управления стало устранение неопределенности в организации работы военно-промышленного комплекса. Относящиеся к нему общесоюзные министерства — авиационной, оборонной, судостроительной промышленности — преобразовали в госкомитеты. Их производственные предприятия передавались совнархозам, а на госкомитеты возложили отраслевое планирование (совместно с Госпланом СССР), руководство НИОКР, внедрение в производство новых вооружений. Для выполнения этих функций в их ведение передавалась большая часть научно-исследовательских, конструкторских организаций упраздненных военно-промышленных министерств⁹³. Только за Министерством среднего машиностроения оставили руководство всей атомной отраслью. Видимо, удалось доказать, что эксперименты с атомной промышленностью могут иметь непредсказуемые последствия, да и слишком высоки были авторитет и аппаратный вес возглавлявшего его ведомства. Но, как утверждал Н. С. Хрущев, в будущем и о «Средмаше вопрос также решим», подразумевая под этим его реорганизацию по образцу других министерств. Правда, такое намерение ему так и не удалось осуществить⁹⁴.

Для координации действий оборонных госкомитетов, совнархозов и Министерства обороны при президиуме Совета министров

---

⁹³ Об организации работ в области ракетной и военной техники : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР. 6 декабря 1957 г. // Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.) : сб. док. / сост. В. И. Ивкин, Г. А. Сухина. М., 2010. С. 595–599.

⁹⁴ См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 114, 115.

СССР образовали Комиссию по военно-промышленным вопросам. На нее возложили ответственность за реализацию программ создания и производства военной техники, утвержденных правительством. Полномочия комиссии были строго ограничены: для совнархозов и госкомитетов ее решения являлись обязательными, если они принимались во исполнение постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР, Совета обороны. Не распоряжалась она и распределением материальных ресурсов и бюджетных ассигнований, для этого требовалось решение Совета обороны и Президиума ЦК. Кадровые вопросы также находились вне компетенции комиссии: ими занимались отдел оборонной промышленности и секретариат Центрального комитета партии. «Рассмотрением планов» разработки и серийного выпуска ядерных изделий и средств их доставки занимался созданный в апреле 1958 г. при Совете обороны Военно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию. Его возглавил сам Н. С. Хрущев. Это фактически делало комитет последней инстанцией при решении вопросов производства и оснащения Советской армии стратегическим вооружением⁹⁵.

Деятельность Военно-промышленной комиссии, как и всей оборонной промышленности в целом, была жестко регламентирована. Общая схема принятия ею решений включала три основных этапа: на первом готовился проект решения, на втором проходило его согласование со всеми структурами, ответственными за выполнение планируемых работ, на третьем проект оформлялся в виде директивного документа высших органов партийно-государственной власти. Как правило, это были совместные постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. Они являлись обязательными для исполнения всеми управленческими структурами и субъектами хозяйствования, которым адресовались⁹⁶.

---

⁹⁵ См.: *Артемов Е. Т.* Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической модели Н. С. Хрущева // *Рос. ист.* 2022. № 4. С. 192, 193.

⁹⁶ См.: *Бакланов О. Д., Рогозин О. К.* Военно-промышленная комиссия: страницы истории // *Арсенал Отечества* : [сайт]. 2013. № 1. URL: arsenal-otechestva.ru/article/168 (дата обращения: 12.12.2022); *Рогозин Д. О.* Военно-промышленная

Такой порядок распространялся на подготовку всех решений по ключевым вопросам развития военно-промышленного комплекса, утверждение планов и программ разработки и производства новых систем вооружения и военной техники. Он должен был исключить влияние субъективного фактора на содержание принимаемых решений, однако сделать это так и не удалось. Групповые интересы, личные связи и отношения, пристрастия и амбиции оказывали существенное влияние на развитие военно-промышленного комплекса. В такой ситуации нередко возникали острые противоречия при согласовании приоритетов его развития, но создание общей управленческой структуры в лице Военно-промышленной комиссии облегчало поиски компромиссов. Конечно, споры и конфликты межотраслевого и межгруппового характера продолжали иметь место. И все же хрущевские реформы способствовали консолидации представителей военно-промышленного комплекса, формированию у них устойчивого представления о единстве ключевых интересов. Понятно, что они далеко не всегда совпадали с потребностями долгосрочного экономического развития страны.

Хрущев и его ближайшее окружение пытались доказать, что проведенная реформа практически сразу оказала положительное влияние на развитие экономики. В июле 1959 г. начальник Центрального статистического управления СССР В. Н. Старовский направил в Совмин СССР записку об итогах работы промышленности с июля 1957 по июнь 1959 г. В ней говорилось, что создание совнархозов способствовало развитию внутрирайонных кооперативных связей предприятий, сокращению встречных перевозок продукции, улучшению использования материальных и человеческих ресурсов, снижению себестоимости производства. Особо отмечалось создание «благоприятных условий» для «осуществления мероприятий по внедрению» новых технологий и повышению эффективности использования установленного оборудования. Подчеркивалось, что в результате реформы улучшились финансовые показатели работы предприятий, были созданы условия для увеличения внутри-

промышленных накоплений и т. д. Приводимые в записке цифры, казалось, подтверждали наличие позитивных сдвигов в экономике, «расшивку» ее узких мест⁹⁷.

На самом деле картина была не такой уж обнадеживающей: никакого ускорения экономического развития не наблюдалось. По данным ЦРУ США, рост ВВП СССР составил в 1957 г. всего 2,0 %. В общем это было понятно, поскольку тогда проходили основные мероприятия по перестройке системы управления промышленностью и строительством. Но и с их окончанием макроэкономические показатели оказались хуже, чем в дореформенный период. Если среднегодовой прирост ВВП СССР по оценке ЦРУ США равнялся в 1954–1956 гг. 7,6 %, то в 1958–1960 гг. он был меньше на треть — всего 5,2 %.

Аналогичные тенденции фиксировались советской статистикой⁹⁸. Переход к территориальному принципу управления особенно негативно сказался на темпах научно-технического прогресса. Переданные в ведение совнархозов отраслевые исследовательские, проектные, технологические организации оказались без руководящего стержня. Зачастую их научно-производственные связи, продиктованные экономической целесообразностью, серьезно нарушались в угоду частным местным интересам. В результате под угрозой срыва оказались амбициозные планы технико-экономического перевооружения производства, поэтому в конце 1950-х гг. было принято решение о дореформировании системы управления промышленностью и строительством.

К действовавшим в оборонном секторе госкомитетам Совмина СССР прибавились аналогичные структуры в базовых отраслях промышленности. Уже в июле 1958 г. был создан Госкомитет по химии, а в феврале 1959 г. — по автоматизации и машиностроению, затем

---

⁹⁷ Докладная записка начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского в Совет министров СССР об экономических показателях работы совнархозов в 1957–1959 гг. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. С. 375–404.

⁹⁸ Оценка по данным: Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе. М., 1997. С. 16, 141.

по черной и цветной металлургии, по топливной, лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и т. д. Помимо отраслевых комитетов Совмина СССР (в 1963 г. перешли в ведение ВСНХ), похожие структуры создавались при Госплане СССР, причем их число стремительно росло. Так, при передаче Комитета по автоматизации и машиностроению Госплану СССР его разделили на пять отраслевых комитетов, затем один из них был преобразован в два новых. В результате если в 1962 г. насчитывалось 12 отраслевых комитетов, подчиненных Госплану и Совмину СССР (ВСНХ), то в 1963 — 20, а на начало 1965 г. — уже 29⁹⁹. Хотя полномочия госкомитетов были существенно урезаны по сравнению с прежними министерствами (в их ведении находились вопросы планирования и технического развития соответствующих отраслей, которые они должны были решать «по согласованию» с совнархозами), на деле это означало «ползучее» восстановление дореформенной структуры отраслевого управления.

Одновременно все чаще озвучивались предложения об укреплении высшего звена хозяйственного руководства, причем с такой инициативой выступали низовые управленческие структуры. В июне 1959 г. председатель Совета министров РСФСР Д. С. Полянский в докладной записке Н. С. Хрущеву утверждал: «многие работники республиканских и местных органов, особенно руководящие работники совнархозов, высказывают пожелания организовать в Российской Федерации специальный орган — Государственный комитет по координации и оперативному руководству совнархозами. <...> Такой комитет можно наделить большими хозяйственно-организаторскими функциями, предоставить ему широкие права. Он будет в состоянии вести всю оперативно-хозяйственную работу в центре, руководить совнархозами и полностью отвечать за их деятельность перед Советом министров РСФСР»¹⁰⁰. Подчеркивалось,

---

⁹⁹ Воденев Ю. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью СССР : Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990. С. 31–33.

¹⁰⁰ Докладная записка председателя Совета министров РСФСР Д. С. Полянского Н. С. Хрущеву о необходимости создания в РСФСР специального органа

что это также позволит оптимизировать работу республиканского Госплана и Совета министров, избавив их от избыточных, по мнению Д. С. Полянского, функций. Однако его предложения в части образования республиканского органа хозяйственного руководства были отклонены как противоречащие «принятому закону от 10 мая 1957 г.», согласно которому основной организационной формой управления промышленностью и строительством являются совнархозы по экономическим административным районам, руководство которыми непосредственно осуществляют советы министров союзных республик¹⁰¹.

Но трудности в управлении и продолжавшие поступать ходатайства с мест побудили вернуться к этому вопросу¹⁰², и в июне 1960 г. было принято решение о создании всероссийского, украинского и казахского советов народного хозяйства. Также допускалась их организация в тех республиках, в которых имелось несколько экономических районов¹⁰³. Затем появились советы по координации и планированию работы совнархозов в рамках крупных экономических районов. Таковых насчитывалось 17, в том числе Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный, Донецко-Приднепровский, Юго-Западный, Южный, Западный, Закавказский, Казахстанский и Среднеазиатский. На них возлагались на следующие задачи: планирование работы совнархозов; изучение и рассмотрение проблем

управления совнархозами // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. С. 370–375.

¹⁰¹ Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. 10 мая 1957 г. // Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–11 мая 1957 г.) : стеногр. отчет. М., 1957. С. 291–297.

¹⁰² См.: Докладная записка председателя ростовского совнархоза П. Аброскина заместителю председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгину о необходимости укрупнения совнархозов // Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 414.

¹⁰³ О внесении некоторых дополнений в закон СССР от 10 мая 1957 года «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 5 июля 1960 г. // Ведом. Верхов. Совета СССР. 1960. № 27.

комплексного развития промышленности, строительства, транспорта на территории краев, областей и экономико-административных районов, входящих в состав крупных экономических районов; разработка рекомендаций и предложений, направленных на наиболее эффективное использование природных богатств, производственных фондов и трудовых ресурсов данного региона; обеспечение специализации и кооперирования регионов в интересах развития национальной экономики¹⁰⁴.

Советы просуществовали всего лишь год. Они стали переходной мерой к укрупнению совнархозов¹⁰⁵. Эта идея обсуждалась еще на старте совнархозовской реформы. Но тогда, как уже отмечалось, ее отвергли. Теперь на ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС к ней вернулись снова. Главная причина заключалась в том, что переход к территориальному принципу управления обернулся стремительным ростом так называемых местнических устремлений и невозможностью оптимального планирования развития территорий в рамках экономических административных районов¹⁰⁶. Практика показала, что основной задачей конкретных совнархозов стало «выбивание» максимальных ресурсов для себя без учета интересов сопредельных территорий. К тому же выполнение обязательств субъектами экономической деятельности внутри совнархозов было гораздо важнее для их руководства, чем выполнение обязательств перед другими совнархозами. Это порождало нерациональное использование ресурсов, создавало напряженность в выполнении общегосударственных планов и т. д.

Процесс укрупнения совнархозов занял несколько месяцев на протяжении 1962–1963 гг. Их число сократилось со 105 до 43. Причем если одни включали несколько административных терри-

---

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 240. Л. 142; Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС, Бюро ВСНХ, членам правительства СССР по вопросу улучшения планирования экономики. 28 марта 1963 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. С. 712–713.

¹⁰⁵ Мерцалов В. И. Эволюция совнархозовской реформы 1957–1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири. С. 99.

¹⁰⁶ Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. С. 185.

ториальных образований, то другие строились по прежним региональным матрицам. Эта новация являлась явным отступлением от принципов реформы 1957 г. Пытаясь как-то обосновать такой шаг, Хрущев в своем выступлении на ноябрьском (1963 г.) пленуме утверждал: «Должен сказать, что вопрос о создании укрупненных советов народного хозяйства не новый. Еще в 1957 году, когда мы обсуждали пути перестройки управления промышленностью и строительством, вносились предложения об организации совнархозов на базе крупных экономических районов, таких, например, как Урал, Западная Сибирь, Центральный промышленный район и т. д. Но тогда было решено вернуться к таким предложениям позднее, когда будет накоплен достаточный опыт. Теперь такой опыт у нас есть». Далее следовали дежурные призывы наделить совнархозы широкими правами, не опекать их по мелочам, не сдерживать инициативу и т. д.¹⁰⁷

Однако практически сразу же стало ясно, что укрупнение совнархозов, наделение их дополнительными полномочиями при одновременном образовании все новых отраслевых госкомитетов усложняют централизованное управление экономикой, и в перспективе все вообще может окончиться его полной утратой. Хрущев и его окружение осознавали, что с этим нужно незамедлительно что-то делать, но у них был только один рецепт того, как переломить негативную тенденцию. Он заключался в создании в управленческой вертикали дополнительных звеньев в виде органов хозяйственного руководства общесоюзного уровня. Первым таким органом стал Совет народного хозяйства СССР, образованный в соответствии с решением ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС. А к весне 1963 г. Н. С. Хрущев пришел к выводу, что «целесообразно, чтобы Совнархоз СССР был бы союзно-республиканским органом», чтобы принимаемые им решения были обязательными как для республиканских, так и [для] совнархозов экономических районов, «то есть чтобы было полное подчинение сверху донизу». Одновременно

---

¹⁰⁷ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. С. 354–356.

Хрущев объявил, что «настало время» создать Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ)¹⁰⁸.

И он был сформирован 13 марта 1963 г. в качестве «высшего государственного органа по руководству промышленностью и строительством в стране, облеченного всеми необходимыми правами и полномочиями для решения вопросов, связанных с работой промышленности и строительством, и [для] обеспечения успешного выполнения государственных планов»¹⁰⁹. В его непосредственное ведение передали СНХ СССР, Госплан СССР, Государственный производственный комитет по среднему машиностроению (создан на базе Минсредмаша), по энергетике и электрификации СССР, госкомитеты по оборонным отраслям промышленности, Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, Военно-промышленную комиссию при Президиуме Совмина СССР и ряд других ведомств. В результате Совет министров СССР как коллегиальный орган фактически был отстранен от руководства народным хозяйством. По свидетельству В. Н. Новикова (в марте-октябре 1965 г. председателя ВСНХ), «Высший совет народного хозяйства... практически заменял или подменял Совмин. Все оперативные вопросы, большие и малые, решались именно в ВСНХ»¹¹⁰.

Но и ВСНХ СССР оказался не в состоянии обеспечить эффективное руководство экономикой страны и намеченную реализацию стратегии ее развития в рамках совнархозовской системы. Решить проблему согласования действий субъектов хозяйствования через механизмы союзных, республиканских, региональных совнархозов и отраслевых госкомитетов никак не удавалось. Система управления все более усложнялась. А в экономике тем временем снижались показатели эффективности производства, обострялись проблемы

---

¹⁰⁸ Записка Н. С. Хрущева в президиум ЦК КПСС о перестройке управления промышленностью и строительством. 5 марта 1963 г. // Никита Сергеевич Хрущев : Два цвета времени. Т. 2. С. 706–708.

¹⁰⁹ Об образовании Высшего совета народного хозяйства Совета министров СССР : указ Верх. Совета СССР № 1020а-VI от 13 марта 1963 г. // Ведом. Верх. Совета СССР. 1963. № 11. 15 марта.

¹¹⁰ Новиков В. Н. В годы руководства Хрущева // Вопр. ист. 1989. № 2. С. 106.

в сфере научно-технической политики. К тому же все отчетливее проявлялись диспропорции в территориальном развитии страны, обрекавшие периферийные регионы на перманентное отставание в экономической сфере.

Естественно, что многочисленные реорганизации системы управления народно-хозяйственным комплексом сопровождались массовой заменой хозяйственных руководителей на всех уровнях. Но они, как правило, происходили в рамках номенклатуры. В основном это были горизонтальные перемещения, преследовавшие цель повысить общий уровень компетентности и ответственности хозяйственного менеджмента. Общим вектором являлось укрепление высшего звена экономического управления выходцами из военно-промышленного комплекса, опыт деятельности которого признавался в СССР в качестве некоего эталона. Но кадровые перестановки принципиально ничего не меняли. Управляемость системы все больше терялась, а компетентность хозяйственного руководства, особенно на «самом верху», зачастую оставляла желать лучшего.

Разумеется, все хрущевские управленцы имели богатый опыт практической организационной работы. Большинство из них выдвинулись на значительные партийно-государственные посты в период массовых репрессий второй половины 1930-х гг. и в годы войны. Для этого требовалось доказать свою преданность высшему политическому руководству страны и обладать огромной работоспособностью, выдержкой и компетенцией в вопросах управления промышленностью и сельским хозяйством в чрезвычайных условиях. Но, с другой стороны, условия, в которых руководящие кадры хрущевской эпохи делали свою карьеру, способствовали выработке у них таких деловых и личных качеств, как жесткость и даже жестокость, игнорирование мнения других, чрезмерная уверенность в собственной правоте, пренебрежение к нуждам населения¹¹¹.

---

¹¹¹ Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 245–246.

Однако такие качества не могли заместить собой знания, необходимые для понимания логики формирования новых технологических укладов. Большинство руководителей с точки зрения багажа компетенций в лучшем случае оставались в рамках индустриализационной парадигмы. Неудивительно, что партийно-советская номенклатура крайне настороженно относилась к любым изменениям, особенно к тем, суть которых она не могла понять. Это относилось ко всему спектру трансформационных процессов — от реформ в экономике до продвижения достижений научно-технического прогресса в систему материального производства. Руководствуясь своим опытом, ее представители считали, что все проблемы можно решить волевым способом при помощи административного нажима.

Еще одной причиной отторжения новаций в управленческой сфере являлась практика подбора кандидатов на высшие посты. Явное преимущество получали политически и идеологически лояльные исполнители. Профессиональная компетентность в большей мере учитывалась при назначении руководителей второго и третьего ранга. Но нестандартно мыслящие люди, как правило, отсеивались на первых ступенях карьерной лестницы. Отсюда недостаток конструктивных идей относительно того, как, в каком направлении реформировать экономику. Поэтому решение искали, оглядываясь на опыт предшествующей эпохи, а неудачи списывались на «нерадивых ответственных исполнителей», что оборачивалось перманентными кадровыми перемещениями в высших эшелонах власти. Однако такая практика имела неожиданные и крайне неприятные для власти последствия. Частая смена советских вождей, особенно входивших в ближайшее окружение главы государства, подрывала доверие общества к проводимому им внутривластному курсу. Так, вывод того или иного члена из состава Президиума ЦК КПСС порождал различные слухи. В представлении населения он, как правило, связывался с наличием ошибок в руководящей работе. Но если у отдельного члена высшего руководства таковые могли иметь место, то легко можно было предположить, что и сами реше-

ния, принимавшиеся «партией и правительством», тоже могли быть ошибочными¹¹². Так создавались предпосылки для десакрализации власти в общественном мнении.

Чтобы повысить действенность сложившейся в ходе совнархозовской реформы системы управления, Н. С. Хрущев прибегнул к ранее неоднократно использованному средству — усилению роли партии в оперативном управлении производством. В позднесталинское время ее органы в основном занимались подбором и выдвижением кадров, а также осуществлением контроля за выполнением конкретных решений правительства по хозяйственным вопросам¹¹³, да и контрольные функции осуществлялись ими в урезанном виде. В частности, партийным органам было запрещено вмешиваться в дела атомного проекта. Даже первые секретари обкомов партии не допускались на его объекты, действовавшие на территории области. Как уже отмечалось, ситуация стала меняться сразу после смерти И. В. Сталина и устранения Л. П. Берии.

Начало этому процессу положил июльский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, поставивший задачу устранения «ненормальностей», когда вопросы хозяйственного строительства решаются в обход партийных органов¹¹⁴, и вскоре принципиальные вопросы экономического и социального развития стали обсуждаться на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Затем принятые им решения оформлялись в виде постановлений Совмина СССР. В их подготовке заметную, а иногда и решающую роль стали играть отделы ЦК. С образованием совнархозов был усилен контроль территориальных партийных органов за деятельностью предприятий. Он распространялся даже на военно-промышленный комплекс.

Так, в декабре 1957 г. Секретариат ЦК КПСС посчитал необходимым создать отделы оборонной промышленности в ЦК КП Украины

---

¹¹² Сушков А. В. Указ. соч. С. 249.

¹¹³ Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 69, 70.

¹¹⁴ О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия // Лаврентий Берия. 1953 : стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 367.

и 23 обкомах и крайкомах Российской Федерации и УССР¹¹⁵. Им вменялось в обязанность осуществление повседневного «наблюдения» за исполнением решений о разработке и внедрении в серийное производство новейших систем вооружения, за выполнением соответствующих плановых заданий. Затем в 1959 г. первичным партийным ячейкам промышленных и торговых предприятий и организаций предоставили право контроля за деятельностью администрации. Другими словами, во второй половине 1950-х гг. сформировался устойчивый тренд на повышение роли партии в непосредственном управлении производством.

Это объяснялось следующими обстоятельствами. Во-первых, усиление партийного руководства рассматривалось Н. С. Хрущевым как основной рычаг повышения эффективности управления социально-экономическими процессами, как способ усиления личного контроля за выполнением принимавшихся решений. Во-вторых, партия рассматривалась им как противовес государственным структурам, жестко централизованным, иерархизированным и во многом сопротивлявшимся его реформаторским начинаниям. По мнению одного из известных западных политологов, «при Сталине управленческая бюрократия доминировала над партией и была главным институциональным выражением власти. <...> Он же (Хрущев) управлял страной посредством партии, но не через ее голову»¹¹⁶. Естественно, что это создавало предпосылки для повышения роли партийного аппарата в управлении реальным сектором экономики. Наконец, в-третьих, и это имело особое значение применительно к рубежу десятилетий, усилении партийного вмешательства в текущее управление экономикой было порождено усугублявшимся разочарованием от организационных неудач, преследовавших хрущевские реформы. Партийные органы должны были компенсировать недостатки государственной системы в управлении народно-хозяйственным комплексом, в отстаивании общегосударственных интересов. Во всяком случае, при Н. С. Хрущеве было за-

---

¹¹⁵ Безбородов А. Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х гг. М., 1997. С. 86.

¹¹⁶ Sakwa R. Soviet Politics. An Introduction. London ; N. Y., 1989. P. 77.

метно стремление оживить посредством использования партийных структур горизонтальные связи и систему координации субъектов хозяйственной деятельности.

Усиление роли региональных партийных комитетов в управлении экономикой имело два важных следствия. Во-первых, местные партийные лидеры стали считать своей основной задачей выполнение производственных планов предприятиями и организациями, расположенными на подведомственной им территории. Все, что отвлекало от этого, считалось второстепенным. Во-вторых, расширение компетенции региональных партийных органов объективно повышало политико-административный вес и относительную самостоятельность первых секретарей обкомов и крайкомов. Отсюда многочисленные примеры их сугубо формального отношения к выполнению директив центра, если те в чем-то ущемляли интересы развития региональной экономики и местной элиты. Разумеется, это вызывало озабоченность в верхах. Чтобы повысить исполнительскую дисциплину, Хрущев уже в конце 1961 г. пришел к мысли о необходимости ужесточения контроля за деятельностью как партийных, так и государственных структур. Но только ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК КПСС после многоходовых согласований принял решение о создании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР.

«Важнейшей задачей» новой институции стало «оказание помощи партии и государству в выполнении Программы КПСС, в организации систематической проверки выполнения директив партии и правительства, в дальнейшем совершенствовании руководством коммунистического строительства, соблюдении партийной и государственной дисциплины, социалистической законности». А в конце следующего месяца Президиум ЦК решил, что один из секретарей обкома или крайкома должен возглавлять местный комитет партийно-государственного контроля. Та же система воспроизводилась и на уровне местных советов — председатель областного комитета партийно-государственного контроля являлся одним из заместителей председателя облисполко-

ма. Весной следующего года произошло дальнейшее расширение полномочий Комитета партийно-государственного контроля. Ему поручили «наблюдение» за деятельностью Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, Министерства охраны общественного порядка¹¹⁷.

Другими словами, сложилась уникальная ситуация: новая структура фактически дублировала партийно-государственные органы всех уровней, от центрального до районного. Ее возглавил А. Н. Шелепин, ставленник Хрущева и человек, как тот полагал, полностью от него зависимый. Видимо, таким образом Хрущев, помимо прочего, рассчитывал упрочить свою личную власть, опираясь на ресурсы и возможности Комитета партийно-государственного контроля. Не случайно ряд членов высшего руководства выступали против его создания (по имеющимся свидетельствам, это были А. Н. Косыгин и А. И. Микоян). Но Хрущев еще мог себе позволить игнорировать мнение своих влиятельных коллег¹¹⁸. О деятельности комитета известно не очень много, но то, что после отставки Хрущева от него поспешили сразу избавиться, уже говорило об отношении к этой структуре в правящей элите.

Одновременно с созданием единой системы партийно-государственного контроля ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК КПСС принял еще одно судьбоносное решение, называемое в современной историографии «административной революцией». Оно заключалось в разделении партийных и советских региональных органов на промышленные и сельскохозяйственные. Обосновывая такой шаг, Хрущев утверждал: «На практике дело складывается так, что партийное руководство часто носит кампанейский характер. <...> Необходимо, чтобы партийные организации не декларативно, а повседневно, действительно оперативно руководили хозяйством с глубоким знанием дела. <...> Назрела необходимость организационной перестройки партийных и советских органов, имея в виду

---

¹¹⁷ См.: *Пилюх Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007. С. 453–459.

¹¹⁸ Хрущевские времена / публ. Н. А. Барсукова // *Неизвестная Россия*. Вып. 1. М., 1992. С. 286.

повышение их роли и ответственности за руководство всей экономикой страны»¹¹⁹. С одной стороны, такая аргументация отражала веру Хрущева, что только партия может противостоять набиравшим силу ведомственности и местничеству, а с другой — рассматривалась им как действенный способ лучше контролировать партийных руководителей¹²⁰.

Разделение партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные затронуло не все, но абсолютное большинство регионов. Например, в РСФСР имелось в 1962 г. 16 автономных республик, шесть краев, 54 области, в том числе пять автономных. Но там предполагалось сформировать 44 обкома, крайкома партии по руководству промышленностью и 45 обкомов, крайкомов КПСС по руководству сельским хозяйством. В постановлении бюро ЦК КПСС по РСФСР от 6 декабря 1962 г. «О реорганизации партийных и советских органов в областях, краях и автономных республиках РСФСР», в частности, предусматривалось образовать по две самостоятельные партийные организации в Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском краях, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Иркутской, Калининской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Куйбышевской, Курганской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской, Читинской и Ярославской областях¹²¹.

По идее, реформа должна была повысить эффективность реализации стратегии ускорения социально-экономического развития.

---

¹¹⁹ Записка Н. С. Хрущева в президиум ЦК КПСС по перестройке руководства партийных и советских органов. 10 сент. 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. С. 673, 674.

¹²⁰ Хлевнюк О., Горлицкий И. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024. С. 293–295.

¹²¹ Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. С. 469.

Но на деле она привела к еще большему организационно-управленческому хаосу и вызвала большое раздражение региональных элит. Если совнархозовская реформа в редакции 1957 г. укрепляла положение и роль местных партийных руководителей, которые получали контроль над экономикой соответствующих территорий, то разделение структур партийного управления на два обкома упраздняло половину полномочий каждого из них и, соответственно, ослабляло региональные партийные инстанции. С политической точки зрения такая реформа оказалась явной ошибкой, поскольку, проводя ее, Хрущев неизбежно терял свое влияние в регионах. Внутренняя структура модифицированных органов партийного руководства, увеличение числа и расширение полномочий отраслевых госкомитетов, по сути, создали предпосылки для возвращения к ведомственному принципу управления экономикой. И это позволяет говорить о поверхностности и в целом о неудаче хрущевских реформ. Главное было в том, что политические цели реорганизаций, несмотря на содержащееся в них рациональное зерно, входили в противоречие с экономической целесообразностью.

Если же говорить о результатах совнархозовской реформы в целом, то она не оправдывала связанных с ней ожиданий. Вместо повышения эффективности производства произошло нарастание энтропии в системе управления экономикой. Внутренняя неупорядоченность ее элементов оказалась шире и глубже, чем накануне реформ. Это наглядно показывало, что одними организационными перестройками системы управления стоящие перед экономикой проблемы не решить. Отсюда был сделан вывод о необходимости изобрести новую модель экономического развития. Такая модель, с одной стороны, должна была оставаться в рамках «социалистического выбора», а с другой — обеспечить решение задачи «догнать и перегнать» развитые страны с рыночной экономикой за счет активизации научно-технического прогресса, «совершенствования планирования» и «усиления материального стимулирования». И такой попыткой стала так называемая косыгинская реформа. Ее основные мероприятия планировалось осуществить в годы восьмой пятилетки

(1966–1970 гг.). Но эта реформа также оказалась половинчатой и захлебнулась уже к концу десятилетия.

Анализ причин ее неудач выходит за рамки нашего исследования. Стоит только отметить, что они были многочисленны и коренились как в экономической и политической ситуации внутри СССР, так и в международном внешнеполитическом контексте. Было и еще одно важное обстоятельство. «Косыгинскую реформу» и хрущевские перестройки объединяло одно важное качество: глубина преобразований по-прежнему определялась не экономикой, а политикой и идеологией. Отход от фундаментальных принципов политэкономии социализма оказался для советского общества невозможным. Самому же А. Н. Косыгину приписывают слова, сказанные в беседе с главой правительства Чехословакии Л. Штроугалом уже в 1971 г.: «Ничего не осталось. Все рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят... Реформу торпедируют. Людей, с которыми я разрабатывал материалы съезда, уже отстранили, а призвали совсем других. И я уже ничего не жду»¹²². И это тоже стало отдаленным последствием неудач хрущевских реформ.

3.3. За фасадом «золотой эпохи» советской науки

В современной историографии 1950–1960-е гг. часто называют «золотым веком» советской науки¹²³, и для этого есть все основания. Уже к концу хрущевской эпохи Советский Союз прочно утвердился в качестве одного из мировых научно-технических лидеров. Его ученые заняли передовые позиции в ряде разделов математики и механики, теоретической и экспериментальной физики, неорганической,

---

¹²² Цит. по: Андрянов В. И. Косыгин. М., 2003. С. 130–131.

¹²³ «Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг. / отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Солнцева. Самара, 2023. С. 12 и др.

органической и аналитической химии, наук о Земле¹²⁴. Быстро росла и продуктивность науки. Зримым тому подтверждением стали выдающиеся прорывы в развитии ядерных технологий, в создании ракетной и вычислительной техники, в освоении космического пространства. Были несомненные достижения в разработке передовых технологий, которые активно использовались в техническом перевооружении производства. По расчетам, выполненным на основании данных советской статистики, среднегодовое число созданных образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации в 1961–1965 гг. увеличилось по сравнению с периодом 1951–1955 гг. в 5,4 раза и достигло пика за всю советскую историю¹²⁵.

Согласно некоторым оценкам, по уровню технологического развития в конце «хрущевского десятилетия» Советский Союз не уступал ведущим западным странам: из 23 областей научно-технического прогресса он опережал США, ФРГ, Великобританию и Японию по 11 позициям, отставал по восьми, а по четырем был на том же уровне¹²⁶. Можно, конечно, согласиться, что сравнение проводилось по весьма ограниченному кругу направлений, чтобы делать однозначный вывод о сопоставимом технико-технологическом уровне советской и ведущих западных экономик¹²⁷. К тому же важно понимать, что в советской экономике освоение новых технологий далеко не всегда означало замену старого оборудования. Его старались использовать вплоть до полного физического износа, даже если это было явно нецелесообразно с экономической точки зрения. Но в любом случае очевидно, что в 1950–1960-е гг. СССР уверенно догонял своих западных оппонентов в научно-техническом отношении.

Материальной основой этих успехов было стремительное наращивание научного потенциала. Достаточно сказать, что в хрущев-

---

¹²⁴ См.: Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991; и др.

¹²⁵ См.: Яковец Ю. В. Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. М., 1988. С. 61–62.

¹²⁶ *Industrial Innovation in Soviet Economy* / eds. A. Amann, L. Cooper. N. Haven ; London, 1982. P. 52.

¹²⁷ Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время. Т. 1. С. 227.

скую эпоху численность научных сотрудников увеличилась в 3,5 раза и достигла 664 тыс. Всего к тому времени в сфере науки и научного обслуживания было занято 2,5 млн чел. Аналогичными темпами росло финансирование исследований. По данным советской статистики, в 1953–1965 гг. оно выросло более чем в шесть раз¹²⁸. Опережающее развитие научно-технической сферы по сравнению с другими секторами экономики подтверждают современные расчеты. Доля расходов на НИОКР в ВВП страны стремительно увеличивалась и уже в 1965 г. достигла 2,3 % (рис. 2).

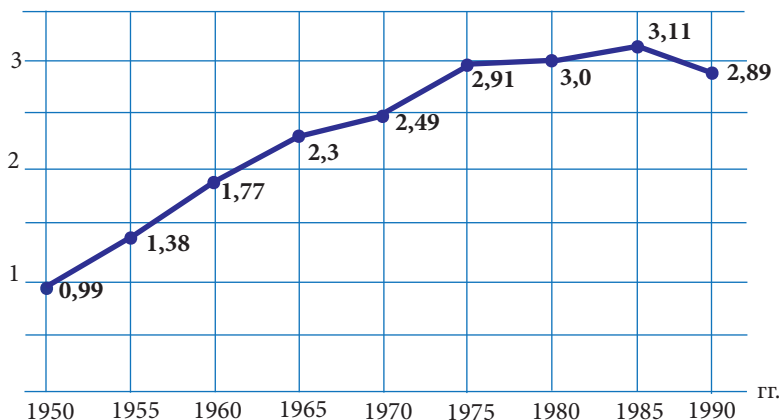

Рис. 2. Доля расходов на НИОКР в ВВП, %¹²⁹

Это был один из самых высоких показателей в мире. Даже сегодня согласно перспективным планам его намечается вывести на уровень 2,0 % только к 2030 г. Правда, уже во второй половине «хрущевского десятилетия» обозначилась проблема снижения отдачи от вложений в развитие исследований и разработок. И ее решение виделось в дальнейшем совершенствовании организации

¹²⁸ Чемоданов М. П. Концепции роста науки и фактор интенсификации. Новосибирск, 1982. С. 190, 191, 193.

¹²⁹ Сост. по: Варшавский А. Г., Сироткин О. С. Научно-технический потенциал // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1990. С. 350.

и управления научно-технической деятельности за счет идеологической мотивации ее участников.

В общем, это хорошо согласовывалось с философией реформ «по-хрущевски», не предполагавшей отказа от базовых принципов «социалистической системы хозяйствования». Главное внимание уделялось планированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также координации деятельности научно-исследовательских учреждений, налаживанию их устойчивого взаимодействия с производством. В соответствии с этим задавались приоритеты научно-технической политики и выдвигались инициативы, затрагивающие управление научно-техническим комплексом.

Первую задачу пытались решить путем подготовки своего рода «суперпланов», способных объединить практически все аспекты развития науки и техники, увязать их с планами капитального строительства и производственной деятельности. Так, первый заместитель Н. С. Хрущева по Совмину СССР А. Н. Косыгин в 1963 г. утверждал: «если до сих пор вопросы планирования были оторваны от науки, то сейчас планирование и наука объединяются»¹³⁰. Такое заявление скорее выдавало желаемое за действительное. В реальности же научные исследования и разработки традиционно рассматривались вне зависимости от широкого политического и экономического контекста, а не как его органическая часть¹³¹.

Накануне хрущевских реформ управление ими осуществляли несколько десятков министерств и ведомств, Академия наук СССР и отраслевые академии. Формально функциями координации исследований и разработок обладали Президиум АН СССР, Госплан и Минвуз СССР, но фактически их возможности в этой области были весьма ограниченными, а интересы — конфликтующими. Они явно были не способны обеспечить эффективное руководство научно-технической сферой в общегосударственном масштабе. В результате управление наукой напоминало лоскутное одеяло: каждое

¹³⁰ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 681.

¹³¹ Science Policy: USA/USSR // Science Policy in the Soviet Union / ed. P. M. Cocks. Vol. 2. Washington, 1980. P. 255.

ведомство действовало в соответствии со своими представлениями о должном с учетом выполнения утвержденных им планов.

В начале совнархозовской реформы заметную часть научно-исследовательских учреждений ликвидированных министерств передали территориальным органам управления промышленностью. В основном это были НИУ местного значения, предназначенные для реализации научных разработок в интересах конкретных территорий и решения частных производственных задач. Большая часть научно-исследовательских институтов по-прежнему оставалась в ведении центральных органов управления. На ноябрьском (1959 г.) пленуме ЦК КПСС отмечалось, что в подчинение Ленинградского совнархоза перешло всего лишь 43 научных учреждения из почти 200, причем такие, которые не определяли «развитие основных отраслей промышленности»¹³². Другой пример — в Сибири в ведении СНХ оказалось всего лишь 11 % НИУ и 3 % научных работников¹³³. Остальные НИУ отраслевой науки продолжали оставаться в подчинении сохранившихся министерств, ведомств и советов министров автономных республик. Иначе говоря, полномочия СНХ распространялись лишь на незначительный сегмент региональной сети научных учреждений. В то же время на них возложили ответственность за технологический уровень «своей» промышленности, «своих» территорий.

Для решения этой задачи в совнархозах наряду с функциональными и отраслевыми подразделениями создавались технико-экономические советы (ТЭС). Они, как предполагалось, должны были осуществлять разработку региональной научно-технической политики и координировать деятельность местных научно-исследовательских организаций по ускорению научно-технического прогресса¹³⁴. В их состав включались руководящие работники совнархозов, представители региональных партийных и государственных органов,

¹³² Пленум ЦК КПСС 24–29 июня 1959 г. : стеногр. отчет. М., 1959. С. 37.

¹³³ *Воробьев А. П.* Развитие отраслевой науки в системе научного потенциала Сибири (сер. 50-х — 60-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. С. 12.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 74.

крупные хозяйственники, ведущие ученые. Возглавляли советы либо председатели совнархозов, либо их заместители. Действовали они на общественных началах, столь популярных во времена Хрущева, поэтому, несмотря на представительный состав, не играли самостоятельной роли в управлении научно-технической деятельностью на региональном уровне. По сути, их позиция по тем или иным вопросам предreshалась руководством совнархозов.

После их укрупнения компетенция технико-экономических советов расширилась. Так, в Западно-Сибирском СХБ была введена практика обязательного обсуждения на заседаниях ТЭС всех стратегических вопросов развития региональной экономики, перспектив развития технико-технологического потенциала отдельных отраслей производства, тематики научно-исследовательских работ и планов внедрения новой техники¹³⁵. Однако это не дало ожидаемого эффекта, управление научно-техническим прогрессом на региональном уровне лучше не стало. Полномочия ТЭС и отраслевых управлений совнархозов так и не удалось разграничить, что вызывало постоянные управленческие коллизии. Понятно, что в основном они решались не в пользу ТЭС, поскольку последние изначально создавались лишь как совещательные органы, действовавшие на общественных началах и не обладавшие распорядительными полномочиями.

Но это было закономерным следствием типичного для хрущевского времени подхода к выстраиванию управленческой вертикали. С одной стороны, предполагалось в ее структуру встроить общественные организации, а с другой — ограничивалась их возможность влиять на принятие практических решений. Поэтому рекомендации ТЭС могли приниматься к исполнению только в том случае, когда они оформлялись в виде постановлений совнархозов. Такое положение вызывало у членов советов вполне понятное раздражение: они не желали быть статистами, имитирующими бурную деятельность, отсюда их стремление уклониться от работы в этих органах. В этом заключается одно из объяснений многочисленных нареканий по поводу того, что заседания ТЭС

---

¹³⁵ ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3 и др.

просто игнорировались. Кстати говоря, применявшиеся способы повлиять на «недисциплинированных» членов советов также были типичными для своего времени: в парткомы по основному месту их работы сообщали о пропуске заседаний совета и требовали наложения взысканий на уклоняющихся от выполнения важного партийного поручения, что, как показала практика, также не приводило к нужному результату¹³⁶.

Сложность проблем, с которыми приходилось сталкиваться совнархозам при формировании научно-технической политики, приводила к мысли о целесообразности создания более мощных, чем ТЭС, структур для проведения комплексной научной экспертизы готовившихся решений, которые должны были базироваться на принципах профессиональной, а не общественной деятельности. В некоторых совнархозах выдвигалась идея организации специальных технико-экономических институций для разработки основных направлений комплексного развития регионов, а также анализа эффективности проводимых НИОКР, внедрения в производство новой техники и технологий. Ощущение актуальности подобных организаций было столь велико, что кое-где предполагалось их создавать даже за счет внутренних резервов, без дополнительного финансирования¹³⁷. Однако эта инициатива не получила поддержки в верхах. Приходилось обходиться возможностями ТЭС, а вопрос об ускорении научно-технического прогресса продолжал оставаться одним из самых проблемных и в центре, и на местах. Правда, позже, в конце 1963 г., Хрущев предложил «рассмотреть вопрос» о создании ТЭС уже в Госплане, «в состав которого входили бы председатели отраслевых комитетов, директора крупных научно-исследовательских институтов, ученые-экономисты, новаторы производства»¹³⁸. Но дело до этого так и не дошло.

---

¹³⁶ См., например: Красное знамя. 1959. 9 дек.; 1960. 30 янв., 23 дек.; Советская Сибирь. 1960. 31 янв.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5022. Л. 17.

¹³⁸ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. С. 344–345.

Неспособность совнархозов наладить должное руководство «своими» исследовательскими, конструкторско-технологическими и проектными организациями стала очевидной уже через пару лет после запуска совнархозовской реформы. Большую озабоченность вызывали проблема разрыва сложившихся научно-производственных связей, нарастание трудностей в проведении внутриотраслевой технической политики. Выход нашли в возвращении научно-исследовательских учреждений центральным структурам в лице множившихся отраслевых госкомитетов. И уже в начале 1961 г. из полутора тысяч расположенных на территории Российской Федерации научных организаций в ведении совнархозов осталось только 168 учреждений, в которых числилось около 5 % научных сотрудников, имевшихся в отраслевом секторе науки республики¹³⁹.

Этот процесс был легализован ноябрьским (1962 г.) пленумом ЦК КПСС. Он принял решение о передаче всех научно-исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро с их опытной и экспериментальной базой отраслевым госкомитетам¹⁴⁰. Выступая с обоснованием такого шага, Хрущев утверждал: в научно-исследовательской и проектной работе «должна быть строгая вертикаль», поэтому ведущие ее учреждения «надо объединить по отраслям» под началом госкомитетов¹⁴¹. Разумеется, партийная установка была принята к «безусловному исполнению». Так, Особое конструкторское бюро Министерства электротехнической промышленности, которое в 1957 г. силой «загоняли» в Ленинградский совнархоз, три года спустя преобразовали в Научно-исследовательский институт электрофизической аппаратуры и передали в подчинение Государственного комитета по использованию атомной энергии (формально независимого, но работавшего под руководством Мин-

¹³⁹ Оценка по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 337. Д. 2574. Л. 81; Д. 2575. Л. 27.

¹⁴⁰ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 19–22 ноября 1962 г. : стеногр. отчет. М., 1963. С. 450.

¹⁴¹ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «О реализации решений ноябрьского пленума ЦК КПСС. 29 нояб. 1969 г. // Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 649.

средмаша по «открытой» тематике)¹⁴². А вскоре тот же комитет получил в свое подчинение шесть мощных конструкторских бюро, которые находились в составе совнархозов, но работали по заданиям атомной индустрии¹⁴³. Аналогичная ситуация наблюдалась во всех отраслях промышленности. По существу, это был возврат к отраслевой схеме управления научно-технической сферой, и произошел он раньше, чем в народном хозяйстве в целом, еще в «хрущевское десятилетие».

Особое внимание советское руководство уделяло Академии наук СССР. И это было понятно, поскольку в ее учреждениях работала большая часть наиболее квалифицированных научных сотрудников страны. С одной стороны, справедливо считалось, что повышение эффективности их деятельности является залогом ускорения технико-технологического прогресса, а с другой — академии постоянно предъявляли претензии, что она не уделяет должного внимания решению практических задач. Такое отношение к ней демонстрировали и сам Хрущев, и его соратники, до конца не понимавшие роли фундаментальных исследований в создании новейших технологий, обосновании оригинальных конструкторских решений и т. д.

Но провести переориентацию деятельности Академии наук было весьма непросто. Огромный авторитет и признанные заслуги, многолетняя история и прочные традиции не позволяли обойтись с ней как с рядовым министерством. В то же время в самой академии по-разному смотрели на перспективы ее дальнейшего развития. Влиятельная группа ученых считала, что академия должна сосредоточиться на решении фундаментальных научных проблем, а доведение их результатов до стадии практического использования — дело отраслевой науки. Особенно активно эту позицию отстаивали участники атомного проекта, в котором институциональное разделение фундаментальных и прикладных исследований вполне себя оправдало. С другой стороны, они, видимо, рассчитывали

---

¹⁴² Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. С. 182.

¹⁴³ См.: Круглов А. К. Штаб атомпрома. М., 1998. С. 154, 166; Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. С. 116.

таким образом закрепить свое право на независимый научный поиск в стенах академии. Другие видные ученые, в основном члены отделения технических наук, не соглашались с такой позицией. Они настаивали на сохранении за академией ведущей роли в разработке научных основ создания новой техники и передовых технологий¹⁴⁴.

Как и следовало ожидать, точку в этой дискуссии поставило высшее руководство страны. Выступая на июньском (1959 г.) пленуме ЦК КПСС, Н. С. Хрущев заявил: «настала пора перестроить работу... Академии наук», — подчеркнув «неразумность» положения, когда в нее «включены вопросы металлургии, угольной промышленности»¹⁴⁵. А в начале августа газета «Известия» «в порядке обсуждения» опубликовала статью академика Н. Н. Семенова, активного участника атомного проекта и Нобелевского лауреата, под названием «Наука сегодня и завтра». Ее главный вывод сводился к необходимости «освободить академию от научных учреждений, занятых преимущественно прикладными проблемами»¹⁴⁶.

В течение двух последующих месяцев в центральной прессе публиковались статьи как за, так и против такой реорганизации. Но на самом деле вопрос был уже предрешен «на самом верху». После длительного трудного согласования отдельных деталей в апреле 1961 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР»¹⁴⁷. В результате были серьезно пересмотрены структура и функции академии. Она освобождалась от ответственности за состояние научно-технических исследований. Сфера ее компетенции отныне распространялась лишь на естественные, общественные и гуманитарные науки. Постановление предусматривало вывод ряда научных учреждений из состава академии, они передавались отраслевым госкомитетам.

---

¹⁴⁴ См.: *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. С. 184–187.

¹⁴⁵ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза 24–29 июня 1959 года : стеногр. отчет. М., 1959. С. 465–467.

¹⁴⁶ Известия. 1959. 9 авг.

¹⁴⁷ Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 397–403.

Такая же участь постигла филиалы АН СССР: их подчинили организованному тогда же Госкомитету Совмина Российской Федерации по координации научно-исследовательских работ. Всего в 1961–1963 гг. Академия наук лишилась половины своих научных учреждений, в том числе 51 института и семи филиалов, в которых работала треть ее сотрудников¹⁴⁸. Потери понесли все тематические отделения, а Отделение технических наук вообще было ликвидировано. При этом критерий близости к производству использовался весьма формально. Так, в составе академии остались Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова и Институт теоретической и экспериментальной физики, хотя они работали по тематике Минсредмаша. Их передали в ведение Госкомитета по использованию атомной энергии в 1965 г., но уже совсем на иных условиях и с иным обоснованием.

Реорганизацию академической науки поддерживало руководство АН СССР, в том числе ее президент М. В. Келдыш¹⁴⁹. Трудно сказать, в какой мере они были искренни. Дело в том, что Хрущев продолжал вынашивать планы упразднения академии. Возможно, что ее лидеры, идя на частные уступки, пытались предотвратить такую угрозу, но в любом случае проведенная реорганизация не дала ожидаемого результата. Не случайно при смещении Хрущева в октябре 1964 г. ему вменили в вину «бесконечное и некомпетентное вмешательство... в руководство технической политикой, обернувшееся отрывом науки от производства», предвзятое отношение к Академии наук, непонимание ее роли в ускорении научно-технического прогресса¹⁵⁰.

Более продуктивной оказалась поддержанная Хрущевым идея перестройки территориальной структуры академической науки. Она предусматривала создание в регионах системы многопрофильных научных центров, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, осуществляющих подготовку высококвалифицированных кадров для науки и производства. Первым таким центром

---

¹⁴⁸ Комков А. Д., Карпенко О. М. и др. Академия наук СССР — штаб советской науки. М., 1968. С. 200.

¹⁴⁹ См.: Вестник АН СССР. 1963. № 7. С. 9.

¹⁵⁰ См.: Никита Хрущев. 1964 : стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 187, 208, 209, 220, 242.

должен был стать новосибирский Академгородок организованного в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук.

Его созданию посвящена обширная историография, что освобождает нас от необходимости подробно излагать, как это происходило¹⁵¹. Важно отметить лишь следующее: новый научный центр сразу же занял прочные позиции в системе советской науки. В августе 1964 г., когда был подписан акт сдачи-приемки его в эксплуатацию, он включал 15 академических институтов различного профиля, университет, опытный завод, имел развитую производственную и культурно-бытовую инфраструктуру, располагал жильем на 30 тыс. чел.¹⁵² Научные коллективы новосибирского Академгородка максимально быстро развернули фундаментальные исследования высокого уровня. И уже тогда ряд полученных ими результатов получил широкое признание не только в стране, но и за рубежом.

Кроме того, сотрудники СО АН СССР составляли большинство профессорско-преподавательского состава Новосибирского университета, а его студенты работали в лабораториях академических институтов на завершающем этапе обучения. Такой способ интеграции науки и высшего образования, называемый «системой физтеха», оказался весьма продуктивным. Благодаря ему удалось решить проблему пополнения квалифицированными кадрами бурно растущих академических институтов Новосибирска, других академических центров Сибири, развернуть их массовую подготовку для вузов, отраслевых научно-исследовательских организаций, наукоемких производств региона и сопредельных территорий¹⁵³.

---

¹⁵¹ См.: Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 гг.) : сб. док. / отв. ред. Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2007; *Куперитов Н. А.* Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006; Российская академия наук. Сибирское отделение : ист. очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. Новосибирск, 2007; *Артемов Е. Т.* Как принимались решения в советской системе управления (случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Урал. ист. вестн. № 3 (32). 2011. С. 129–138; и др.

¹⁵² НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 460. Л. 11, 18, 19.

¹⁵³ *Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А.* Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и техники. 2021. № 12, т. 1. С. 113–135.

Казалось бы, опыт создания новосибирского Академгородка доказал перспективность такого варианта развития научного потенциала и заслуживал тиражирования в других регионах. Но это было не так. Новосибирский научный центр СО АН СССР состоялся благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, государство пошло на крупные дополнительные вложения, которые могли окупиться далеко не сразу. Во-вторых, удалось организовать единовременный переезд большой группы сложившихся ученых из центра на периферию. Воспроизвести такой маневр было весьма непросто, особенно в условиях нарастания проблем в экономике страны, и проработку таких планов пришлось свернуть¹⁵⁴. Да и второй этап развития Новосибирского академического центра оказался менее удачным: он так и не смог стать основой полноценной региональной инновационной системы. Для доведения полученных в академических институтах результатов до масштабного использования требовалось иметь специальные конструкторско-технологические организации с опытным производством.

Решение об их строительстве в районе новосибирского Академгородка (так называемого «пояса внедрения») приняли в середине 1960-х гг. Его выполнение возложили на восстановленные промышленные министерства. Но вскоре оказалось, что подведомственные им организации оказались не готовы заниматься доведением академических наработок до стадии готовности к применению в масштабе отрасли, уж очень сложной оказалась такая задача. Она создавала множество проблем, решение которых отвлекало силы и средства министерств от выполнения планов по выпуску и так востребованной продукции. Поэтому организации «пояса внедрения» фактически переориентировали на обслуживание текущего производства¹⁵⁵.

Более успешно шло создание отраслевых инновационных центров. Как и в первое послевоенное десятилетие, они формирова-

---

¹⁵⁴ См.: *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. С. 243–250.

¹⁵⁵ См.: *Российская академия наук. Сибирское отделение : ист. очерк.* С. 218–221, 264.

лись в наукоемкой промышленности и преимущественно работали на оборону. В их состав включались научные, опытно-конструкторские и технологические организации, обеспечивавшие единство цикла исследования — производство. Далеко не всегда они создавались на периферии. В частности, в 1962 г. под Москвой начались работы по организации мощного инновационного центра в области микроэлектроники, получившего название Зеленоград.

Изначально в его состав предполагалось включить научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, опытно-промышленные предприятия. И уже в середине 1960-х гг. в Зеленограде работали пять НИИ (НИИ точного машиностроения, НИИ точной технологии, НИИ материаловедения, НИИ молекулярной электроники, НИИ физических проблем), Конструкторское бюро высокоинтенсивных источников света (КБИВИС), Опытный завод технологического оборудования, предприятия «Компонент», «Элион», «Ангстрем», «Микрон», «Протон» и «Элма» (в последующие годы названия институтов и предприятий неоднократно менялись). В их строительство были вложены огромные средства, но затраты себя вполне оправдали. По свидетельству Нобелевского лауреата академика Ж. И. Алферова, продукция Зеленограда в 1960–1970-е гг. находилась на уровне мировых стандартов¹⁵⁶. Это позволило приостановить наметившееся отставание в развитии советской электронной промышленности, ставшей узким местом в системе военно-промышленного комплекса.

Определенные новации имели место и в организации вузовской науки. Вектор ее развития был определен еще в апреле 1956 г. постановлением Совмина СССР «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях». Оно предусматривало создание в вузах отраслевых (хозрасчетных) и проблемных (финансируемых из бюджета) лабораторий, работающих под руководством ведущих ученых из числа профессорско-преподава-

---

¹⁵⁶ См. об этом: В Силиконовой тени // Эксперт. 2000. 21 авг. № 30 (243); Зеленоград — город микроэлектроники. Часть 1 // Зеленоград — живой памятник нашей победы : История земли зелиноградской : [сайт]. URL: <http://zelao41.ru/zelenograd-gorod-mikroelektroniki/> (дата обращения: 22.05.2024).

тельского состава. На проблемные лаборатории возлагалось проведение поисковых исследований в соответствии с утвержденными направлениями. Отраслевые же лаборатории ориентировались на решение конкретных задач, «непосредственно способствующих развитию технического прогресса», а роль главного заказчика работ отводилась хозяйственным организациям, которые должны были ее оплачивать¹⁵⁷.

Это привело к взрывообразному росту числа исследовательских подразделений в высшей школе. Только в 19 университетах Российской Федерации в 1957–1965 гг. были организованы 41 проблемная лаборатория и 20 отраслевых. Заметно возросло и финансирование вузовской науки: за те же годы оно увеличилось в восемь раз (в текущих ценах из всех источников)¹⁵⁸. Однако такой рост не изменил структуру расходов на науку в общегосударственном масштабе: по-прежнему ее отраслевой и академический сектора «осваивали» львиную долю выделяемых средств. Они же обеспечивали основной прирост знаний в области фундаментальных и прикладных исследований, реализовывали подавляющее большинство научно-технических программ и проектов. Не случайно хрущевское руководство уделяло такое внимание администрированию их деятельности.

Результативность использования имевшегося в наличии научного потенциала рассчитывали повысить за счет проведения единой научно-технической политики. Ключевая роль в ее осуществлении отводилась ведомствам, ответственным за координацию субъектов научно-технической деятельности. Как уже отмечалось, для выполнения этой функции в 1955 г. воссоздали Гостехнику, действовавшую еще в первые послевоенные годы, но ее функции были весьма ограничены. Она не имела подведомственных исследовательских организаций, а ее решения, по сути, носили рекомендательный характер и не оказывали сколь-нибудь заметного влияния на развитие науки и техники в стране. Это отражало противоречивое стремление —

---

¹⁵⁷ Высшая школа : сб. осн. постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е. И. Войленко. М., 1965. Ч. 1. С. 358–360.

¹⁵⁸ Беляев Е. А. Организация научных исследований в университетах (на материалах СССР и США) // Организация научной деятельности. М., 1968. С. 90.

с одной стороны, создать общесоюзный межотраслевой координирующий орган, а с другой — не давать ему больших полномочий, что шло бы вразрез с линией на децентрализацию управления экономикой. Деятельность Гостехники неоднократно подвергалась жесткой критике, особенно за ее финансовую беспомощность и сомнительный правовой статус¹⁵⁹. Высказывались здравые мысли об объективных основаниях такого положения из-за «секторной» организации науки, нежелания органов отраслевого руководства делиться правами в отношении подведомственных им научных учреждений. Но эти соображения не принимались во внимание.

Созданный взамен Гостехники в мае 1957 г. Государственный научно-технический комитет (ГНТК) Совета министров СССР недалеко ушел от своего предшественника. Два года он вообще существовал как бы полулегально, поскольку его деятельность не была регламентирована соответствующим подзаконным актом. На этом фоне его претензии контролировать развитие и внедрение новой техники выглядели явно чрезмерными. Это порождало многочисленные проблемы. Научно-исследовательские учреждения совнархозов нередко просто не выполняли требования этой организации с неопределенными полномочиями. Что же касается отраслевых госкомитетов, то они зачастую рассматривали ГНТК как ненужную помеху, на которую можно было просто не обращать серьезного внимания¹⁶⁰. Правда, при обсуждении положения о ГНТК активно дискутировался вопрос о наделении его достаточно широкими полномочиями в планировании развития науки и техники. Эта идея многими была встречена весьма настороженно. Даже В. А. Кириллин, бывший в то время одной из ключевых фигур в советской научной администрации (заведующий отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС, вице-президент АН СССР), высказывал на сей счет опасения, хотя и допускал возможность планирования в общегосударственном масштабе и координации относительно небольшого числа приоритетных научных проблем

¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 2. Д. 600. Л. 1–15; Ф. 262. Оп. 5. Д. 5006. Л. 93.

¹⁶⁰ Там же. Оп. 3. Д. 6. Л. 217; Д. 19. Л. 198–199; Д. 171. Л. 32.

и направлений¹⁶¹. Однако на практике ГНТК так и не получил реальных прав ни в области планирования, ни в сфере финансирования научной деятельности.

ГНТК без особых достижений просуществовал четыре года. На его руинах возникла новая структура — Государственный комитет Совета министров СССР по координации научно-исследовательских работ (ГККНИР), созданный в 1961 г. и реорганизованный в 1963 г. с переподчинением ВСНХ СССР¹⁶². Главными аргументами в пользу его создания были обилие и несогласованность действий различных руководящих структур, отвечавших за научно-техническое развитие. Академик М. В. Келдыш, только что занявший пост президента АН СССР, выступая на Всесоюзном совещании научных работников в 1961 г., подчеркивал, что «основной причиной медленного продвижения научных достижений в производство, разрыва между научными исследованиями и их внедрением является отсутствие единого планирования и координации работ институтов, конструкторских бюро и промышленности»¹⁶³.

На бумаге ГККНИР наделили весьма широкими полномочиями. Они включали обеспечение текущего и перспективного планирования научных исследований по наиболее важным направлениям развития науки, а также руководство такими работами. На него также возложили осуществление мероприятий по упорядочиванию сети научных учреждений и развитию кадрового потенциала науки, определению принципов распределения финансовых и материально-технических ресурсов и руководству системой научно-технической информации в стране¹⁶⁴. Для упрочения связей с высшими органами хозяйственного управления приняли решение ввести одного из заместителей председателя ГККНИР в состав членов Госплана СССР, а другого — в состав СНХ СССР. Очевидно, что это

---

¹⁶¹ Правда. 1959. 13 марта.

¹⁶² Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 11. Ст. 136.

¹⁶³ Правда. 1961. 13 июня.

¹⁶⁴ О дальнейшем улучшении руководства развитием науки и техники в стране: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 5 марта 1963 г. // КПСС в резолюциях съездов конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1986. Т. 10. С. 306–311.

преследовало цели не только взаимной увязки работы структур управления, но и снятия обострившейся конфликтности во взаимоотношениях между ними. Дело в том, что наука в условиях бурного экстенсивного роста все больше и больше конкурировала за ресурсы с прочими отраслями экономики. Этот спор носил трудноразрешимый характер. Он был порожден самим положением науки в советском обществе, которая теперь фактически рассматривалась как одна из отраслей народного хозяйства, и вряд ли ситуацию можно было гармонизировать даже хорошо отлаженными горизонтальными связями. Впоследствии борьба за ресурсы только обострялась, и никакие управленческие структуры так и не смогли ей воспрепятствовать.

Что же касается конкретной работы ГККНИР, то она, как и деятельность его предшественников, также вызвала немало критики. Особо указывалось на его беспомощность в части определения приоритетов научно-технической деятельности, «осуществление контроля за развитием и внедрением новой техники в народное хозяйство». В свое оправдание руководство ГККНИР указывало, что эти функции он должен выполнять «совместно» с Госпланом СССР «на основе предложений» советов министров союзных республик, отраслевых госкомитетов, совнархозов. Другими словами, его задачи во многом предопределялись другими управленческими структурами, а сведения по оборонной тематике вообще предоставлялись ГККНИР лишь в самом общем виде, и он был вынужден включать их в общегосударственный план без всякой перепроверки¹⁶⁵. Сам же Хрущев, оценивая деятельность Госкомитета, отмечал, что «с самого начала» он ограничивался пассивным вмешательством в деятельность научных учреждений, сосредоточив главное свое внимание на составлении перечня научных тем, разрабатываемых в институтах. А темы, как и прежде, выбирали сами научные работники, они же устанавливали для себя и сроки их выполнения. Все это приводило к тому, что силы ученых

---

¹⁶⁵ РГАНИ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1283. Л. 148.

неоправданно распылялись, а в научной работе возникало много дублирования и параллелизма¹⁶⁶.

В последние годы пребывания у власти хрущевской администрации возникла еще одна проблема: с усилением тенденции к централизации стали появляться жалобы множества отраслевых госкомитетов на ГКНИР с указанием на то, что он мешает координации научно-исследовательских работ. Парадоксально, но факт: орган, специально создававшийся для проведения координации, обвиняли в том, что он же ей и мешает. Видимо, эти претензии были услышаны высшим руководством. В ноябре 1963 г. в докладе на пленуме ЦК КПСС Хрущев заявил: «Президиум ЦК... пришел к единодушному мнению, что руководство научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями должно быть централизовано в соответствующих отраслевых комитетах, то есть построено по вертикали. Только таким образом может быть обеспечено проведение единой, наиболее разумной технической политики»¹⁶⁷.

По сути, это означало признание провала замысла организации надотраслевого органа управления развитием науки и техники. Дело было не только в том, что создававшиеся структуры просто не успевали развернуть свою деятельность и реализовать имеющиеся потенциальные возможности. Фактически реформа в науке свелась к перманентной перестройке аппарата управления, но в отсутствие назревших преобразований экономических институтов ее результативность стремилась к нулю¹⁶⁸. Однако именно этот компонент в реформах Н. С. Хрущева совершенно отсутствовал. Вполне возможно, что не оправдавшийся вариант жесткого централизованного руководства в науке пошел ей лишь на пользу,

---

¹⁶⁶ Проект записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по вопросам науки // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 410.

¹⁶⁷ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. С. 344.

¹⁶⁸ Веденев Ю. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР : Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1987. С. 16, 23.

в противном случае потери могли бы быть больше. В науке диктат центра далеко не всегда дает позитивные результаты. Поэтому его отсутствие вряд ли можно считать главной причиной обозначившегося к концу хрущевской эпохи ухудшения качества научной деятельности в СССР.

Рассматривая систему институций по координации и руководству научными учреждениями, следует отметить еще одну инстанцию. В июне 1957 г. в ходе общей реорганизации плановых органов было сформировано Главное управление научно-исследовательских и проектных организаций при Госплане СССР (Главниипроект). В его ведение перешли научно-исследовательские и проектные организации, опытно-конструкторские и технологические бюро гражданского профиля, не вошедшие в состав совнархозов. Главниипроект также занимался долгосрочным научно-техническим прогнозированием. В этом его деятельность пересекалась с функционалом отраслевых госкомитетов, что оборачивалось межведомственными спорами и столкновениями. Он просуществовал до 1963 г., когда его научно-технические и проектные организации перешли в ведение отраслевых госкомитетов.

Проводя перестройку органов управления научно-технической деятельностью, Хрущев стремился создать видимость участия в этом процессе «широкой общественности», по крайней мере представителей так называемой номенклатуры. Это отражало общие изменения в механизме принятия решений во властных инстанциях в сравнении со сталинским временем. В результате повысилась степень публичности обсуждения вопросов, связанных со стратегией развития научного потенциала. Власть демонстрировала стремление привлечь к определению ее перспектив не только политических и хозяйственных руководителей, но и крупных ученых и организаторов науки. Это позволяет некоторым экспертам, явно преувеличивающим роль «научной общественности», заявлять об имевшем место «симбиозе науки и власти»¹⁶⁹. Тем не менее, не вызывает сомнения

---

¹⁶⁹ «Генштаб науки»: всестороннее исследование Российской, Советской, Российской Академии наук : сб. ст. 1 / сост. Х. Ичикава ; Research Group No 22500858 ; Japan Society for the Promotion of Science. Хиросима, 2011. С. 4.

желание Хрущева сформировать вокруг себя круг неформальных консультантов из числа видных деятелей науки. Большинство из них были членами АН СССР, сделавшими себе имя, участвуя в атомном проекте, ракетно-космической программе, создании реактивной авиации и т. д. Хрущев рассчитывал воспользоваться их опытом при определении приоритетов научно-технической политики, прорывных направлений развития науки, оптимальных форм и способов ее взаимодействия с производством.

Чтобы легитимизировать этот процесс, сначала Хрущев хотел учредить официальный пост советника по науке и технике при правительстве. На него намечалось назначить академика И. В. Курчатова, пользовавшегося неоспоримым авторитетом в руководящих кругах. Но его неожиданная кончина, как говорится, спутала карты, и уже в самом конце своего правления Хрущев выдвинул идею создания надведомственного научного консультативного совета при правительстве. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в январе 1963 г., он утверждал, что новая структура не должна быть «штатным органом», таких более чем достаточно. Ее задача — организовать обсуждение и обмен мнениями ведущих специалистов по ключевым вопросам развития науки и техники¹⁷⁰. Через год в феврале 1964 г., развивая эту мысль, Хрущев подчеркивал: «вопросы науки не понимаются иногда до большого политического, государственного уровня. Видимо, надо иметь какой-то орган, который занимался бы крупными научно-экономическими проблемами. В состав этого органа могут войти ученые, руководители академий наук, государственных комитетов, партийные и хозяйственные работники. Такой орган призван давать анализ научного развития в широком смысле этого слова, следить за тенденциями и направлением наиболее важных областей научных знаний, давать соответствующие аргументированные обзоры научных направлений»¹⁷¹.

Совет по науке при Совете министров СССР был образован в ноябре 1963 г. Его возглавил академик М. А. Лаврентьев, председатель

---

¹⁷⁰ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 679.

¹⁷¹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8. С. 458.

недавно созданного Сибирского отделения Академии наук СССР, давний знакомый и один из фаворитов Хрущева из числа ученых. В духе времени совет формировался как общественный совещательный орган. На него возлагались задачи по предварительному обсуждению и экспертизе правительственных постановлений в области науки и техники, выдвижению и проработке инициативных предложений о перспективах их развития. Он собирался лишь несколько раз и прекратил свое существование сразу после отставки Н. С. Хрущева. Главная причина заключалась в том, что действовавшая система администрирования не предполагала расширения влияния «несистемных» структур на руководство страны. Это не соответствовало логике складывавшегося механизма «бюрократического торга».

Свою роль, по всей видимости, сыграл и личностный фактор. Ведущие позиции в Совете по науке занимали руководители СО АН СССР, а это не устраивало многих авторитетных деятелей: в продолжении деятельности совета они видели угрозу своим интересам¹⁷². Но все же не стоит преувеличивать роль научно-технической элиты. Ученый и конструктор мог давать советы политикам по практическим вопросам развития науки и техники, определение же стратегического курса оставалось за высшим руководством. Как говорил Н. С. Хрущев, «для политического руководства... у нас достаточно нашей партии и Центрального комитета», — и добавлял: «а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук»¹⁷³. И этой позиции он последовательно придерживался при разработке стратегии ее развития.

В концентрированном виде свои взгляды на «вопросы науки» Хрущев изложил в апреле 1963 г. в специальной записке, предназначенной для членов Президиума ЦК КПСС¹⁷⁴. Начал он с заявления,

---

¹⁷² Узбекова Ю. И. Деятельность Совета по науке при Совете министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2007. № 2. С. 16.

¹⁷³ Неисправленная стенограмма июньского (1964 г.) пленума ЦК КПСС // Никита Хрущев и другие документы. М., 2007. С. 61.

¹⁷⁴ Проект записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по вопросам науки (не ранее 12 апреля 1963 г.) // Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 409–418.

что наука является «одним из главных источников силы развития советского общества... обеспечивает технический прогресс в народном хозяйстве... обогащает духовную жизнь человека». И добавлял: «мы по праву гордимся достижениями наших ученых в освоении космического пространства, использовании атомной энергии, в самолетостроении, в ракетной технике и во многих других отраслях». Но есть проблемы, тормозящие поступательное развитие науки, которые требуют безотлагательного решения.

Главное, по мнению Хрущева, заключалось в отсутствии «надлежащего руководства» исследовательской деятельностью. Отсюда «неправильная организация работы институтов», когда «годами» финансируются темы «надуманные и бесперспективные, не представляющие никакой ценности», наличие в научных коллективах малопродуктивных сотрудников и нежелание от них избавиться, слабая осведомленность о мировых научно-технических достижениях и т. д. Как и следовало ожидать, особое внимание Хрущев уделил «проблеме внедрения». Собственно, она и была для него центральной. Ее решение Хрущев также видел в «улучшении» руководства. «Внедрение достижений науки в производство надо поставить так, чтобы оно было законом, а не зависело от субъективных настроений и личных желаний отдельных людей: хочу — внедряю, а хочу — нет». Это отражало его глубокое убеждение, что любое дело можно поправить организационными мерами.

Затем следовали практические предложения, фактически представлявшие собой набор привычных призывов и пожеланий: улучшить планирование и координацию деятельности научных учреждений как между собой, так и с производственными предприятиями и органами отраслевого управления, наладить механизм приемки результатов НИОКР, повысить ответственность управленческих структур и руководителей различного ранга за выполнение заданий по ускорению научно-технического прогресса.

Как видно, ничего нового Хрущев не предлагал, и было непонятно, почему те же самые меры помогут блокировать нарастание негативных тенденций. Правда, среди предложений была одна новация, выходящая за рамки административных усовершенствований:

Хрущев призвал «подумать» и о введении системы материально-го стимулирования процесса «внедрения», «установить какой-то определенный процент от экономической эффективности новой техники для премирования работников, отличившихся в этом деле». Но это были скорей пожелания, принципиально не менявшие сути организационно-административного подхода к решению назревших проблем. Суть же всех предложений заключалась в централизации управления научно-техническим прогрессом, в формировании единой политики, системно связывающей исследования, разработку и внедрение в производство новых образцов техники и передовых технологий. Правда, не разъяснялось, как такие меры будут согласованы с практическими действиями по усилению ведомственного начала в управлении наукой.

Другим важным условием ускорения научно-технического достижения такого результата Хрущев считал опережающее наращивание количественных параметров научного потенциала. Этой установкой руководствовались при подготовке Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР. В ее проектировках утверждалось, что выход на передовые позиции «по всему фронту» современной науки требует радикального наращивания ее потенциала. В одном из рабочих вариантов Генеральной перспективы на период с 1961 по 1980 г. намечалось увеличить численность исследователей в четыре раза и довести ее до 1 млн 200 тыс. чел. (без учета научно-педагогического персонала). За это же время ассигнования на НИОКР должны были вырасти в десять раз, а капитальные вложения в сферу науки и научного обслуживания — в 30 раз. По всей видимости, разработчики соответствующей части Генперспективы стремились учесть приверженность лидера страны «магии больших цифр» и не акцентировали внимание на возможности рационального эффективного использования столь масштабных ресурсов. Как и Хрущев, проблему они видели лишь в одном — в превращении плановых заданий в области науки в такой же «закон», что и выполнение планов производства¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 603. Л. 1–31; Д. 612. Л. 277; Д. 656. Л. 233.

Генеральная перспектива, как уже отмечалось, не стала директивным документом. Но на ее проектировки старались ориентироваться при разработке плановых заданий вплоть до окончания «хрущевской эпохи». В то же время уже в начале 1960-х гг. явно обозначилось снижение отдачи от вложений в сферу НИОКР. Правда, во второй половине десятилетия удалось отчасти блокировать эту тенденцию. Затем «эффект торможения» вновь возобладал. Согласно имеющимся расчетам, отношение выпуска наукоемкой продукции к затратам на НИОКР с начала 1970-х гг. и вплоть до перестройки снижалось на 13–15 % за пятилетку¹⁷⁶. В 1970-е гг. в СССР доля интенсивных факторов развития производства, в основе которых лежали инновационные решения, новые технологии и т. п., составляла не более 20 %, в то время как в промышленно развитых странах — 60–70 %¹⁷⁷.

Иначе говоря, практика показывала, что количественно наращивание параметров научно-технического потенциала еще не ведет к повышению инновационной активности в рамках сложившейся системы хозяйствования. Ничего не меняли ее постоянные «усовершенствования», дополняемые постоянными призывами относиться к «делу внедрения» «по-государственному», «со всей ответственностью». Субъекты хозяйствования их просто игнорировали: они не видели никакого резона в том, чтобы не вербально, а на практике на них реагировать. Задействовать же рыночные механизмы для ускорения технико-технологического прогресса власть была не готова по политико-идеологическим соображениям. Да она и плохо представляла, как это сделать, что проявилось в ходе так называемой косыгинской реформы, основные положения которой начали прорабатываться еще в хрущевское время.

Сам же Хрущев ответственность за торможение технико-технологического прогресса, помимо «руководящих органов», возлагал

---

¹⁷⁶ См.: Варшавский А. Е., Сироткин О. С. Проблемы российской науки // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999. С. 343–348; Макаров В., Варшавский А. Наука высокотехнологичных отраслей и инновации // Экономика России : оксфордский сб. Кн. 2. С. 815–817.

¹⁷⁷ Комков Н. И. Комплексное прогнозирование научно-технологического развития: опыт и уроки // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2 (143). С. 4.

на научно-исследовательские учреждения и ученых. При обсуждении проекта основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970-е гг. он подверг их уничтожающей критике за будто бы неспособность и нежелание заниматься «проблемой внедрения». Обращаясь к руководителям, отвечавшим за разработку плана новой пятилетки, Хрущев говорил: «Я вам советую... не ставьте себя в зависимость от наших ученых и их исследовательско-лабораторных работ». Если ориентироваться на них, «то пройдет десять лет», когда мы наконец получим результаты, нужные сегодня. Надо ориентироваться на границу: «там купили завод, получили технологию, купили лицензию, и через два года получаем новое качественное производство... это единственно правильное»¹⁷⁸.

В обоснование своей позиции Хрущев утверждал: «нельзя жить в науке на основе автаркии»¹⁷⁹. В принципе, такая позиция была абсолютно правильной: в условиях разворачивавшейся глобализации расширение обмена научными знаниями, передовыми технологиями, высокопроизводительной техникой являлось важным источником ускорения экономического роста. Советский Союз активно участвовал в этом процессе. В годы «хрущевского десятилетия» он сделал заметный шаг в интеграции в мировое научно-техническое пространство. Несмотря на противодействие таких институтов, как находящийся под контролем Соединенных Штатов Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom), был существенно расширен легальный импорт передовых технологий и оборудования, налажен обмен научной информацией, восстановлены личные контакты между советскими и зарубежными учеными и т. д.¹⁸⁰ Но, поощряя международный трансфер, важно видеть ту тонкую грань, за которой следует утрата технологического

¹⁷⁸ «Мы находимся на рубеже или славы, или позора». С. 183–189.

¹⁷⁹ Там же. С. 188.

¹⁸⁰ См.: Санчес-Сибони О. Красная глобализация : Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева. СПб., 2022; «Золотое двадцатилетие» советской науки: Советский Союз и международный трансфер в 1950–1960-е гг. / отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Солнцева. Самара, 2022.

суверенитета. Судя по сказанному выше, Хрущев, да и не только он, ее не чувствовал. В долгосрочном плане это вело к усилению зависимости от зарубежных источников научно-технического прогресса со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для экономики и национальной безопасности страны.

3.4. От декларированного благоденствия к социальному протесту

Согласно программным документам хрущевского времени, поступательное развитие экономики являлось не самоцелью, а средством «неуклонного повышения» материального благосостояния и качества жизни советских людей. Но в социально-экономической политике Хрущев был вынужден пройти между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, он стремился стимулировать развитие производства с тем, чтобы повысить уровень жизни всего населения страны, с другой — обеспечить социальное равенство. И эта дилемма, сформулированная в идеологемах хрущевской политики, на практике оказалась неразрешимой.

С точки зрения официальной статистики на протяжении десятилетий неравенство в доходах сохранялось в СССР на приемлемом уровне. Децильный коэффициент, отражающий соотношение между средними доходами 10 % населения с наиболее высокими доходами и средними доходами 10 % наименее обеспеченных жителей, с начала 1930-х до середины 1950-х гг. составлял от 3 до 5. Согласно некоторым расчетам, доля доходов верхних 1 и 10 % населения России в первые советские годы резко сократилась по сравнению с предреволюционным временем: с 18 и 47 % в 1905 г. до менее 4 и 23 % в 1925 г. Затем к 1955 г. этот показатель увеличился до 6 и 26 %¹⁸¹. В целом неравенство в доходах в годы «классического» сталинизма

---

¹⁸¹ *Novokmet E., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016 // National bureau of economic research, Cambridge, MA, USA : [website]. 02138. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (accessed: 12.12.2023).*

оставалось относительно невысоким, а его увеличение являлось следствием усложнения структуры производства и роста числа относительно высокооплачиваемых квалифицированных работников.

Относительно невысокий уровень дифференциации доходов в 1930-х гг. объяснялся рядом обстоятельств. В поисках средств для проведения форсированной индустриализации государство стремилось максимально зарегулировать потребление. При формировании инвестиционных стратегий руководству страны из-за этого приходилось постоянно балансировать на грани обострения социальных проблем. Низкий уровень «справедливой» заработной платы — практически единственного источника доходов городского населения — нивелировался индоктринацией общества, активным использованием идеологического фактора. По сути, работникам предлагалось смириться с существованием на грани выживания в обмен на обещание светлого будущего¹⁸². Некоторое время такая апелляция к моральным мотивационным аргументам являлась действенным инструментом. Для несогласных же имелся механизм репрессий. А для ряда социальных страт, прежде всего номенклатуры, относительно низкий уровень денежных доходов вполне компенсировался внеэкономическими механизмами обеспечения потребления.

Такая модель распределительных отношений практиковалась и в первые послевоенные годы, но теперь ее осуществление сталкивалось со все большими трудностями. Во-первых, по мере роста и усложнения структур экономики внеэкономические методы мотивации труда теряли былую эффективность. Во-вторых, они входили в противоречие с общественными ожиданиями, возникавшими на фоне многолетней усталости от дефицита всего и вся. Свою роль здесь сыграла «оттепель», способствовавшая повышению информированности советских людей о повседневной жизни на Западе. Это произошло благодаря росту масштабов выезда за границу, увеличению числа международных мероприятий с участием советских представителей и их организации в самом

---

¹⁸² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М., 2008. С. 128.

Советском Союзе. В качестве примера можно привести такое беспрецедентное событие, как проведение Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Он заметно расширил представления советских людей о стандартах «общества потребления», активно формировавшегося тогда на Западе. Да и сам Хрущев приложил к тому руку: вдохновленный многочисленными поездками за рубеж, он в своих выступлениях стал использовать причудливую риторику, пытаясь совместить советский коммунистический эгалитаризм с западным консьюмеризмом. Особенно отчетливо это проявилось после его визита в США и знакомства с повседневным бытом американских семей. Но принципиальных изменений в отношении к проблеме неравенства не наблюдалось. Сокращение разрыва в доходах между высоко- и низкооплачиваемыми группами населения считалось одной из приоритетных задач социально-экономической политики.

На практике заменить материальные стимулы моральным поощрением, призывами к интенсификации трудовой деятельности, воспитательными мерами в отношении нерадивых работников не получилось. С отказом от жесткого административного нажима такой подход не срабатывал. И это относилось не только к отдельным работникам, но и к предприятиям, и к экономике в целом. В рамках официальной политики в Советском Союзе фактически продолжали бороться с объективной потребностью полнее учитывать в оплате труда уровень производительности каждого работника, даже если его вознаграждение далеко выходило за рамки принятых стандартов.

По мере усложнения структуры экономики, появления предприятий, относящихся к новому технологическому укладу, разрыв между идеологией и практикой становился все более очевидным. Даже когда экономика начала «пробуксовывать», Хрущев не отошел от своего социального идеала, в качестве которого выступал высокий уровень жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления. Правда, не уточнялось, кто и по каким критериям должен определять степень разумности. Видимо, для Хрущева было очевидно, что это должно делать госу-

дарство с привлечением «общественности». Тем не менее, достижение названной цели казалось ему и его единомышленникам вполне реальным за счет ускорения экономического развития, которого в конечном итоге так и не случилось.

Конечно, в социальной политике Н. С. Хрущева было немало успешных решений. Кое-чего удалось добиться, и поначалу это «кое-что» сделало такую политику весьма популярной у населения. Интегрированным показателем повышения уровня жизни населения стал рост ее средней продолжительности: к середине 1960-х гг. она почти достигла 70 лет. Ожидаемая продолжительность жизни для тех, кто уже дожил до 60 лет, за пять лет к 1966 г. также возросла и достигла 79 лет¹⁸³. По данному показателю Советский Союз приблизился к наиболее развитым странам мира. Это стало следствием улучшения материального благополучия населения, повышения качества и расширения доступности медицинских услуг, позитивных изменений в социальном климате. В результате к 1970-м гг. сформировалась «советская модель благосостояния». Она включила в себя такие элементы, как удовлетворение первичных потребностей в товарах и услугах при их невысоком уровне, социальная защищенность, относительно низкая дифференциация доходов, а также высокая степень охвата социальными услугами. И начало ее формированию было положено именно при Хрущеве.

Одной из несомненных историй успеха Н. С. Хрущева стала программа жилищного строительства. В 1955–1957 гг. вышел ряд партийно-правительственных постановлений, определивших ход реализации жилищной реформы в стране¹⁸⁴. В них фактически было

---

¹⁸³ Народное хозяйство СССР в 1967 году : (стат. ежег.). М., 1968. С. 702.

¹⁸⁴ Об устранении излишеств в проектировании и строительстве : постановление ЦК КПСС № 1871 от 04.11.1955 г.; О развитии жилищного строительства в СССР : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 931 от 31.07.1957 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения: 12.12.2023); и др.; Огородникова О. А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // Universum: общественные науки : электрон. науч. журн. : [сайт]. 2018. № 3 (44). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/5677> (дата обращения: 05.09.2024).

определено, что нормальное жилье для семьи — отдельная квартира. До этого времени за счастье считалась отдельная комната в коммуналке. Так в городах СССР началась реализация стратегии массовой застройки городского пространства индустриальными методами типовым жильем, рассчитанным на ограниченный срок эксплуатации, что впоследствии вызвало много сомнений в ее разумности и поток критики¹⁸⁵. Конечно, на фоне строений, выполненных в стиле сталинского ампира, «хрущевки» выглядели не просто скромно, а весьма бледно, но свою функцию такие дома выполняли в полной мере. Особо нужно отметить, что жилье предоставлялось бесплатно: таково было видение «столбового пути» повышения уровня жизни. Ставка делалась не на увеличение выплат «живых денег», а на расширение бесплатно предоставляемых благ и услуг. Считалось, что такой курс обеспечивает укрепление в обществе коллективистского духа как необходимого условия строительства коммунизма¹⁸⁶.

После начала реализации жилищной программы по темпам строительства жилья СССР вышел на первое место в мире, и по ее итогам каждая четвертая семья получила новую квартиру. Темпы строительства жилья быстро нарастали. На старте выполнения жилищной программы в 1956 г. было введено 41,0 млн м² жилой площади, а три-четыре года спустя, в 1959 и 1960 гг., эти показатели составили 80,7 и 82,8 млн м², увеличившись более чем вдвое¹⁸⁷. По имеющимся данным, с 1956 по 1963 г. национальный жилищный фонд вырос почти в два раза — с 640 до 1184 млн м², то есть за данный период в СССР было построено больше жилья, чем за предшествующие 40 лет¹⁸⁸.

В результате миллионы людей улучшили жилищные условия, получив в большинстве случаев отдельные благоустроенные кварти-

---

¹⁸⁵ Ратникова П. Р., Тарасов О. Ю. Анализ критики советской застройки: социально-исторический аспект // Региональные проблемы. 2023. Т. 26, № 2. С. 60–63.

¹⁸⁶ Пыжиков А. В. Хрущевская оттепель. С. 299.

¹⁸⁷ См.: Народное хозяйство в СССР в 1962 году : (стат. ежег.). М., 1963. С. 501; Огородникова О. А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности.

¹⁸⁸ Бромлей Н. Я. Уровень жизни в СССР (1950–1965) // Вопр. ист. 1966. № 7. С. 12.

ры. С 1956 по 1959 г. их число увеличилось в 1,6 раза. Правда, затем рост числа граждан, улучшивших жилищные условия, прекратился: сказались нарастание трудностей в экономике и непредвиденные заранее темпы наращивания оборонных расходов (рис. 3), но это не отменяет положительного итога жилищной политики хрущевского времени. Всего в хрущевскую эпоху было построено свыше 13 тыс. жилых домов, а около 54 млн советских людей переехали в отдельные благоустроенные квартиры¹⁸⁹.

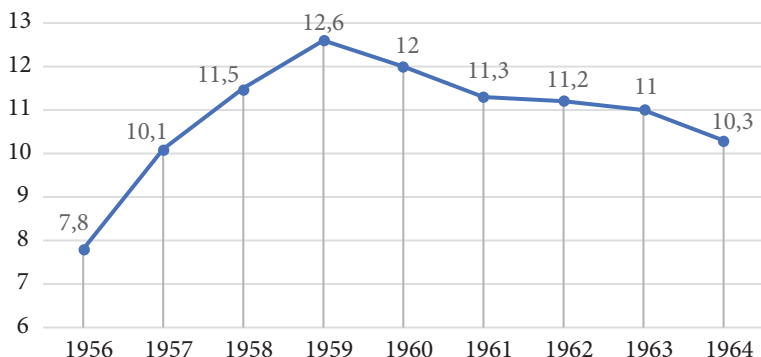

Рис. 3. Число людей, улучшивших жилищные условия (млн чел.)¹⁹⁰

Хрущев явно гордился результатами реализации своей жилищной политики, считая их одним из главных своих достижений. Позже он вспоминал: «по метражу нового строительства мы тогда ошеломили мир. Ни одна страна не возводила столько жилья, сколько мы»¹⁹¹. По воспоминаниям Н. К. Байбакова, занимавшего при Хрущеве ряд крупных государственных должностей, «в короткие сроки удалось переселить миллионы почти бездомных людей из бараков и развалюх. И простые люди в те годы были

¹⁸⁹ Горлов В. Н. Сталинская архитектура как общественное явление // Вестн. архивиста. 2005. № 5–6. С. 134.

¹⁹⁰ Народное хозяйство в 1970 году : (стат. ежег.). М., 1971. С. 545.

¹⁹¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 396.

от всей души благодарны за это»¹⁹². Лишь спустя годы, когда выяснилось, что построенные в рамках хрущевской жилищной политики дома оказались не временным решением, а постоянным, слово «хрущобы» стало приобретать ироническую, а в чем-то и негативную коннотацию. Правда, было одно непредвиденное последствие успехов «на жилищном фронте». Парадоксальным образом улучшение жилищных условий способствовало эрозии общества, «идущего по пути строительства коммунизма», породив «кухонную культуру», которая была невозможна до индивидуализации быта.

Были и другие позитивные изменения в социальном положении «широких трудящихся масс». Во второй половине 1950-х гг. продолжился рост заработной платы, ее увеличение в зависимости от отраслей производства в промышленности и строительстве составило от 12 до 26 %. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в стране была проведена реформа оплаты труда — первая реформа такого рода с начала 1930-х гг. Вопрос о ней был поставлен еще в июле 1955 г. на пленуме ЦК партии и артикулирован на XX съезде КПСС. Реформу провели в несколько этапов в период с 1956 по 1962 г., и она носила противоречивый характер¹⁹³. С одной стороны, признавалось, что существовавшие тарифные сетки (повременная или сдельная) не соответствуют принципу «равной оплаты за равный труд». Утверждалось, что такая система не является стимулирующим фактором для работника, поскольку не обеспечивает корреляцию между результатами труда и его вознаграждением и не побуждает к увеличению интенсивности трудовой деятельности. С другой стороны, говорилось о ее излишней дифференцированности. В результате тарифные сетки существенно сократились, например, у рабочих сферы машиностроения — с восьми до шести разрядов, а диффе-

¹⁹² Байбаков Н. К. Собрание сочинений : в 10 т. М., 2011. Т. 5. С. 129.

¹⁹³ См. подробнее: Разгон В. Н., Прибыткова К. П. Реформа заработной платы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в советской промышленности: причины, содержание, значение в системе мотивации труда (на примере предприятий Алтайского края) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2022. № 80. С. 66–77; Filtzer D. The Soviet Wage Reform of 1956–1962 // Soviet Studies. 1989. Vol. 41 (1). P. 88–110.

ренциация тарифных коэффициентов уменьшалась с 2,5 до 2 раз¹⁹⁴. Фактически речь шла об унификации оплаты труда работников одноименных профессий и специальностей одинаковой квалификации. Вместе с решением об установлении минимального размера заработной платы рабочих и служащих в 30–35 руб. в месяц¹⁹⁵ это привело к уменьшению количества низкооплачиваемых работников в общей численности занятых на производстве и в непроизводственной сфере. Также наблюдался опережающий рост зарплат рабочих по сравнению с инженерно-техническим персоналом. В итоге с начала 1950-х до середины 1960-х гг. дифференциация в зарплате по народному хозяйству в целом сократилась с 1,78 до 1,46 раза¹⁹⁶.

Постоянно происходило сокращение разницы в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий ИТР и другими служащими¹⁹⁷. Уменьшение дифференциации в системе оплаты можно рассматривать как движение в сторону эгалитаризма. В то же время с точки зрения развития производства реформа привела лишь к ограниченным результатам, новая система оплаты труда не стала действенным стимулом к его интенсификации и не способствовала технологическому обновлению производства на основе достижений научно-технического прогресса¹⁹⁸.

На рубеже десятилетий наблюдался и рост доходов колхозников. Появление у населения дополнительных «живых денег» вело

---

¹⁹⁴ О переводе на семичасовой рабочий день, повышении и упорядочении заработной платы работников предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности : постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР от 09.04.1959 // Организация заработной платы рабочих СССР : сб. нормативных актов. М., 1965. С. 104–106.

¹⁹⁵ О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим : постановление Совета министров СССР ЦК КПСС и ВЦСПС от 8 сентября 1956 г. // Сборник важнейших законов и постановлений о труде. М., 1959. С. 88–89.

¹⁹⁶ Анисимова Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 1. С. 67–68.

¹⁹⁷ Капустин Е. И. Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // Труд и заработная плата в СССР. М., 1974. С. 263.

¹⁹⁸ Filtzer D. The Soviet Wage Reform of 1956–1962. P. 96–98.

к увеличению объемов потребления промышленных и продовольственных товаров. Об этом свидетельствовал рост розничного товарооборота. Его физический объем на душу населения в 1960 г. увеличился по сравнению с 1957 г. в 1,4 раза. Правда, затем темпы роста розничного товаропотребления заметно снизились. В результате абсолютный прирост оборота торговли в 1961–1965 гг. оказался даже ниже, чем за предыдущее пятилетие¹⁹⁹. Это произошло за счет падения темпов роста продаж практически всех продовольственных и промышленных товаров повседневного спроса. Исключение составляли лишь культурно-бытовые товары длительного пользования: возможности их приобретения значительно увеличились. В результате в 1965 г. по сравнению с 1960 г. обеспеченность населения, например, телевизорами увеличилась почти в два с половиной раза, а холодильниками и стиральными машинами — в три раза²⁰⁰. Конечно, это был рост от крайне низкой базы. Да и потенциальный спрос на такие товары все же увеличивался быстрее, чем предложение, что оборачивалось их дефицитом.

Однако прогресс в повышении уровня жизни не стоит преувеличивать. В сравнении с обещаниями «в ближайшие 10–20 лет» добиться материального изобилия и кардинально расширить объем предоставляемых населению услуг он выглядел скромно. К тому же позитивные изменения были нестабильными год от года, и население постоянно сталкивалось с все новыми и новыми проблемами и ограничениями. Одной из таких проблем стал катастрофически низкий урожай зерновых 1963 г., в результате в стране образовался острый недостаток продовольственных товаров. Сам Хрущев объяснял его плохими погодными условиями. Выступая на совещании работников сельского хозяйства Северного Кавказа в Краснодаре, он говорил: «в 1963 г. сложилась трудная обстановка, и мы не можем собрать то количество хлеба, на которое рассчитывали. В этих условиях ЦК КПСС вынужден был обратиться к партии, к народу, чтобы более экономно расходовать зерно как для продовольст-

---

¹⁹⁹ История социалистической экономики СССР : в 7 т. М., 1980. Т. 6. С. 547, 549; Т. 7. С. 527.

²⁰⁰ Народное хозяйство СССР в 1967 году. С. 696.

венных целей, так и для корма скоту, а также для технических надобностей. Нам пришлось закупить продовольственное зерно за границей»²⁰¹.

На самом деле первопричины продовольственного кризиса лежали гораздо глубже. Застой в развитии сельского хозяйства обозначился уже в конце 1950-х гг. Он был вызван падением темпов технического оснащения сельхозпроизводства, его неэффективной организацией, недостатком капитальных вложений в так необходимые мелиорацию и ирригацию земель, проведенными ограничениями на личные подсобные хозяйства и т. д. Неурожай лишь усугубил эти проблемы.

Нарастание трудностей в обеспечении населения продуктами питания, многими предметами первой необходимости, культурно-бытовыми товарами имело вполне предсказуемые последствия. Дефицит породил коррупцию и создавал условия для обогащения отдельных «предприимчивых» людей, так называемых спекулянтов. С другой стороны, он в меньшей мере касался различных привилегированных групп: жителей столичных городов, крупных промышленных центров, работников отдельных организаций, предприятий и, конечно же, номенклатуры, которая имела доступ к закрытым распределителям и стандарты потребления которой в гораздо меньшей степени зависели от величины заработной платы.

Статистически дифференциация учитываемых доходов с середины 1950-х гг. демонстрировала тенденцию к некоторому снижению, что могло бы свидетельствовать об успешности политики. Доходы 50 % наименее обеспеченных категорий населения в ВВП возросли с середины 1950-х до середины 1960-х гг. приблизительно с 25 до 28 %, а 10 % наиболее обеспеченных — уменьшились с 26 до 22 %. Это привело к тому, что почти на 2 %, почти с 6 до 4 %, снизилась условная величина богатства, принадлежавшего 1 % наиболее обеспеченных слоев населения, вернувшись, по сути, к досталинским

---

²⁰¹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 8. С. 190.

временам²⁰². На деле это совершенно не означало уменьшения дифференциации в контроле над имуществом и в потреблении, которое в полной мере определялось местом в иерархии статусов²⁰³.

Некоторое снижение с середины 1950-х гг. разницы в доходах различных страт населения, кроме целенаправленной идеологизированной политики, можно объяснить определенным ростом среднего класса «по-советски», происходившим на фоне постепенного нарастания дефицита потребительских товаров и развития теневого сектора экономики. Иными словами, цифры официальной статистики становились все более «лукавыми», поскольку в реальной жизни, вопреки провозглашенному политическому курсу, наблюдалось растущее социально-экономическое неравенство. Разрыв в уровне жизни рядовых работников и членов различных привилегированных страт населения, обладавших альтернативными (как легальными, так и нелегальными) возможностями доступа к товарам и услугам, постоянно увеличивался²⁰⁴.

Адекватного сокращения неравенства в доходах так и не произошло. Дело заключалось в различном товарном наполнении рубля для отдельных социально-профессиональных групп. В привилегированном положении оказывались те, кто имел возможность приобретать товары в специальных распределителях. Эта практика не ограничивалась узким слоем партийно-государственной номенклатуры и хозяйственных руководителей, а также работниками оборонно-промышленного комплекса. В ряде случаев она

---

²⁰² *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. Working Paper 23712 // National bureau of economic research : [website]. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 22.05.2025). См. также: Век расслоения: шесть графиков о неравенстве в России // ИА «Аврора» : [сайт]. 2017. 23 авг. URL: <https://aurora.network/articles/6-jekonomika/54657-vek-rassloenija-shest-grafikov-o-neravenstve-v-rossii> (дата обращения: 12.12.2023).

²⁰³ *Водичев Е. Г.* Труд, собственность и экономические свободы в концептах и советских реалиях // Ист. курьер : [сайт]. 2023. № 1 (27). С. 33–49. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-03.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁰⁴ *Клисторин В. И.* Россия в XX веке. Цена революции // ЭКО : всерос. экон. журн. 2017. № 11 (521). С. 41.

распространялась на предприятия и организации гражданского сектора экономики, признанные особо важными по тем или иным причинам. Как работала эта система, хорошо иллюстрирует случай Новосибирского научного центра СО АН СССР. Его председателю академику М. А. Лаврентьеву удалось «пробить» снабжение сотрудников его институтов и обслуживающих организаций в счет лимитов Минсредмаша («атомного министерства»). Они были прикреплены к так называемым столам заказов Управления рабочего снабжения Сibaкадемстроя (структуры Минсредмаша), где покупали дефицитные товары по государственным ценам. А жители Новосибирска в основном приобретали те же товары в кооперативной торговле по значительно более высоким ценам. Причем существовали два вида «столов заказов»: общий и докторский с расширенной номенклатурой товаров. Очевидно, что такой порядок существенно сокращал расходы на питание тех, кто попадал под него. Аналогичным образом действовала система распределения промышленных товаров.

Очевидное неравенство в уровне и качестве жизни, естественно, вызывало недовольство очень многих. Особенно негативное отношение вызывали случаи обогащения на дефиците и бросающиеся в глаза привилегии номенклатуры. Их трудно было совместить с успешным «продвижением» к коммунизму и «моральным кодексом» его «строителей» как путеводной звездой на этом пути. В народе все чаще стали говорить о «советском капитализме» и новых «советских боярах».

В начале 1960-х гг. ситуация стала стремительно ухудшаться. Для стабилизации денежного обращения и сохранения бюджетных расходов были уменьшены дотации сельскому хозяйству, а чтобы компенсировать производителям их сокращение, правительство приняло решение о повышении с 1 июня 1962 г. розничных цен на продукцию животноводства почти на треть²⁰⁵. В числе непопу-

---

²⁰⁵ О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное : постановление Совета министров СССР от 17 мая 1962 г. № 456 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-

лярных мер также можно назвать фактический отказ от сделанных ранее обещаний, таких как снижение подоходного налога, платы за жилищно-коммунальные услуги, проезд на общественном транспорте и др. Наряду с ростом розничных цен особенно негативно воспринималось «ползучее» увеличение норм выработки при расчете заработной платы производственным рабочим, что на деле замедляло ее рост. За четыре последних года семилетки, по официальным данным, средняя зарплата рабочих в промышленности увеличилась только на 8,7 %, а у ИТР даже несколько уменьшилась. Если при этом учесть повышение розничных цен, то положение с ростом заработной платы было еще более неблагоприятным²⁰⁶. С учетом роста цен на продукцию животноводства в государственной торговле и их соответствующего увеличения на колхозном рынке такая динамика означала стагнацию или даже падение реальных доходов значительной части населения. И это, если судить по уменьшению доли заработной платы в стоимости продукта, происходило при опережающем росте интенсивности труда. Иными словами, уже в начале 1960-х гг. политика быстрого роста зарплаты сменилась политикой его сдерживания, поскольку во главу угла была поставлена проблема опережающего роста производительности труда. Денежная реформа 1961 г. только усугубила ситуацию, что также не добавило популярности властям.

В итоге эйфория от деклараций третьей программы КПСС и позитивная реакция в обществе на содержащиеся в ней обещания заместилась острым недовольством населения. Столкнувшись с нараставшим дефицитом продуктов питания, ростом интенсивности труда, который не сопровождался адекватным повышением уровня его оплаты, увеличивающимся неравенством в доходах и усилившимся социальным расслоением, многие выражали явное

правовой информации консорциума «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765712927> (дата обращения: 12.12.2023); Обращение ЦК КПСС и Совета министров СССР «Ко всему советскому народу» // Правда. 1 июня. 1962. С. 1.

²⁰⁶ См.: О путях повышения экономической эффективности общественного производства : докл. президиума Акад. наук СССР // Архив РАН. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

разочарование «политикой партии и правительства». Все чаще задавались вопросы: почему вместо приближения к изобилию жить становится всей трудней, чем объяснить отсутствие видимых результатов в достижении более «справедливого» распределения доходов? Особенно многочисленными были обращения в органы власти, в которых в жестких выражениях характеризовалась ситуация в продовольственном секторе страны. Так, в октябре 1960 г. в ЦК КПСС поступило письмо от группы рабочих, в котором говорилось: «Мы, рабочие завода “Красная звезда” г. Кировограда, решили обратиться лично к вам, так как наши местные партийные руководители не обращают внимания на наши жалобы. Наша жалоба заключается в том, что наша Кировоградская область вот уже скоро год как не стала снабжаться жирами, сливочного масла мы уже не видим год, если его выбросят, то не больше на сто человек, сала нет, даже нет маргарина. На рынке колхозники продают масло сливочное 40 рублей, молоко литр 5 рублей, сало 36 рублей. Разве может рабочий купить что-либо из этих жиров? А по радио чуть ли не ежедневно говорят о том, что “по маслу и молоку обогнали Америку”. Но мы от недоедания начинаем болеть, очень часто рабочие нашего завода падают у станка — делается головокружение. Разве можно это допускать? Это можно только в капиталистической стране, но не в нашей»²⁰⁷.

В другом письме, датированном 21 июля 1961 г., поднимались вопросы социального неравенства. От имени жителей Анапы было сформулировано: «Хотим задать Вам вопрос. Мы же идем к коммунизму. Почему же у нас, как и в дореволюционное время, образовалось два класса — имущих и неимущих? Закон охраняет собственность, но какую? Скажите, пожалуйста, можно ли, работая, на свои трудовые деньги приобрести двухэтажные дачи, разные “Волги” и т. д.? Нет, нет и нет! У нас сейчас есть полно людей, которые нечестно приобретают себе виллы под Москвой

---

²⁰⁷ Письма народа Хрущеву // Newsland. Момент истины : Письма народа Хрущеву : [сайт]. URL: <https://newsland.com/post/2077992-pisma-naroda-khrushchevu> (дата обращения: 12.12.2023). Авторы публикации указывают на то, что документы извлечены из фондов ГАРФ и РГАСПИ, но не приводят конкретные данные.

с машинами, со всякими угодьями, большими огородами ягодными, которые продают в Москве по баснословным ценам. И это можно! К нам в Анапу приезжают курортники, больше половины — на своих “Волгах”. **Откуда все это?** (здесь и ниже так в письме. — Е. А., Е. В.). На какие средства здесь у многих построены дома с 10-ю комнатами, которые сдаются внаем по бешеным ценам? Правильно в газете требуют рабочие проверить поголовно всех в Союзе, кто имеет свои дома и свои машины, на какие средства это приобретено. Вот и выявятся хапуги, спекулянты и всякий сброд, у которого это нужно отнять и сдать государству. Пока еще к этому никаких мер не принимается, а пора бы положить конец толстопузым завам, как партийным в особенности, так и беспартийным, **а то выходит, это мы идем не к коммунизму, а старым собственникам**»²⁰⁸.

В некоторых письмах высказывались сомнения в реальности официальных заявлений об имевшихся достижениях. В одном из них говорилось: «Вот и выходит, что даже подтасованные цифры свидетельствуют о том, что “социалистическое” сельское хозяйство Хрущева после всех невероятных усилий находится на сегодня в гораздо худшем состоянии, чем сельское хозяйство царской России. <...> Вот почему наш народ и голодает уже 33 года после НЭПа. Спрашивается, стоило ли ради этого совершать революцию, приносить в жертву столько человеческих жизней, сотворить столько “теорий”, устраивать варфоломеевские ночи 1937–1938 гг.? Стоило ли так бессовестно и безжалостно ограблять народ и превращать его в рабов государственного капитализма как в городе, так и в деревне?»²⁰⁹ Для власти такие заявления звучали очень серьезно, поскольку ставили под вопрос ключевые достижения социалистического строительства.

---

²⁰⁸ Письма народа Хрущеву.

²⁰⁹ Цит. по: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. С. 302. Фрагменты писем с критикой экономической политики Н. С. Хрущева приводятся также на страницах монографии А. А. Фокина, см.: Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017.

Документы партийных инстанций свидетельствуют не только о росте социального недовольства, но и об открытых протестах в стране, имевших место в 1961 и 1962 гг. Забастовки рабочих и беспорядки произошли в Тульской обл., в Муроме и Александрове Владимирской обл., в Бийске, в Карелии²¹⁰. В приказе председателя КГБ «Об усилении борьбы органов государственной безопасности с враждебными проявлениями антисоветских элементов» констатировалось: «В последние годы в некоторых городах страны произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами административных зданий, уничтожением общественного имущества, нападением на представителей власти и другими бесчинствами. Зачинщики этих беспорядков, как правило, были уголовно-хулиганствующие элементы, однако в ходе беспорядков всплывали на поверхность и проявляли повышенную активность враждебно настроенные лица, бывшие немецкие каратели и пособники, церковники и сектанты, которые в ряде случаев своими действиями стремились придать стихийно возникшим событиям контрреволюционную направленность»²¹¹. В этом документе важно не специфическое объяснение причин произошедших выступлений, а признание того, что они приняли массовый характер.

После опубликования постановления о повышении цен на мясомолочную продукцию, принятого в мае 1962 г., в ряде городов появились листовки и надписи, которые чекисты отнесли к числу антисоветских. Но апогеем нараставших протестных настроений стали события в Новочеркаске. Их обстоятельства хорошо известны, документы опубликованы²¹². Важно только отметить, что протесты удалось подавить, лишь задействовав воинские части. Такого в городах не наблюдалось с окончания Гражданской войны.

---

²¹⁰ См.: Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. С. 428–450.

²¹¹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2009. С. 337.

²¹² См., например: Новочеркасская трагедия, 1962 // Ист. архив. 1993. № 1. С. 110–136.

В результате было убито около 20 чел., а 116 впоследствии осудили по уголовным статьям.

Думается, что новочеркасский расстрел, информация о котором просочилась в народ, стал последним аргументом, разрушившим надежды общества на выполнение социальных программ Н. С. Хрущева и похоронившим все его реальные и виртуальные достижения. Терпели крах ключевые идеологемы и мифологемы, на которых базировалась хрущевская стратегия. По мнению авторитетных исследователей, «руководство СССР своими собственными размахистскими действиями спровоцировало конфликт и создало опасность “соединения” народного недовольства с идеологией политического протеста. <...> Власть попала в заколдованный круг. Экономические проблемы невозможно было разрешить, не вызывая возмущения граждан, не создавая предпосылок для роста оппозиционных настроений, не провоцируя невыгодных для власти сравнений между декларируемыми целями (строительство коммунизма и т. п.) и унылой действительностью»²¹³.

Параллельно с этим происходил рост недовольства элит. У многих непродуманные планы и заявления Хрущева об уверенном движении в «светлое будущее» вызывали теперь раздражение и желание дистанцироваться от наиболее одиозных проявлений его политики. Личный авторитет Хрущева стремительно падал.

Думается, что Хрущев в принципе осознавал эту проблему. Но как любой популист, он все же надеялся на поддержку партии и народа, «широких масс населения». Как справедливо отмечалось Л. Грулио, одним из известных американских аналитиков, современников советского лидера, «советский режим всегда зависит от трех элементов — принуждения, материального стимулирования и убеждения, хотя они используются по-разному в разное время, что зависит от того, кто находится у власти. Если сталинский лагерь отступает, то становится необходимым использовать материальную заинтересованность в форме увеличения производства продуктов потребления и более эффективную пропаганду. Такова была полити-

²¹³ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. С. 338–339.

ка Хрущева»²¹⁴. До тех пор, пока динамика потребления оставалась позитивной, народ сохранял доверие к нему и к постулируемым им самим ценностям и идеалам. Но степень доверия оказалась конечной, а время — преходящим...

---

²¹⁴ Цит по: *Кимура Х.* Личная собственность в СССР и ее связь с общественными фондами потребления и перспективы их развития // Hokkaido University : [website]. С. 139. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/5053/1/KJ00000113015.pdf> (accessed: 12.12.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы хрущевского руководства страна изменилась. Однако многие, если не большинство трансформаций хрущевской эпохи, оказались непоследовательными, незавершенными — как те, что были лишь в планах, так и те, к осуществлению которых удалось с разной степенью успешности приступить на практике. Прежде всего не удалось добиться ускорения темпов экономического развития. Это ставило под сомнение «символы веры», гласившие, что страна поступательно движется в светлое коммунистическое будущее, которое уже «не за горами». Ситуацию усугубляла форма подачи амбициозных планов коммунистического строительства: они содержали расчеты, выраженные в конкретных цифрах. В сталинское время так тоже поступали, однако выполненные расчеты создания «материально-технической базы коммунизма» не были официально приняты и обнародованы, поэтому нереальность сталинских проектировок коммунистического строительства не являлась очевидной. Хрущевские же амбиции, подтвержденные якобы «строгими научными расчетами», сразу же становились достоянием «широкой общественности».

Планы коммунистического строительства доводились до населения посредством набора простых формул. Их смысловой круг был весьма ограничен. Все подчинялось главной мифологеме о возможности построения коммунизма в СССР в течение жизни одного поколения, и этой установкой руководствовались при определении долгосрочной стратегии экономического развития. Ее цели и задачи формулировались в рамках так называемого социалистического выбора, что на практике означало незыблемость основ экономики административно-распределительного типа. Наличие частной собственности на орудия и средства производства считалось

несовместимым с «социалистической системой хозяйствования» и исключалось из всех проектировок по определению. Товарно-денежные отношения допускались лишь в крайне выхолощенном формате. Конкуренция как способ повышения мотивации субъектов хозяйствования считалась недопустимой. Попытки же ее замещения лозунгами и призывами в условиях либерализации общества оказывались несостоятельными. Без жесткого административного давления и чрезвычайных мер они не срабатывали.

Похоже, что сам Хрущев и его соратники не только не осознавали специфики современного им этапа формирования мировых трендов постиндустриализма, но и, по большому счету, не понимали, как устроена командная экономика, каковы ее сильные и слабые стороны. Они, по сути, оставались заложниками индустриализационного мышления и были не способны ответить на вызовы, с которыми столкнулся в своем экономическом развитии Советский Союз. Строя планы на будущее, хрущевское руководство основывалось на экстраполяции прежних позитивных тенденций. Однако впечатляющая динамика 1950-х гг. базировалась на преходящих факторах роста. В условиях расширения масштабов и усложнения структуры экономики они не могли сохраняться долго. Практика убедительно демонстрировала, что без радикальных изменений в экономическом механизме их действенность ограничена по времени. Тем не менее, готовность признать этот факт отсутствовала. При таком подходе к планированию политика и идеология подменяли собой экономику, а индоктринация населения — материальное стимулирование труда. В результате активно пропагандировавшиеся планы «рывка в коммунизм» оказались несостоятельными, а их обнародование дискредитировало саму идею коммунизма и подорвало доверие к партии как «руководящей и направляющей силе» советского общества.

Экономические проектировки при Хрущеве во многом диктовались правилами политической игры и служили его интересам по упрочению власти. Важную роль играл и личностный фактор. Это обстоятельство зачастую заставляло его действовать конъюнктурно, что приводило к постоянным зигзагам в экономической политике. Были и сила инерции советской экономической модели,

и то, что в экономике иногда называют path dependence, или эффект колеи. Отсюда сопротивление попыткам разработки и реализации новых стратегий. В итоге реформирование экономики по-прежнему опиралось на концепты и институты из прежних времен, которые чаще всего препятствовали новациям.

В частности, никак не удавалось приблизить темпы роста производств, работающих на потребительский рынок, к аналогичному показателю развития базовой и оборонной промышленности. Такая задача предусматривалась директивами семилетнего плана и третьей программы КПСС. О необходимости ее решения неоднократно напоминал Н. С. Хрущев на заседаниях Президиума ЦК¹. Но на практике ничего не менялось. «Производство средств производства» продолжало развиваться опережающими темпами. Выступая на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК, председатель Совмина СССР А. Н. Косыгин констатировал, что имеет место «неправильное соотношение... между развитием промышленности группы “А” и промышленностью группы “Б”» «со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для материального благосостояния населения и экономики в целом». То же самое он повторил на XXIII съезде партии (апрель 1966 г.), подводя итоги семилетки. Нарушение «необходимых пропорций... между различными отраслями» Косыгин объяснил двумя основными причинами. С одной стороны, это «агрессивные действия империалистов» на международной арене, вынудившие «Центральный комитет КПСС и советское правительство... пойти на увеличение расходов на оборону». А с другой — ошибки и просчеты семилетнего плана, усугубленные «непродуманным волюнтаристским подходом к решению ряда сложных хозяйственных проблем»².

Несомненно, эти факторы способствовали нарастанию диспропорций в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Но главная причина заключалась в родовых особенностях «социалистической системы производства» и в сложившихся представлениях о том, как должна функционировать советская экономика. Их набор был весьма

¹ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 628, 764.

² Косыгин А. Н. К великой цели : избр. речи и ст. : в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 321, 365.

прост: тяжелая промышленность важнее, чем легкая, чем сельское хозяйство; наращивание военной мощи имеет неоспоримый приоритет; развитием социальной инфраструктуры и повышением материального благосостояния можно пренебречь в случае каких-либо затруднений в достижении намеченных целей. Такой подход позволил провести форсированную индустриализацию и создать материальные основы победы во Второй мировой войне, ударными темпами осуществить послевоенное восстановление народного хозяйства, оснастить вооруженные силы ракетно-ядерным оружием и т. д.

Казалось, что экономика мобилизационно-распределительного типа способна справиться с решением любой задачи и нет резона что-то менять в организации и правилах ее функционирования. Поэтому в практической политике ими руководствовались как на высшем, так и на низшем уровнях управления. А если контрольные цифры противоречили складывающейся реальности, то их легко можно было откорректировать.

Конечно, важную роль в определении экономического курса играла личная позиция лидера страны и его ближайшего окружения, однако это не означало обязательную реализацию идей и установок в полном объеме. Они должны были соответствовать принятым «правилам игры», то есть, согласно Д. Норту, действующим институтам³. Иначе их нужно было менять, о чем хрущевское руководство не смело даже помыслить. В этом плане Хрущев оставался продолжателем прежних стратегий. В принципиальном отношении его инициативы ничем не угрожали феномену советской модели индустриальной модернизации. А те, что плохо вписывались в рамки директивно управляемой экономики, были быстро отторгнуты.

Сказанное подтверждает попытка перехода к территориальному принципу управления экономикой. Совнархозовская реформа оказалась малоэффективным начинанием — вместо ожидаемого ускорения экономического развития способствовала его торможению. Это разительно отличалось от экономических преобразований в Китае после смерти Мао Цзедуна. Там выстроенная по совет-

³ См.: Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 79, 80.

ским лекалам индустриальная система сразу подверглась серьезной трансформации. Карьерные перспективы региональных руководителей поставили в зависимость от экономических результатов подведомственных им территорий. Была расширена реальная самостоятельность госпредприятий в финансовых вопросах, введено использование экономических методов мотивации труда, допущены индивидуальное предпринимательство и организация негосударственных предприятий, работающих на рыночных условиях, начато создание особых экономических зон, которые должны были стать лабораториями для экспериментов с капиталистическими принципами хозяйствования⁴. В СССР об этом можно было только мечтать.

Совнархозовская реформа в первую очередь была направлена на укрепление личной власти Хрущева с опорой на региональные элиты. Однако контрреформы, в частности, укрупнение совнархозов, массовое создание отраслевых госкомитетов вместо упраздненных министерств и в особенности разделение территориальных структур партийного управления на промышленные и сельскохозяйственные, разрушили ее поддержку, что сыграло для Хрущева роковую роль в октябре 1964 г. Была еще одна причина роста недовольства его новациями: пропагандировавшаяся им установка на формирование «общества потребления» изначально не встречала однозначной поддержки у власть предержащих. Советские руководители не могли и не хотели сконцентрировать все ресурсы на улучшении материального благосостояния населения (как Сталин сконцентрировал их на тяжелой промышленности). Даже при сохранении базовых принципов экономической политики такие новации грозили изменением существующего *status quo*, что угрожало частным интересам значительной части правящей элиты. К тому же задача радикального повышения уровня жизни не соответствовала возможностям экономики. В условиях ограниченности ресурсов она входила в противоречие с ускорением темпов экономического роста, поддержанием должной обороноспособности страны. При сохранении жесткой конфронтации с западным военно-политическим бло-

---

⁴ См.: Коуз Р., Ван Мин. Как Китай стал капиталистическим. М., 2016. С. 73–103.

ком огромные средства требовались для наращивания мощностей военно-промышленного комплекса, и его запросы удовлетворялись в первую очередь. Правда, в отсутствие должного контроля это оборачивалось избыточным ростом военных расходов, и именно они на рубеже 1950–1960-х гг. стали первопричиной замедления экономической динамики.

Разумеется, проблема наращивания военной мощи в публичном пространстве не обсуждалась. И в официальных документах, и в выступлениях политических лидеров безапелляционно заявлялось: «партия и правительство» делают «все необходимое и достаточное» для упрочения безопасности страны, для защиты «дела мира и социализма во всем мире». Главными же приоритетами экономического развития страны назывались химизация и электрификация народного хозяйства, механизация и автоматизация производственных процессов, широкое использование ядерных технологий в мирных целях. Эти приоритеты стали «визитной карточкой» хрущевской эпохи. Хотя, по большому счету, здесь не было ничего оригинального: электрификация, химизация и т. д. в сталинское время тоже назывались магистральными направлениями научно-технического прогресса, поскольку отражали современные тенденции в развитии производства.

Однако ни на уровне идеологов, ни в контексте реальной экономической политики хрущевское руководство так и не осознало, что для выхода на устойчиво высокие темпы роста экономики необходимо провести назревшие преобразования хозяйственного механизма, что именно он блокирует ускорение научно-технического прогресса, являвшегося решающим условием интенсификации производства и перехода к постиндустриальному типу развития. Это происходило несмотря на все постулаты теории научно-технической революции. Данное противоречие в программных документах времен «хрущевского десятилетия» так и осталось неразрешенным, а теория НТР, не учитывавшая социальные изменения, естественные при формировании новых технологических укладов, фактически стала тормозом на пути СССР в постиндустриальную экономику. Внедрению в общественное сознание представлений о необходимо-

сти опоры на достижения науки и техники это не мешало, но реальной абсорбции инноваций отнюдь не помогало. Результаты такой политики уже тогда нетрудно было предвидеть. Да и сам Хрущев, правда, чуть позже, весьма эмоционально говорил: «Все догоняем и догнать никак не можем этот гнилой капитализм. А этот гнилой капитализм дает нам такие уроки, что мы от изумления рот раскрываем»⁵.

Конечно, Хрущев был не одинок во власти. Большая часть из его окружения какое-то время с пониманием воспринимала озвучивавшиеся им экономические аллюзии. К числу таких политических фигур в разное время принадлежали Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин и другие политические лидеры. Впрочем, не исключено, что они, как и сам Хрущев, осознавали недостижимость поставленных целей и неэффективность предлагавшихся для этого средств, но предполагали, что в любом случае по естественным причинам ответственность за это будет нести уже новое поколение руководителей. Хотя, судя по всему, Хрущев был последним лидером страны, искренне верившим в идеалы коммунизма. Однако и «управленческий цинизм» полностью исключать нельзя. Впоследствии отсутствие ответственности политической власти и хозяйственного руководства за декларируемые цели развития стало типичной практикой советской методологии управления.

Нельзя исключать и еще один фактор. Окостеневшие социальные институты, сформировавшиеся в 1930-е гг., при Хрущеве породили феномен «отрицательного отбора» и блокировали продвижение во властной иерархии тех руководителей, кто пытался мыслить и тем более действовать, выходя за рамки сложившихся административных правил и стереотипов. Усложнявшаяся экономика, новые политические и социальные вызовы объективно предъявляли запрос на креативность и нестандартность мышления и поведения. Однако система «отбраковывала» таких руководителей

---

⁵ Никита Хрущев — голос из прошлого. Фильм четвертый. Крах / студия «Артель» ; реж. А. Чашихин-Тоидзе // YouTube : [сайт]. URL https://www.youtube.com/watch?v=qICndUTqF2o&feature=emb_logo (дата обращения: 12.12.2022).

уже на ранней стадии. В итоге в практике управления правилами стали поддержание укоренившихся «правил игры» и негативное отношение к любым переменам, заставлявшим искать новые подходы к решению технологических и социально-экономических проблем. Проявлялось это и на высшем уровне. По свидетельству А. И. Микояна, после утверждения безусловного лидерства Н. С. Хрущева в 1957 г. произошло снижение уровня компетентности руководства⁶. Большинство его выдвиженцев сделало карьеру в качестве работников партаппарата, прежде всего как руководители региональных партийных организаций⁷, и в силу своего жизненного опыта и образования они не отличались глубоким пониманием проблем практической экономики. Да и не это было для Хрущева главным: больше всего он ценил лояльность, а не компетентность и профессиональные знания. В этом смысле «менеджеральная революция» как часть тенденций постиндустриализма СССР не коснулась.

В любом случае идеологемы, воплощенные в лозунги и призывы, не могли заместить собой конкретные инструменты решения накопившихся проблем, связанных с неработающими процессами внедрения инноваций и трансфера технологий, отсутствием материальной заинтересованности субъектов хозяйствования в результатах своей деятельности, низким уровнем администрирования и т. д. Понимание этого стало приходить лишь в самом конце пребывания Н. С. Хрущева у власти, когда и эффективность экономики, и качество экономического управления уже существенно снизились.

Трудности и противоречия повседневного быта, расхождение между пропагандой грядущего изобилия и реальностью, расширение возможности ее сравнения со стандартами западного «общества потребления» оборачивались ростом недовольства. Они наглядно свидетельствовали о разительном несоответствии теории и практики, нараставшем расхождении заманчивых обещаний с реальным состоянием дел. Увеличение масштабов «параллельной экономики» лишь частично снимало остроту всеобщего дефицита и недовольства насе-

⁶ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 604.

⁷ Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 245–247.

ления. Но это криминализировало экономические отношения и никак не гармонизировало с принципами «Морального кодекса строителей коммунизма», ставшего неотъемлемой частью новой программы партии. Призывы руководствоваться ими лишь подрывали авторитет ее лидера и становились катализатором всеобщего раздражения.

Однако партийно-государственное руководство не проявляло готовности и стремления поступиться принципами и переосмыслить хотя бы некоторые аспекты «социалистической системы хозяйствования». Основы мобилизационной экономики, сформулированные в ходе форсированной индустриализации, сохранились в полном объеме, хотя они уже не отвечали новым реалиям, связанным с постиндустриальной перспективой. Но «широкие круги» правящей элиты оказались не готовы к смене модели экономического развития. Они прекрасно осознавали, что это неизбежно приведет к ущемлению их жизненных интересов, и выступали за неизбывность «старого порядка». Да и общество в целом не ощущало необходимость радикальных перемен.

В результате реформы вылились в череду ситуативных административных перестроек. Те новации, которые противоречили логике развития директивно управляемой экономики, быстро отвергались. Так случилось с совнархозами и большинством популистских обещаний Хрущева. Такими обещаниями он рассчитывал мобилизовать советское общество на новые «трудовые подвиги». Однако реальность перечеркнула надежды на скорое построение коммунизма с его изобилием материальных благ. Это дискредитировало коммунистический проект в глазах подавляющего большинства населения и правящей элиты уже в годы хрущевского руководства. Выстрелы при появлении массовых протестов в Новочеркасске прозвучали по нему громким набатом. Что касается экономических стратегий, то они так и продолжали сочиняться по сталинским лекалам вплоть до конца советской эпохи. И «пушки» в них всегда выигрывали у «масла».

СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР — Академия наук СССР

Архив РАН — Архив Российской академии наук

ВВП — валовой внутренний продукт

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВНП — валовой национальный продукт

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВСНХ СССР — Высший совет народного хозяйства СССР

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

Главниипроект — Главное управление научно-исследовательских и проектных организаций при Госплане СССР

Главпромстрой — Главное управление лагерей промышленного строительства (оно же ГУЛПС НКВД/МВД СССР).

ГККНИР — Государственный комитет Совета министров СССР по координации научно-исследовательских работ

ГКНТ — Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике

ГКО — Государственный комитет обороны

ГНТК — Государственный научно-технический комитет Совета министров СССР

Госплан СССР — Государственный плановый комитет Совета министров СССР

Госснаб — Государственный комитет СССР по материально-техническому снабжению

Госстрой — Государственный комитет СССР по строительству и инвестициям

Гостехника — Государственный комитет Совета министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство

Госэкономкомиссия — Государственная экономическая комиссия СМ СССР по текущему планированию народного хозяйства

Госэкономсовет — Государственный научно-экономический совет Совета министров СССР

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ИМЭМО — Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР

КБВИС — Конструкторское бюро высокоинтенсивных источников света

Минвуз — Министерство высшего образования СССР

Минобщемаш — Министерство общего машиностроения СССР

Минсредмаш — Министерство среднего машиностроения СССР

НАСО — Научный архив Сибирского отделения РАН

НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НИУ — научно-исследовательское учреждение

НТП — научно-технический прогресс

НТР — научно-техническая революция

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ОКБ — особое конструкторское бюро

ПГУ — Первое главное управление при Совете министров СССР

РГАНИ — Российский государственный архив Новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

РФЯЦ-ВНИИТФ — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина

РФЯЦ-ВНИИЭФ — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики

СКБ — специальное конструкторское бюро

СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

Спецкомитет — Специальный комитет при Совете министров СССР

СНХ СССР — Совет народного хозяйства СССР

ТЭС — технико-экономические советы

ЦСУ — Центральное статистическое управление СССР

Научное издание

Артемов Евгений Тимофеевич

Водичев Евгений Григорьевич

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ УСКОРЕНИЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
«ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Редактор *Е. В. Березина*

Корректор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

На обложке:

«Наши цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи!»

Плакат. 1962. Худ. Б. Н. Белопольский.

Изображение с сайта: <https://arthive.net>

Подписано в печать 03.07.2025. Формат 60 × 84 1/16.
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 14,06
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 125.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

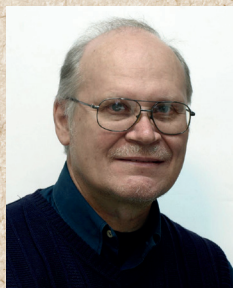
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ ЦСД
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 358-93-22
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

АРТЕМОВ ЕВГЕНИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Доктор исторических наук. Выпускник Новосибирского государственного университета. После его окончания работал в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. С 1988 г. — в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН: заведующий отделом, заместитель директора, директор, главный научный сотрудник. Сфера научных интересов — советская экономическая и научно-техническая политика, история ядерно-оружейного комплекса, проблемы регионального развития. Автор более 200 научных публикаций, в том числе монографий «Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири, 1944–1980 гг.» (Новосибирск, 1990), «Укрощение урана» (в соавторстве с А. Э. Беделем, Екатеринбург, 1999), «Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации» (М., 2006), «Атомный проект в координатах сталинской экономики» (М., 2017).

ВОДИЧЕВ ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Доктор исторических наук. Выпускник Новосибирского государственного университета. Работал в Сибирском отделении РАН, а также в консалтинговых компаниях. С 2012 г. профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета и кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. Сфера научных интересов — ретроспективные аспекты экономической и научно-технической политики России, интеграционные и дезинтеграционные процессы в Европе и Евразии. Автор более 200 публикаций, в том числе монографий «Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири» (Новосибирск, 1990), «Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири» (Новосибирск, 1994), «Европейский союз и Сибирь» (Новосибирск, 2004), «Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы» (Новосибирск, 2012), «Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект» (в соавторстве с Л. Ф. Лиссом и Ю. И. Узбекиковой, Новосибирск, 2013), «Университеты в истории общества. Европа, США и Россия» (в соавторстве с О. В. Зиневич, Новосибирск, 2023).

